

Л. СЕБАНИЕВ

ИСКОННО

РУССКАЯ

РЫБАЛКА

ЖИЗНЬ И ЛОВЛЯ
ПРЕСНОВОДНЫХ РЫБ

Леонид Павлович Сабанеев
Исконно русская рыбалка: Жизнь
и ловля пресноводных рыб

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9741376

*Исконно русская рыбалка. Жизнь и ловля пресноводных рыб/ Л. П. Сабанеев: РИПОЛ классик;
Москва ; 2007
ISBN 978-5-7905-4091-2*

Аннотация

Перед вами знаменитая книга известнейшего русского ученого Леонида Павловича Сабанеева, которая, выдержав десятки переизданий, остается одним из наиболее полных и авторитетных пособий по рыбной ловле. Это издание станет самым лучшим подарком для каждого настоящего рыбака, мужчины, для которого рыбалка не простое увлечение, а состояние души.

В книге вы найдете самую полную информацию о жизни различных видов пресноводных рыб, о зонах их распространения, привычках и повадках. Вас ждут подробное описание наиболее эффективных способов рыбной ловли, надежные рекомендации по выбору рыболовных снастей, многие утраченные на сегодняшний день приемы и способы добычи рыб.

Опытные рыболовы откроют для себя абсолютно новые, удивительные секреты рыбалки, а начинающие смогут стать настоящими профессионалами.

По своему содержанию и увлекательности изложения книга Сабанеева не имеет равных как в отечественной, так и зарубежной литературе.

Содержание

К новому изданию	4
От издательства	5
Часть первая	6
Окунь	6
Берш	25
Судак	27
Чоп	36
Ерш	37
Ерш-носарь	49
Подкаменщик	51
Колюшка	54
Бычки	57
Налим	60
Угорь	72
Лосось	79
Таймень	95
Палья	100
Форель	103
Хариус	129
Корюшка	139
Снеток	143
Конец ознакомительного фрагмента.	146

Л. П. Сабанеев

Исконно русская рыбалка. Жизнь и ловля пресноводных рыб

К новому изданию

Случается, что родится на земле кто-нибудь из людей под счастливой звездой, и тогда любимое его занятие становится для него и делом всей его жизни. Вот так и произошло в России с одним человеком ровно 162 года назад. Имя его – Леонид Павлович Сабанеев.

Ученый-ихтиолог, журналист, редактор, писатель, путешественник – он обладал редчайшим даром искусного проникновения в жизнь слова. Почти за полтора столетия, минувших с момента создания им двух известнейших во всем мире книг об охоте и рыбалке, ни одна из многочисленных попыток прочих авторов хотя бы подтянуться до уровня сабанеевских шедевров не увенчалась успехом.

Исследовательский талант Сабанеева, к счастью, вырос на благодатной почве. Ему судьбой выпало родиться в стране необъятных просторов, провести свою жизнь среди лесов и рек, научиться не только самому понимать язык живой природы, но и доносить его до рядового русского читателя.

Ветер странствий был родным братом ученого. Казалось, что сама природа России открывает ему сокровенные тайны. Опыт, приобретенный за десятилетия проведенных экспедиций по самым дальним и труднодоступным регионам огромной страны, искрящихся жемчугом речных просторов, выплескивался на страницы авторитетных тематических рыболовных и охотничьих журналов. Увлекательная форма изложения научных изысканий, предельная ясность в описании самого объекта, четкость формулировок, лаконичность, искренность, полнота раскрытия образа в сочетании с предельной краткостью и, наконец, глубинное знание предмета исследования – вот отличительные черты творчества этого поистине великого русского человека.

Не в этом ли и заключается секрет такого удивительного долгожительства созданных им Произведений! Мы уверены: кто бы из издателей ни переиздавал сегодня его книги, какими бы тиражами они ни выходили – все равно их всегда будет не хватать читателю. Потому что, по крайней мере для русского человека, они необходимы так же, как воздух, которым, пока ты живешь на этой замечательной планете, невозможно надышаться однажды и навсегда. И сегодня нам трудно представить тот день, когда на полках книжных магазинов нельзя будет отыскать книги Л. П. Сабанеева. И чтобы подобного точно не случилось хотя бы в ближайшее время, мы тоже решили внести свою маленькую лепту в общее дело популяризации Классика русской литературы.

И если правда, что боги не засчитывают людям в срок их жизни дни, проведенные на рыбалке и охоте, тогда получается, что прожил Леонид Павлович очень долгую жизнь, а не те короткие 54 года, что отвела ему судьба. И нам хочется верить, что, дочитав до последней страницы книгу, которую Вы держите в руках, Вы обязательно скажете: да, Сабанеев продолжает жить и сейчас.

Издатели этой книги напоминают читателю, что многие из описываемых Л. П. Сабанеевым промысловых способов ловли рыбы сегодня категорически запрещены. Просим наших читателей соблюдать правила рыбной ловли в соответствии с законом.

От издательства

В 1911 года вышло в свет третье издание знаменитой книги Л. П. Сабанеева «Рыбы России», на основе которой и подготовлена предлагаемая вашему вниманию книга «Исконно русская рыбалка».

Известнейший русский ученый Л. П. Сабанеев является признанным классиком литературы по спортивной ловле рыб и русской охоте.

По ясности, полноте и увлекательности изложения его книги и по сей день не имеют себе равных как в отечественной, так и зарубежной литературе, посвященной вопросам жизни рыб и способам любительского лова.

Главная заслуга этого выдающегося ученого заключается в популяризации знаний по вопросам ихтиологии. Максимальная простота и доступность сделали эти книги интересными самой широкой читательской аудитории.

При подготовке издания мы старались полностью сохранить стиль письма Л. П. Сабанеева. В книге также сохранены все рекомендуемые им способы любительского лова рыб за исключением тех методов добычи, которые теперь квалифицируются как истребительские, браконьерские. В немногих случаях также опущены устаревшие на сегодняшний день выражения и детали, которые вряд ли будут важны и интересны современному рыболову. Книга дополнена рядом необходимых примечаний, основанных на последних открытиях современной ихтиологии. Примечания эти преимущественно касаются систематики и биологии рыб.

Читателей ждет подробное описание наиболее эффективных способов рыбной ловли, надежные рекомендации по выбору рыболовных снастей, многие утраченные на сегодняшний день приемы добычи рыб.

Знаменитейшая книга, которая выдержала десяток переизданий, и сегодня является одним из самых компетентных и авторитетных пособий по рыбному лову.

Издание, несомненно, станет великолепным подарком и незаменимым помощником для всех любителей рыбной ловли, окажет большую практическую помощь как опытным, так и начинающим рыболовам, специалистам-ихтиологам, работникам рыболовецких организаций, а также всем тем, кто занимается профессиональным разведением рыб. Книга особенно придется по вкусу тем людям, для которых рыбалка не просто увлечение, а состояние души.

Часть первая

Окунь *Perca fluviatilis* L

Эта всем известная рыба вместе с плотвой принадлежит к самым многочисленным обитателям наших пресных вод: всюду – в реках и речках, озерах, даже непроточных прудах с достаточно свежей водой – окунь водится в изобилии (рис. 1). Некоторые озера даже заселены одной этой рыбой, и она водится как в солоноватых озерах Киргизских и Зюнгарских степей, так и в пресноводных частях Каспийского и Аральского морей, в речных лиманах Черного моря и поблизости этих лиманов, в Финском заливе и на мелководье Балтийского побережья (о-в Эзель), ее не бывает только в горных быстротекущих ручьях. Окунь встречается во всей Европе (кроме Испании) до 69° с. ш., на Кавказе (кроме бассейна Куры), в Туркестанском крае (в Аральском море и в низовых частях Сырдарьи и Амударьи), в большей части Сибири, до бассейна Лены, по-видимому, и в озере Байкал (Георги). Всего обыкновеннее он в средней и южной России и средней Сибири, а в северных реках, например в Печоре, уже довольно редок; на Енисее, ниже Туруханска, он не встречается. Озера с чистой водой составляют любимое местопребывание окуня, и в них он лучше всего размножается.

По своему складу и цвету тела окунь легко отличается от всех других наших рыб. Туловище его довольно широко, особенно у крупных окуней, и несколько горбато; спина темно-зеленая, бока зеленовато-желтые, брюхо желтоватое; поперек всего тела тянутся 5–9 поперечных темных полосок, которые делают его очень пестрым; в некоторых случаях эти полоски заменяются темными, неправильными пятнами. Кроме того, хвостовой плавник, особенно в нижней своей части, заднепроходный и брюшные плавники ярко-красного цвета; грудные плавники желтые, первый спинной плавник сизый, с большим черным пятном на конце, второй – зеленовато-желтый. Глаза оранжевые. Впрочем, цвет окуня зависит, как у большинства рыб, от качества воды, а еще более от цвета грунта. Поэтому окуни в прозрачной воде со светлым песчаным или глинистым дном очень светлы, иногда даже без черного глазка на спинном плавнике и с малозаметными поперечными полосками. Наоборот, в лесных озерах с черным тинистым дном они имеют более темные полосы, более темную спину и ярко-желтое брюхо. В некоторых местностях (как, например, в Сенежском озере, Московской губернии) окуни имеют даже золотистые жаберные крышки. Кроме того, следует заметить, что молодые окуни до двухлетнего возраста одноцветнее достигших половой зрелости и что самые крупные сравнительно темнее. На жаберных крышках находится по одному острому шипу, которые очень больно колются и даже могут причинить опухоль и легкое воспаление. Рот очень велик и вооружен многочисленными, но очень мелкими зубами.

Обыкновенная величина окуня не превышает 0,8–1,2 кг. В весьма редких случаях он достигает у нас 2–2,8 кг и только в больших озерах, например Онежском, попадаются 3,2-килограммовые а в Чудском даже 4,3-килограммовые окуни. Но в реках и озерах Западной Сибири подобные гиганты не составляют уже очень большой диковинки, и в озерах Екатеринбургского уезда в настоящее время попадаются громадные окуни в 4–5 кг. Впрочем, крупные окуни вовсе не так велики, как бы следовало ожидать, что зависит от того, что они растут более в толщину и вышину, нежели в длину. Они почти никогда не бывают более 54 см, но зато толщина их в спине простирается иногда до 16 см, а вышина до 26 см.

Рис. 1. Окунь

Смотря по величине, а также времени года, окунь держится в более или менее глубоких местах реки или озера. Летом мелкие и средние выбирают своим местопребыванием заводи, курьи, поросшие водяными растениями (лопухами, горошницей – *Potamogeton*, камышом и тростником), которые служат им также засадой при ловле мелкой рыбешки, и вообще держатся на большой глубине, но осенью выходят на более открытые места. Крупные же окуни постоянно живут на глубине – в омутах, ямах – и выходят оттуда только по утрам и под вечер. В Финском заливе и в больших северо-западных озерах они постоянно держатся на глубине десяти и более сажен (1 сажень составляет 2,1 м), между камнями. В Онежском озере, например, они нередко встречаются на такой огромной глубине (до 92 и более метров), что плавающий пузырь у них расширяется, сдвигает другие внутренности, иногда вдавливая желудок в самую глотку, а иногда даже совсем лопаются. В теплое время года окуни обыкновенно замечаются небольшими стайками, в несколько десятков, редко сотен штук, и то мелких, годовалых, но весной, перед нерестом и особенно в конце осени, они собираются в огромные стаи, которые состоят из рыб одинакового возраста и бывают тем многочисленнее, чем они мельче, так что самые большие стаи бывают осенью и состоят из сеголетков и полугодовалых окуней. Судя по тому, что они ловятся в большом количестве почти всю зиму неводами и на удочку, надо полагать, что эти стаи разделяются на меньшие только ранней весной. Вообще окунь – рыба оседлая, никогда не совершает дальних странствований, даже перед нерестом, и нередко, как, например, в прудах и озерах, живет круглый год в одном и том же месте. Это замечается, например, в тех зауральских озерах, в которых лучат рыбу не только осенью, но и весной, даже летом: во всякое время, в глубоких курьях (заливах) этих озер замечаются огромные окуни, твердую чешую которых не пробивает никакая острога, почему рыбаки даже не бьют их.

Крупный окунь весьма проворная, сильная и хищная рыба. Надо удивляться жадности и упорству, с каким он преследует поверху какую-нибудь рыбку, отбитую им от станички. Несчастная рыбешка, как шальная, выпрыгивает из воды, а окунь кружится за нею, открывая свою огромную пасть с громким чавканьем до тех пор, пока не схватит ее. Чавканье крупного окуня так громко, что в тихую погоду его можно слышать шагов за сто. Мелкие окуньки не уступают крупным в бойкости и проворстве движений. Кто не видал, как охотятся стаи окуньков за мальками, то есть молодью других рыб; случается даже, что они, увлекшись преследованием, выскакивают вслед за своей добычей на мель, даже на прибрежный песок. Плавают окуни очень быстро, однако толчками, часто внезапно останавливаясь и потом опять бросаясь вперед. Окунь не дает спуска никакому живому существу, начиная от мелких водяных насекомых и кончая довольно крупными рыбами, лишь бы она пришлась ему по силам и могла поместиться в его широкой пасти. Сам же он сравнительно редко достается в пищу другим хищным рыбам, которым не нравятся его острые спинные иглы. Главная пища окуня – мелкая рыбешка, также икра; крупный окунь любит раков и во время линьки последних держится у камней, коряг, под берегом – одним словом, около рачьих нор. Мелкие рачки из рода бокоплавов (*Gammarus*) и других близких, встречающиеся во многих озерах северной, частью средней России, также составляют весьма лакомую пищу этой рыбы. В зауральских озерах так называемый мормыш, по-видимому, составляет главную пищу окуней с октября по декабрь и в феврале – марте. Этим объясняется, почему в озерах, изобилующих мормышем, окунь растет чрезвычайно быстро и достигает огромных размеров.

Половая зрелость наступает обыкновенно на третьем, очень редко, только в самых кормных озерах, к каковым принадлежат многие озера Зауральского края, – на 2-м году. Здесь

можно встретить полутораговых окуней, весящих до 200 г, но в реках эта рыба растет несравненно медленнее, и окуни, выклюнувшиеся почти два года назад, редко достигают и 12–13 см в длину (от конца носа до конца хвоста) и почти всегда мечут в следующую, то есть третью весну.

Время нереста окуня различно, смотря по широте местности. В южной России, в устьях рек Черноморского и Каспийского бассейнов он мечет икру в марте, иногда даже в конце февраля (на Дону); в черноземной полосе – в первой половине апреля; в подмосковных губерниях – во второй половине, чаще в последней четверти того же месяца, иногда в первых числах мая; на севере, тоже в некоторых поздно вскрывающихся озерах среднего Урала, – в середине, даже в конце мая. Вообще нерест окуня зависит от времени окончательного вскрытия вод: в прудах и озерах он никогда не «трется» ранее совершенного исчезновения льда и только в низовьях больших рек, текущих на юг, кончает нерест до начала прибыли воды и хода льда из верховьев. В Центральной России речной окунь мечет икру обыкновенно, когда вода пойдет на убыль, прежде всего в небольших речках. В полупроточных прудах, то есть имеющих течение только весной и после сильных дождей, нерест начинается на несколько дней позднее, чем в реках, а в непроточных озерах он замедляется еще более. Таким образом, в одной и той же местности разница во времени нереста может быть более недели, иногда десятидневная. Явление это объясняется тем, что каждая порода рыбы не мечет икру прежде, чем вода достигает известной температуры, при которой становится возможным развитие икры той или другой породы. Окунь, по-видимому, нерестится, когда вода достигает +7 или +8° тепла. Вообще у нас, под Москвой, начало нереста окуня в речках и реках совпадает с началом распускания березы, а самый поздний нерест бывает в начале мая, когда лист уже вполне развернулся. Раньше окуня мечут икру многие другие рыбы – елец, щука, язь и шереспер, только в низовьях Волги окунь, по наблюдениям Яковлева, нерестится раньше всех рыб – в марте, тотчас по вскрытии устьев от льда.

Стаи окуней покидают свои зимние становища – ямы, – как только образуются небольшие закраины, то есть при первой прибыли воды, разбиваются на меньшие станицы и подходят к берегам. Нередко из больших рек или озер станицы эти входят в притоки, очистившиеся от льда, гуляют некоторое время по разливам этих речек, преследуя здесь мелкую рыбешку и поедая икру ельцов, щук и язев, никогда, впрочем, не подымаясь далеко вверх по течению. Такие стаи обыкновенно выметывают тут икру и возвращаются обратно в реку, когда она уже войдет в берега. Большая часть окуней в больших реках нерестится, однако, в старицах и поемных озерах, куда загоняет их половодье; при быстром спаде вод они иногда остаются здесь до следующей весны или большого паводка. В низовьях Волги большинство окуней трется в глухих ериках и ильменах, не имеющих во время нереста (до разлива) еще сообщения с руслом, и могут выйти отсюда только много позднее. Стаи же, зазимовавшие на речных ямах и на взморье (в тех частях Каспия, где не преобладает пресная вода, окунь не живет), заходят для нерестования в первые попавшиеся ильмени и култуки, то есть речные и морские заливы.

Численность весенних стай окуня почти всегда находится в зависимости от возраста рыбы и от ее изобилия. Наибольшими стаями мечет молодой, обыкновенно двухгодовалый, почти четырнадцатисантиметровый (считая от носа до конца хвоста) окунь; самые крупные особи трутся небольшими семьями. В реках, однако, весенние станицы окуней всегда гораздо малочисленнее, чем в больших проточных прудах или озерах, особенно таких, где окунь составляет чуть ли не главную породу рыб. В последних мелкий окунь нерестится огромными стадами в несколько тысяч штук, хотя очень может быть, что эта численность стай только кажущаяся и каждая стая состоит из многих отдельных станиц, собравшихся в одно место, удобное для нереста. Иначе весьма трудно объяснить, почему в ериках и ильменах устьев Волги, где окунь также встречается во множестве, он, как свидетельствует В. Е.

Яковлев, выметывает икру «не косяками, а в одиночку, отдельными парами или небольшими стайками». Это может быть справедливо только там, где окунь очень редок. По моим наблюдениям, молошников бывает значительно менее, чем икряников, но зато в росте самцов и самок не замечено никакой разницы. Кажется, крупный окунь нерестится немного позднее мелкого (на несколько дней), но не могу утверждать этого; весьма вероятно, что большие особи, зимующие в самых глубоких ямах, выходят на мелкую, более теплую воду позднее, чем мелочь, становящая ближе к берегу.

Самый нерест в реках производится почти всегда в местах, не имеющих никакого течения или только слабое, непременно там, где окуни могут найти такие предметы, о которые они бы могли тереться и тем способствовать скорейшему вытеканию икры и молок. Предметы эти различны, смотря по характеру местности. В прудах и озерах окуни трутся в старом, обломанном камыше и тростнике, на неглубоких местах, а за неимением названных растений – на оставшихся стеблях и корнях лопуха (кувшинки); в речках икра выметывается в заводях или заливах тоже на стебли водяных растений или на коряги, разный хлам, на корни подмытых водой деревьев, иногда на ветви затопленных кустарников; в больших реках окунь трется большей частью в старицах и поемных озерах, тоже в травах. Только в северных и северо-западных озерах (частью реках) с каменистым ложем окунь выметывает икру на камни, а иногда на песок. Замечено, что крупные окуни всегда трутся в более глубоких местах, чем мелкие, и всего охотнее бросают икру на старые затонувшие стебли водяных растений. Во время нереста, по тем же причинам, окуни хорошо идут в морды и верши, сплетенные из ивовых прутьев, и их легко привлечь в какое-либо место, наложив туда несколько сосенок или елочек.

Подобно большинству рыб, окуни, незадолго до нереста, получают более яркую окраску. Близость наступления этого времени всегда можно определить за несколько дней или недель по более красным плавникам и резко выделяющимся полосам на спине. Окуни с созревшими половыми продуктами поэтому весьма отличаются от молодых прошлогодних и третьегодних окуньков, всегда более бледных и почти одноцветных. Окуньки эти в большинстве случаев массами следуют за стаями нерестующих рыб и усердно подьедают выметанную ими икру.

Самый нерест совершается относительно спокойнее, чем, напр., у плотвы, ельца, леща и некоторых других карповых рыб, мечущих икру большими стадами. Нерест крупных окуней даже мало заметен, отчасти потому, что стаи их незначительны, отчасти потому, что они трутся на большей глубине, чем мелкие, – между глубоко засевших камышей или (в некоторых озерах) между камней. Но мелкий окунь, по крайней мере в так называемых окуневых озерах, выметывая икру большими рунами (к которым присоединяются еще большие стаи несовершеннолетних окуньков) и на мелководье, часто выпрыгивает из воды, а иногда даже собирается в озерные заливы в таком количестве, что верхние ряды, выпираемые нижними наружу, производят сильный плеск, издали слышимый и видимый. Самым лучшим указателем нерестилища и вообще большого скопления рыбы служит, как почти всегда, присутствие чаек, гагар и другой водяной птицы.

Окунь нерестится исключительно рано утром, иногда незадолго до солнечного заката; в полдневный жар и вечером игра значительно ослабевает, стая на время редет, а на ночь волнующаяся рыба и совсем успокаивается. Каждое руно большей частью оканчивает нерест в два, три приема, т. е. в утро и вечер или в два утра и вечер, но игра окуня всех возрастов продолжается весьма значительное время – около недели.

Икра этой рыбы весьма многочисленна: в двухсотграммовом окуне насчитывается от 200 до 300 000 икринок, а в крупных гораздо более. Весьма характерную особенность икры окуня составляет то обстоятельство, что она выпускается длинными, десяти-, иногда четырнадцатисантиметровыми студенистыми лентами, в которых отдельные икринки, величиной

с маковое зерно, лежат маленькими кучками (от 3–5 икринок), а каждая такая кучка заключена в особую студенистую клетку, отчего вся лента получает вид как бы узенькой сети. Эти ленты, по выходе, свертываются в неправильные клубки и прикрепляются обыкновенно к подводным растениям или же свободно плавают на поверхности. Во многих местностях России (напр., на Днепре и на северо-западных озерах) рыбаки собирают на местах нереста эту икру и варят ее наподобие каши или употребляют вместо начинки для пирогов. Еще большее количество икры истребляется, конечно, водяными птицами и поедается рыбами.

Этим отчасти объясняется, почему при такой массе икринок, выбрасываемых каждой самкой, окуни местами далеко не так многочисленны, как следовало бы ожидать. Но, кроме того, икра окуня подвержена еще многим случайностям, и «урожай» молоди, едва ли не больше, чем у других рыб, зависит от атмосферных влияний – температуры и особенно ветров. Так как окунь нерестует довольно рано, на неглубоких местах и даже выпускает икру на поверхность воды, то один сильный утренник может погубить почти всю икру и полуразвившихся зародышей. Что же касается ветра, то на развитие икры он чаще имеет полезное, чем вредное влияние, по той причине, что при тихой погоде окуневые ленты легко слипаются в комья (от 14–17 см в диаметре), и в таких комьях большая часть икринок, будучи лишена воздуха, загнивает и заражает здоровые зародыши. Поэтому в тихие, безветренные весны мелкого окуня нарождается несравненно менее, чем в ветреные, когда комья эти разбиваются волнами и прибоем, и по той же причине окуней бывает гораздо больше в открытых озерах и прудах, чем в таких, которые окружены лесом, хотя бы последние были гораздо кормнее первых. Однако сильные бури в больших озерах и на взморье очень вредны для размножения окуня, так как масса икры выбрасывается на песчаные косы и пологие берега и потом здесь обсыхает.

Выметав икру, стаи оголодавших окуней первое время бродят около берега на небольшой глубине и кормятся главным образом икрой других рыб, особенно икрой плотвы, которая нерестится вскоре после окуня, также земляными червями, принесенными в реку или пруд с пашен и огородов. Затем, у нас, в средней России, примерно во второй трети мая, окунь разбивается на небольшие стайки, и каждая станица выбирает себе известный район, которого, за редкими исключениями, не покидает все лето, т. е. ведет почти оседлый образ жизни. Численность летних стай также зависит от возраста рыбы и от местности; таким образом, самые крупные окуни встречаются в это время даже в одиночку, редко более десятка вместе; мелкие же окуни ходят десятками, а иногда, как в некоторых озерах и в нижневолжских ильменах, – сотнями. Летнее местопребывание окуня также много зависит от местности и довольно разнообразно, но вообще можно сказать, что окунь летом, за редкими исключениями, держится на средней глубине, на небольшом течении и только там, где может найти какую-нибудь защиту или, вернее, засаду. Крупные окуни всегда выбирают более глубокие и крепкие места. Можно почти принять за правило, что в стоячих или полупроточных водах окуни стоят в более глубокорастущих камышах и в других водяных растениях, преимущественно лопухах и порошнице (*Potamogeton*), ближе к краям поросли, неподалеку от чистых мест. В реках они также выбирают травянистые заводи, старицы, а за неимением их держатся на слабом течении около камней или в коряжнике и колоднике, наконец, в ярах и мельничных омутах с водоворотом. В небольших речках стайки окуней встречаются только в бочагах (т. е. более широких, глубоких и медленнее текущих местах) и обыкновенно стоят здесь недалеко от переката, выжидая добычи – червей, частью насекомых, приносимых течением, и мелкой рыбешки. Кроме того, окуни всюду любят держаться около купален, свай, мостов и груд хвороста.

Всюду и всегда окунь, подобно щуке, ведет вполне дневной образ жизни и с сумерек до полного рассвета, т. е. вскоре после заката и незадолго до восхода, стоит неподвижно в своем убежище в полусонном состоянии и в это время не принимает пищи. Только в конце мая и

в начале июня он бродит всю ночь, но и то в более северных местностях. Окунь выходит на добычу ранним утром, причем, увлекаемые преследованием, рыбешки часто разбредаются в разные стороны и довольно далеко от становища. В жаркий солнечный день они снова собираются и стоят в тенистых местах, в густой траве, под лопухами, нависшими деревьями или под самым берегом, если он довольно обрывист, до тех пор, пока не спадает жара, и уже не охотятся, а только подстерегают добычу из своих засад. Плавает и стоит окунь большей частью близко от дна, хотя и не на самом дне, как, напр., ерш, налим, голец, именно на расстоянии 5—18 см, но по временам он подымается выше – вполводы и даже к самой поверхности. Вообще можно сказать, что чем выше поднимаются стайки рыбешки, тем мельче ходят окуневые стайки. Этим объясняется, почему окуни, несмотря на то что не любят теплой воды, около полудня придерживаются верхних слоев. Впрочем, среди лета, в самую сильную жару, в непроточных прудах и озерах окуни подвигаются к ключам или на глубину, прячутся под наплавы, в проточных выходят в русло на течение и иногда подымаются вверх по реке, доходя до следующей запруды. По-видимому, к этому передвижению побуждают их, кроме теплой воды, и сильно беспокоящие их паразиты. Что же касается чисто речного окуня, то летние перекочевки его зависят главным образом от недостатка пищи на прежних местах и большей частью бывают временные, как и причина этого недостатка – большая прибыль воды. При каждом паводке образующаяся муть и сильное течение гонят мелочь в затоны, заливы или же в устья мелких притоков, где, понятное дело, вода быстрее очищается и (так как подпружена) имеет более слабое течение. Вслед за мелкой рыбой идет и окунь и вместе с нею же скатывается обратно в реку, занимая прежние места. В низовьях больших рек прибыль воды может быть вызвана сильным низовым ветром, но последствия ее одинаковы: вся молодежь рыбы, ютящаяся около самых берегов и на мелких местах, при наступлении «моряны» идет на разлив, а вслед за ней трогаются с места и окуни. При убыли воды они, вслед за мальками, начинают вместе с водой скатываться обратно в русло реки, почему никогда не обсыхают на мели, как это случается со многими карповыми рыбами.

Главную пищу окуня составляет, конечно, мелкая рыба – молодежь или самые мелкие породы; рыба крупнее (7—10 см) достается в добычу только самым большим окуням и то сравнительно редко, так как слишком проворна для этих, сравнительно неповоротливых, хищников. Но окунь не дает спуска ничему живому и в некоторых местностях временами даже исключительно кормится весной червями, среди лета линяющими раками или молодыми рачками; поздней осенью, в начале и в конце зимы главную пищу окуней во многих озерах северной, частью средней России и Сибири составляют мелкие породы рачков, бокоплавы или мормыши (*Gammarus*). Собственно, насекомых эта рыба ест только при недостатке другой пищи. Из мелких рыб окунь всегда преследует наиболее распространенную и всего легче достающуюся ему породу. Те рыбы, которые постоянно живут в чаще водных растений, где преследование их почти невозможно, делаются его добычей только в самом юном возрасте, и окунь предпочитает охотиться на мелочь тех пород, которые любят держаться на более чистых местах, но поблизости от зарослей водяных растений, служащих ему засадой. Почти всюду в реках окунь главным образом кормится прошлогодней плотвой и мальками этой самой распространенной рыбы и только на юге России, кажется, предпочитает ей (близ конца лета и осенью) сазаньих мальков. В прудах и озерах средней России мелкий и средний окунь несомненно предпочитает мелкой плотве взрослую верховку (*Leucaspius delineatus*), которая здесь иногда бывает весьма многочисленна и представляет более легкую добычу, так как держится всегда в верхних слоях воды на еще более открытых местах, чем годовалая, уже довольно юркая плотва. В более северных озерах место верховки заменяет снеток; крупные же окуни, живущие на больших глубинах, питаются здесь молодью сегов и годовалыми сижками. Наконец, в небольших речках, вообще при недостатке мелкой плотвы, окунь охотится преимущественно за мелкими пескарями, гольцами, частью

(в средней и северной России) голянами. Всего легче достаются ему гольца, которых он усердно отыскивает в камнях, там же, где находит молодых рачков. Само собой разумеется, что он всюду не щадит своего собственного потомства, а крупный окунь также никогда не упустит случая схватить 9—12-сантиметрового собрата. Это самоедство имеет свои хорошие стороны, так как полагает пределы размножению этой плодовитой рыбы и сохраняет много молоди других пород, которую в большем количестве истребляют окуни-сеголетки (с конца лета) и годовички, чем взрослые окуни.

Вообще по своей прожорливости и вреду, приносимому им другим рыбам, окунь превосходит щуку, тем более, что везде несравненно многочисленнее последней. Окунь, при изобилии мелкой рыбешки, часто наедается до того, что не помещающиеся в желудке мальки торчат у него изо рта; иногда, не успев проглотить одной рыбки, он хватается другую. В небольшом 12-сантиметровом окуне нередко можно найти 6 и более крупных верховок. Большинство охотников-рыболовов, основываясь на этой прожорливости, полагают, что окунь, подобно другим рыбам, ест периодически, но периодичность жора вряд ли даже существует в действительности. Всякая рыба непременно всего жаднее перед нерестом, после длительного зимнего поста, затем вскоре после него, когда она спешит наверстать потерянные силы, и затем с конца лета, когда пищи поубавится или же будет доставаться с большим трудом — вплоть до наступления зимней спячки, не бывающей, кажется, только у налима. Затем, в остальное время, рыбы неохотно принимают пищу, только когда они, так сказать, находятся в болезненном состоянии и во время нереста (однако не все), день-два после его окончания, при сильном падении барометра и резкой перемене погоды к худшему, наконец, во время сильной жары, когда они, кажется, линяют и всего более страдают от паразитов. За этими исключениями все едят ежедневно и если не достаются в добычу заурядному удильщику, то только потому, что сытая, заевшаяся, а потому и ленивая рыба всегда осторожнее, осмотрительнее и прихотливее голодной и не бросается, как бешеная, на предлагаемую ей насадку, быть может уже приевшуюся. Окунь же настолько жаден и относительно глуп и неосторожен, настолько мало боится шума, за исключением крупных особей, что его можно ловить, по крайней мере в течение десяти месяцев в году, почти без перерывов. Разница будет только в количестве пойманных.

Молодь окуня вылупляется из яиц обыкновенно через две недели или более, смотря по погоде, и первое время укрывается на дне между густыми зарослями подводных растений, питаясь различными, почти микроскопическими, животными организмами, преимущественно мелкими ракообразными — циклопами, дафниями и т. п., а потом, с середины лета, мелкими личинками насекомых. Только в конце лета, не ранее последних чисел июля, когда в этой пище начнется чувствоваться недостаток, молодые окуньки, достигшие уже величины половины или трех четвертей вершка (2,5—3,5 см), смотря по кормности вод, выходят на более открытые места, преимущественно на песчаные мели, и начинают ловить здесь молодь мелких пород рыб — снетков, верховок, уклек, в свою очередь преследуемые другими хищными рыбами и чайками. Осенью, в сентябре, окунишки (окунчики, острячки) могут справиться, хотя и не в одиночку, с мальками плотвы почти одинакового с ними роста.

Почти одновременно с выходом окуневых мальков из трав стайки взрослых окуней в свою очередь покидают свои летние стоянки и выходят в более открытые и обыкновенно в более глубокие места реки, пруда или озера. Стайки эти собираются по возрастам в стада, которые продолжают увеличиваться в продолжении всей осени, почти до замерзания вод. Эти изменения образа жизни окуня обуславливаются соответственными изменениями образа жизни мальков карповых рыб, служащих ему почти исключительной осенней пищей. С конца августа окуни неотступно следуют за мелочью, собравшейся тучами, подбирают отстающих и отбившихся рыбок и, врываясь по временам в стаю, производят в ней страшные опустошения. Они охотятся уже не из засады, как летом, а нападают открыто, пищи

им вдоволь, и она достается им даже легче, чем летом. А так как местопребывание малька осенью еще более зависит от уровня воды и направления ветра (в озерах в особенности), то это обстоятельство необходимо всегда иметь в виду при разыскивании окуня. В паводки, как сказано выше, малька жмет к берегам или входит в притоки; в сильный ветер она уходит обыкновенно или в подветренную сторону, или вглубь. Кроме того, большую часть осени хорошими указателями местопребывания малька и, следовательно, окуня служат чайки и гагары, которые в свою очередь преследуют мелкую рыбу, иногда довольствуясь мальками, заматыми окунями или вырыгнутыми ими. За редкими исключениями, окунь осенью держится близко от дна, поднимаясь в пол-воды только в очень теплую и ясную погоду. После первых сильных утренников он уже перестает выбрасываться из воды, конечно, потому, что вся рыба, тем более мальки, с этого времени держится в нижних, более теплых слоях.

По той же причине стаи окуней, вслед за стадами малька, с наступлением холодов, в конце осени, мало-помалу перебираются в более глубокие места, вернее, в ямы и выходят оттуда все реже и реже. В конце октября и начале ноября в средней полосе окунь стоит уже на зимних становищах и меняет их только в том случае, если будет чем-нибудь потревожен. Места этих становищ неизменны, и главные условия их заключаются в углублении дна с возможно крепким – песчаным, каменистым или глинистым грунтом и в хорошей воде; кроме того, чем крупнее окуни, тем глубже и обыкновенно дальше от берега они становятся. Затем, смотря по характеру вод, становища имеют много особенностей. Можно, однако, принять почти за правило, что в ключевых или полупроточных прудах, также в замкнутых озерах, окуни зимуют или в самых глубоких и чистых местах, или же залегают поблизости от ключей. То же замечается и в проточных прудах и озерах; здесь окунь часто зазимовывает в верховьях пруда, в т. н. трубе, или же хотя и в самом пруде, но в речном русле, в устьях озерных притоков. В больших глубоких озерах северной и северо-западной России окуни предпочитают, однако, становиться на зимовку в камнях (на лудах, нальях), так же как и в некоторых глубоких и каменистых реках, не иначе, однако, как на небольшом течении. В речках же окуни почти всегда зимуют в омутах. Наконец, на Волге, Оке и в некоторых их притоках стаи окуня, по-видимому, большей частью стоят под крутоярами или уступами берега, зачастую также в устьях речек. В низовьях Волги они, однако, предпочитают главному руслу чистые и глубокие ерики, где ложатся в самые глубокие, обыкновенно там, где ерик разделяется на два рукава.

Первую треть зимы окуни еще довольно энергично преследуют стаи мальков, очень часто занимающих смежные с ямами отмели, местами на севере – многочисленных рачков-бокоплавов, не боящихся холода и иногда сплошь усеивающих внутреннюю поверхность льда. Но сила и быстрота движения этих рыб, как и почти всех остальных, значительно уменьшается после замерзания вод, и они становятся все более и более вялыми. С образованием толстого слоя льда, в середине зимы, окуни, по-видимому, не выходят из своих становищ и лежат здесь на дне, почти неподвижно, тесными рядами, в несколько слоев и почти не принимают никакой пищи. С первыми оттепелями у нас, в средних губерниях, в феврале они мало-помалу начинают выходить из своего полусонного состояния и снова начинают кормиться. В конце зимы главную пищу окуней в большинстве озер северной и частью средней России составляют упомянутые выше бокоплавы (мормыш в Пермской губ., в Западной Сибири горбунчики), которые в это время размножаются и встречаются обыкновенно парами. Затем, с образованием закраин и больших полыней, стаи окуней трогаются с зимних становищ, разбиваются на меньшие стада и вскоре приступают к икрометанию.

Так как окунь почти везде принадлежит к самым многочисленным обитателям наших вод и притом, в качестве хищника, часто приносит вред другим рыбам, то, разумеется, нигде не заботятся об его разведении. В прудах и озерах, изобилующих малоценной рыбой, как верховка, голец и плотва, или трудно добываемой в большом количестве (т. е. неводами,

зимой), как линь и карась, при отсутствии щуки, размножение окуня весьма желательно и часто бывает прямой расчет пустить в пруд или озеро несколько сотен или пудов окуней, которые бы могли прекратить чрезмерное размножение и, следовательно, измельчение нехищных рыб. В прудах, где много такой вредной рыбы, как голец, который часто истребляет почти всю икру других рыб, или хотя менее вредной, но уже вполне бесполезной, как верховка, разведение окуня положительно необходимо, так как он в этом случае способствует скорейшему приросту и размножению линя и карася. Необходимо только иметь в виду, что там, где может жить только один карась, то есть в непроточных мелких прудах, промерзающих почти до дна, окунь жить не может; но там, где есть линь, красноперка, верховка, в особенности плотва, гораздо более прихотливая в отношении качества воды, то есть в прудах более глубоких, имеющих ключи, и хотя временно (весной и после сильных дождей) проточных – окуня можно развести наверняка. Затем остается только позаботиться о том, чтобы он размножался в достаточной степени, и каждую зиму делать проруби, чтобы он не задохся от недостатка воздуха и от вредных (сернисто-водородных) газов, выделяемых разлагающимися растениями и илом. Разумеется, искусственного оплодотворения делать не стоит, а совершенно достаточно в одном или нескольких местах около берега бросить в воду несколько елочек или сосенок, а за неимением их – кучу хвороста и, пожалуй, по окончании нереста обгородить их частой сетью. Этими же искусственными нерестилищами пользуются и для того, чтобы, наоборот, уменьшить количество окуней, выбрасывая затем елки; с этой же целью собирают выметанную икру сачками, к обручу которых не лишнее приделывать зубья для более удобного захватывания как окуневых «мотушек», так и травы, к которой она обыкновенно прикрепляется. К таким мерам необходимо прибегать, когда в пруде или озере имеется более ценная рыба, как, например, лещ, карп, судак; в речках, где окуни даже не особенно многочисленны, разведение форели – труд совершенно напрасный. Из вышеупомянутых рыб всего вреднее окунь для карпа; нередко окуни поедают сначала большую часть икры, а потом всю выведшуюся мелочь, так что бывают такие пруды, в которых нельзя найти ни одного молодого карпа и остаются только крупные карпы, без приплода. Единственное средство против такого чрезмерного размножения мелкого окуня – это вылавливание его частыми неводами. Правильное и крупное рыбное хозяйство, впрочем, всегда почти требует осенней ловли мелкого окуня-сеголетка (который сушится и заменяет снетка). В озерах северной и северо-западной России, где окунь живет вместе со снетком, вылавливание мелкого окуня составляет необходимость, так как в противном случае, особенно если весна благоприятствовала выводу окуневых мальков, вся молодежь снетка обречена на истребление, а следовательно, эта более ценная рыба рискует совсем перевестись, что местами и произошло. Что касается леща, то он менее терпит от окуня, так как мечет икру рано и молодежь его первое время растет быстрее; судак же, как хищник, может сам положить предел чрезмерному размножению окуня. То же самое можно было бы сказать и относительно форели, но, к сожалению, ее сравнительно малочисленная молодежь и не требует для своего уничтожения большого числа окуней. Совершенно же перевести окуня там, где ему сытно и привольно, невозможно иначе, как спустив пруд и выловив из него всю рыбу.

Рис. 2. Окунеед – самка и самец (увеличены)

Врагов у окуня много, и если он почти везде встречается в большом количестве, то только благодаря своей неприхотливости и сильному размножению. Все хищники – сом, щука, судак, налим – не брезгают им, местами сомы и щуки едва ли не предпочитают эту рыбу другим, крупные окуни поедают мелких. Водяные птицы и скопа также немало ловят

окуней. Икра его истребляется другими рыбами, в особенности гольцом (на севере и колюшкой) и водяными птицами, часто погибает от безветрия, как было сказано выше, или, напротив, сильных ветров, которые выбрасывают ее на берег. Часто окунь становится жертвой собственной жадности: случается, что схваченная рыбка проскользает в боковую жаберную щель, в которой завязает и умирает вместе с хищником; бывает также, что окунь нападает на колюшку, и она смертельно ранит его своими стоячими спинными шипами. Довольно часто подвергается он нападению паразитов, особенно в стоячих водах: в кишках у него нередко находят ленточных глист, а в полости рта живет у него особый вид паразитного рачка, так называемый окунеед (*Aechteres percarum*). В прудах и озерах, хотя и не во всех, огромное количество окуней погибает зимой от недостатка воздуха. Так называемый дух – спирание вредных газов – действует на них раньше, чем на щуку, ерша и плотву, то есть они снут раньше этих рыб.

За этим последним исключением, большая часть окуней погибает, становясь добычей человека. Но, несмотря на свою многочисленность, они не имеют такого промыслового значения, как, например, еще более многочисленная каспийская селедка и тарань и более ценные и крупные – лещ, сазан и судак. Окунь и щука – едва ли не единственные рыбы, которые почти повсеместно добываются в большом числе удильщиками, чем настоящими рыбопромышленниками.

* * *

Ужение окуней – самое легкое и заманчивое по своей добычливости, и потому любителей этой ловли очень много, особенно между начинающими и неопытными рыбаками. Окунь более или менее жадно берет почти круглый год, за исключением середины зимы, да и то не везде; клев его очень верен и срывается он редко и б. ч. по вине рыбака. Окунь «клюет» смело, сразу хватается насадку своим большим ртом и сейчас же тащит ее, заглатывая на ходу. Мелкий, впрочем, иногда теревит ее, если она велика или если он сыт. Насадкой служит обыкновенно или земляной червь, или мелкая рыбка, реже линючий рак, раковые шейки и мелкие речные рачки (преимущественно летом), еще реже, местами, т. н. мормыш (зимой). Кроме того, осенью и зимой ловят большое количество окуней на искусственную металлическую рыбку – блесну. Другие насадки, как, например, угри (личинка майского жука), мотыль (красная личинка зеленого водяного комара), другие личинки насекомых и тем более самые насекомые употребляются редко, а хлеб и зерна окунь никогда не берет.

Прикормка и привада для окуня требуются очень редко, только летом, во время плохого клева, да и тогда они мало достигают цели. Прикармливают его чаще всего червями, реже слизняками или (на течении) сырыми костями с остатками мяса. За границей (в Англии) употребляется весьма остроумный способ привлечения окуней в желаемое место, а именно: опускают туда большую широкогорлую бутылку или банку белого стекла с мелкой рыбой, предварительно завязав отверстие какой-нибудь очень редкой материей. Некоторые немецкие авторы сочинений об ужении рыбы полагают, что камфора, камфорное масло и некоторые другие пахучие вещества привлекают окуней в известное место и очень может быть, что они правы, так как не подлежит никакому сомнению, что все рыбы при приискивании добычи руководствуются главным образом обонянием, затем уже осязанием и зрением. Наилучшим приманочным составом для окуней немцы считают мазь, сделанную из камфоры, гусяного жира и жира, вытопленного из цапли (серой), который, несомненно, имеет особую привлекательность для всех рыб, а также камфора с медом. В эти составы кладут на некоторое время (на ночь) червей, раковые шейки, лягушечьи ноги и пр., и затем они бросаются, куда надо, как привада или прикормка. Советуют также ловить на червей, смазанных медом, особенно в зимнее время. Очень хорошей приманкой для окуней, как и для других хищных

рыб, служит также (по Рюлиху) бычья кровь в пузыре, в котором протыкается небольшое отверстие; пузырь, конечно, опускается в воду с камнем.

В особенно крепких и толстых лесках нет никакой надобности, и совершенно достаточно лески в 6 и никак не более 9 волос или шелковой, потоньше обыкновенной булавки. Только при ловле на жерлицы, на блесну и дорожку, когда вообще больше вероятности, что вместо окуня возьмет щука, необходима более толстая леска, иногда даже бечевка, притом с поводком из тонкого баска. Крючки, одиночные, средней величины (от № 1 до № 4), привязываются или непосредственно к леске, или на поводках из т. н. буйволового волоса, или же тонкого баска. Двойные, тем более тройные крючки-якорьки употребляются сравнительно редко, но весьма полезно иногда (при хорошем клеве) навязывать на поводок т. н. мотыль-ный крючок с длинным стержнем, который не может быть глубоко заглотан.

Способы ужения окуня довольно разнообразны. Его ловят на длинную (2,8–4,2 м) цельную или составную (трехколонную, редко четырехколонную) удочку с поплавком и без поплавка, на короткую леску, на короткие 1–1,4 м удильники с длинной леской, без поплавка (т. е. донная удочка, или ловля в закидку), на т. н. кобылку, или колодку, с короткой леской без поплавка – на весу, наконец, на блесну, на дорожку, изредка на жерлицы, на подпуски и переметы. Рассмотрим подробно каждый из этих способов ловли. Где, в какое время года и дня следует искать окуня, уже описано выше.

Ловля с поплавком употребляется в местах со слабым течением или вовсе без течения – в прудах и озерах, в речных заводях, омутах и бочагах, большей частью с берега, купален, мостов, на озерах чаще с лодки. Поплавок (пробочный или из коры осокора) должен соответствовать насадке, то есть чем последняя мельче, тем он должен быть легче; на 12–16 см от крючка к леске (или поводку) прикрепляется грузило – одна или несколько крупных дробинок или одна картечина, так, чтобы поплавок стоял вертикально и большая часть (две трети) его находилась под водой. Насадкой служит цельный червь, надеваемый с головы, с более или менее длинным хвостиком, раковая шейка (в обоих случаях насадка должна лежать на дне или висеть на 4,5–9 см от него) или мелкая рыбка, обыкновенно мелкая плотичка (в 4,5–7 см), еще чаще верховка, изредка карасик. Рыбка опускается на 12–26 см от дна и зацепляется крючком за спинку под спинной плавник. При жадном клеве, когда окунь берет не только на уже уснувшую рыбку, но даже на куски рыбы, выгоднее насаживать малявку, как червя, втыкая крючок впереди спинного плавника или сбоку его и пропуская жало позади черепа. Главное, чтобы рыбка имела на крючке правильное, горизонтальное положение, а потому там, где нет или почти нет течения, нет никакого смысла насаживать рыбку за губу или под жабры, как при ловле на течении. При клеве мелкий окунь сначала качает поплавок, а потом окунает его (вероятно, отсюда и происходит его название); крупный же чаще сразу топит его. Момент исчезновения поплавка самый удобный для подсечки, так как если опоздать, то окунь глубоко заглатывает насадку и крючок приходится или вырывать из желудка, или отцеплять особой железкой или медной спицей, оканчивающейся развилкой. Подсекать сильно не следует, так как губы у окуня довольно слабы (по той же причине кончик удилица должен быть довольно гибок) и можно их оборвать; крупный окунь, кроме того, при сильной подсечке часто обрывает леску, и благоразумнее дать ему некоторое время походить на удочке и тащить только тогда, когда он утомится и выплывет на поверхность; затем его подхватывают сачком, а за неимением сачка берут рукой (с лодки) или же вытаскивают волоком на берег, подальше от воды. Крупный окунь довольно сильная рыба; особенно упорист он на поворотах, но утомляется он сравнительно скоро. Очень часто после подсечки он бросается в берег, в траву или под лодку и запутывает леску. Так как окунь берет верно и не срывается, то ловят его большей частью на две или на три удочки; их втыкают в берег, поставив впереди колышек с развилкой для поддержки, а при ужении с лодки кладут удочки поперек ее. На одну удочку ловят только при очень хорошем клеве; в таком случае выгоднее ловить

на двойчатку (см. ерш). Впрочем, среди лета, когда окунь сыт и становится (особенно крупный) более осмотрительным и осторожным, необходимо ловить его на одну удочку, почаще меняя места. В это время стоит иногда сорваться одному, и он уводит за собой всю стайку.

Ужение на длинное удище в отвес мало отличается от предыдущего способа, но, само собой разумеется, может употребляться только на глубоких местах (не мельче 2,1 м) – с лодки, реже с плотин, мостов и купален. Насадкой служит преимущественно малявка. Здесь клев окуня виден по колебанию кончика удища, и если оно держится, то также ощущается рукой. Поэтому кончик должен быть еще чувствительнее, и чем оно тоньше и гибче, тем лучше. Мелкий окунь дергает кончик быстро, порывами, иногда как будто сдвоит, покачает, потом опять начнет дергать, и ловить его без поплавок труднее, чем с поплавком. Крупный дергает сильнее, и кончик удища начинает наклоняться все ниже и ниже; эта «потяжка» означает, что он, схватив насадку, поплыл дальше и что время его подсекать. Качание лодки волнением, с лежащими на ней удочками, нисколько, однако, не неудобно, как полагают многие, так как насадка находится в постоянном движении и берется окунем жаднее и вернее. В глубоких озерах и прудах это самый удобный способ ловли окуней, так как на *глубине* закидывание удочки с поплавком крайне затруднительно, особенно в ветер, почему озерные рыболовы и не ловят иначе как в отвес. Окунь хорошо берет (на глубине от 2 м) под самой лодкой, а в жаркие солнечные дни даже охотнее, чем вдали, так как прячется в тень.

Ловля эта труднее, чем с поплавком, но гораздо интереснее, спокойнее и добычливее, так как вытаскивание и забрасывание лески требует здесь гораздо менее времени, чем при ловле с поплавком. Закидывать поплавок легко, только когда глубина воды не превышает длины удища, но, понятное дело, закидывание поплавка на 3-саженной глубине при длине удища 6,4 м, хотя бы и легчайшего тростникового, крайне утомительно. На глубине ловля окуней с поплавком удобна только, когда поплавок скользящий, но ловля со скользящим поплавком (подробное описание ее см. щука) требует крупного наплава и пригодна только, когда окунь не очень мелок, не менее 200 г.

К этому же способу относится английское *Sinking and drawing*, то есть опускание и поднимание, напоминающее ловлю на блесну. Насадкой служит почти всегда рыбка (редко червь), которая зацепляется за спинку и опускается в те места, где охотник рассчитывает найти окуней, – в омуты, в окна между густых зарослей трав, около коряг, печур и так далее; давши дойти ей до дна (чтобы узнать глубину), ее передвигают короткими толчками вверх и в стороны, изредка опуская на дно, чтобы не потерять глубину. Таким образом «обуживают» данное место до тех пор, пока не будет поклевки, при которой немедленно подсекают. При ужении этим способом на червя полезно изредка опускать его на дно и давать лежать там около минуты.

Ужение на кобылки, специально применяемое для ловли ершей, будет описано далее. Здесь же мы скажем только, что это, в сущности, тоже ужение на весу, что употребляется оно преимущественно для зимней ловли в прорубях, реже для речной ловли с плотов летом, на несильном течении. Москворецкие рыболовы предпочитают кобылки с двойчатками, которые в других местностях малоизвестны. Насадкой служит обыкновенно червь, реже мотыль, который требует мелкого крючка с длинным стержнем, не крупнее № 8, и она должна лежать на дне или на 4,5 см от него. На кобылки, так же как и на длинную удочку без поплавка, можно ловить и на таком течении, где ловля с поплавком неудобна, так как требует частого перезакидывания; в этом случае употребляется уже более или менее тяжелое грузило, которое может лежать на дне, и малявка насаживается на крючок, как при ловле на донную.

Ловля окуней на донную, то есть на короткий удильник с очень длинной леской и тяжелым грузом, употребляется реже ужения «на поплавок» и на блесну по тем причинам, что окунь не отличается осторожностью и не держится на быстром течении. Удильник всего сподручнее можжевелевый, который, сравнительно с другими натуральными удильниками,

может быть толще в комле, так что его удобнее держать в руке, и к тому же он очень гибок и упруг, даже высохший. Удильники, состоящие из короткой рукоятки (точенной березовой, а еще лучше из толстого красного камыша, из которого делаются трости) в виде усеченного конуса, в которую (на 4,5–9 см) вставлен почти заподлицо длинный (1–1,5 м) кончик из китового уса, много красивее и надежнее можжевеловых. Длина удильника должна быть не менее 1 и никак не более 1,5 м. Леска должна быть довольно крепкая (так как вместо окуня может попасть и более крупная рыба), шелковая или волосяная в 8–12 волос, длиной 5,2–17,8 м; она непременно наматывается на крючки (медные или деревянные), из которых нижний прикрепляется к шестика (привязывается, ввинчивается, деревянные вклеиваются) на 12–16 см от комля, а верхний – на 24–32 см выше. Грузило состоит из пульки от 3 до 8 золотников (12–33 г) весом, которая раскалывается до половины и надевается на леску в 22–34 см от крючка; гораздо лучше, однако, грузило привязывать к леске на коротеньком поводке, так как в этом случае насадка не лежит на дне и потому виднее. Тяжесть грузила соразмеряется с силой течения, и груз отнюдь не должен приподниматься водой (см. язв). Крючок, обыкновенной величины, привязан к леске на длинном поводке, лучше всего жилковым. Насадкой служат или червь большой и обыкновенный земляной, реже навозный, раковая шейка, изредка цельный линючий рак или же мелкая рыбка – голец, пескарик, мелкая плотичка или другая мелкая бель до 9 см длины. На верховку в закидку не ловят, так как она в реках не живет. Живец насаживается большей частью за верхнюю губу, причем крючок продевается в ноздрю; но на более сильном течении выгоднее задевать крючок за обе губы (живец крепче держится, и его не так скоро забивает водой), или крючок пропускается в рот так, чтобы острие его выходило из-под жаберной крышки. Лучше всех как насадка – голец (впрочем, только не в каменистых местах, ибо он имеет привычку прятаться под камни), потому что скользкого гольца окунь всегда берет с головы, тогда как других живцов очень часто хватает на течении с хвоста и потому нередко срывает. Кроме того, голец долговечнее других живцов, употребляемых для ловли на донную, и представляет перед ними еще то преимущество, что гораздо чаще остается целым и невредимым, так как при подсечке выскальзывает из рта рыбы и вздергивается на поводок. Местами вместо гольцов насаживают щиповок (см. *Cobitis taenia*). В том случае, когда гольцов нет и окуни (или голавли) часто срывают живца, лучше привязать к поводку, на 4,5–7 см выше крючка, другой крючок; первый задевается за хвост или спинку у хвоста, второй за губы. Можно также, как и при ловле голавлей, держать в руке небольшой запас лески (1,4–2 м) и подсекать лишь, когда окунь вытянет всю леску.

Закидывание длинной лески донной удочки – вещь довольно трудная, особенно при легком грузиле, и требует гораздо большего навыка и ловкости, чем закидывание обыкновенной поплавочной удочки. Главные условия закидки – закинуть всю леску в намеченное место, чтобы она не попала на соседние, и не зацепить леской за шестик. Это совершается двумя или, пожалуй, тремя различными способами: в ладонь правой руки кладут живца, грузило и часть лесы, свернутой в кольца; левая рука держит шестик и (на одном пальце) почти всю другую, то есть верхнюю половину лесы, тоже в кольцах. Сильным размахом правой руки бросают живца и грузило, одновременно спуская с пальца левой кольца лески и подавая вперед удильник. Затем, когда груз достигнет дна (что ощущается рукой), леску немного подтягивают к себе и удильник закрепляют (втыкают) в берег. При ужении на донную с лодки (более правильном, чем ловля с берега) леску собирают (начиная от шестика, а не от крючка) небольшими кольцами на колени или на сиденье, подальше от удильника, правой рукой берут за леску немного выше пульки и, сделав несколько размахов, закидывают. Способ этот неудобен тем, что при сильном размахе насадка часто слетает с крючка, особенно живец, задетый за губу, а потому гораздо лучше, собрав леску, как сказано, уложить насадку и пульку в ладонь и, не вставая, закинуть от себя, но как можно выше.

Что касается подсечки, то при ловле на донную она должна следовать немедленно за тем, как почувствуется так называемая потяжка, которую легко отличить от предварительных постукиваний и пощипываний. Здесь, впрочем, окунь еще чаще сам себя подсекает, чем при ловле на поплавочные удочки.

Самая добычливая и самая характерная ловля окуня – это *ловля на блесну, или блеснение*. Блесной называется блестящая металлическая пластинка или трехгранный кусок олова, имеющие форму рыбки. На одном конце блесны продельвается отверстие, к которому привязана леска, а с другого приделывается крючок. Блесна, поддерживаемая в постоянном движении, видна в светлой воде на довольно большое расстояние (на несколько метров); окунь, принимая ее за живую рыбку, схватывает ее и зацепляется за крючок. Преимущества этого способа ловли очевидны: он не требует насадки (живца или червя), доставать которую (кроме мотыля) поздней осенью и зимой очень трудно, если не невозможно, и сохраняет много времени, так как дает возможность поймать вдвое, втрое более рыбы, чем с насадкой. Ловля на блесну, однако, может быть успешна только в таких местах, где окуня много, и тогда, когда он собрался в большие стаи (то есть не ранее августа и до весны) и вода делается достаточно прозрачной. Весной и летом окунь берет на блесну обыкновенно лишь случайно.

Блесны делаются обыкновенно или из олова, или меди, но, конечно, вместо меди можно употреблять различные сплавы, имеющие вид серебра (британский металл, польское серебро, нейзильбер, мельхиор), да и вообще медные блесны лучше серебрить, так как они тогда становятся более заметными в воде и окунь берет на них охотнее. От хорошей блесны, кроме блеска, требуется еще, чтобы она опускалась в воду не камнем, а более или менее плашмя и притом быстро колебалась с боку на бок – «играла». С этой целью блесны делаются или плоские с выгибом, или же имеют трехгранную форму, причем весьма важно определение центра тяжести всей блесны, иногда с поводком, если он проволоочный или басковый. От неумения придать блесне надлежащую форму и происходит то, что некоторые любители совершенно не признают оловянных блесен, однако, самых распространенных. Прежде чем ловить на блесну, необходимо ее предварительно попробовать дома, в кадке. Вообще можно принять за правило, что для осеннего блеснения оловянные более тяжелые и быстро падающие блесны лучше медных, которые, в свою очередь, пригоднее для блеснения подо льдом зимой, когда окунь становится очень вялым. По этой же последней причине зимняя блесна имеет обыкновенно только один крючок без бородки, тем более, что и пойманная рыба снимается тогда легче и скорее. Величина окуневых блесен не бывает меньше 1,8 см и более 6,6 см. Крючок очень часто прикрывается кусочком красного сукна, что делает их еще более заметными в воде.

Рис. 3. Сердобская блесна (сверху и сбоку)

Лучшей из оловянных блесен, на основании личного опыта, я признаю *сердобскую*, имеющую выгиб, а в разрезе форму равнобедренного треугольника с очень тупым углом в вершине и двойным крючком (в хвосте). *Московская* блесна – трехгранный кусок олова с одним крючком в голове – слишком тяжела и пригодна только для осеннего блеснения, так же как, по всей вероятности, *новгородская* – плоский овальный кусок олова (а иногда и свинца) с одним крючком. *Нижневолжская* блесна не может иметь правильного движения под водой. *Обские* блесенки отличаются от нее небольшой величиной и тем, что на крю-

чок насаживается мормыш или, за неимением его, кусочек губки. Много лучше последних *астраханская* – очень тонкая оловянная пластинка, формой похожая на чехонь, с выгибом посередине, как у сердобской, и одним крючком (без зазубрины), заложным в голову. *Пермские* и *вятские* блесны имеют вид плоской оловянной рыбки (иногда изогнутой) с чешуей и выкрашенными красной краской плавниками. Кроме того, можно указать на *нижегородские* блесны работы павловских кустарей вроде сердобских, но с одним крючком и не изогнутых, но тем не менее очень хорошо играющие в воде. Довольно сходны с ними *казанские* блесны. *Рязанские* (спасские) блесны, с насечкой в виде чешуи, очень массивны и тяжелы, а потому хуже других. Вообще же блесны весьма разнообразны, чуть ли не каждая местность имеет свой тип блесны. Все оловянные блесны отливаются вчерне в меловой или глиняной, иногда даже бумажной формочке, в которую предварительно вставлен крючок (одиночный, двойной или иногда якорец); затем их отделяют подпилком, придают надлежащую форму и в конце, противоположном крючку, просверливают отверстие для привязки лесы.

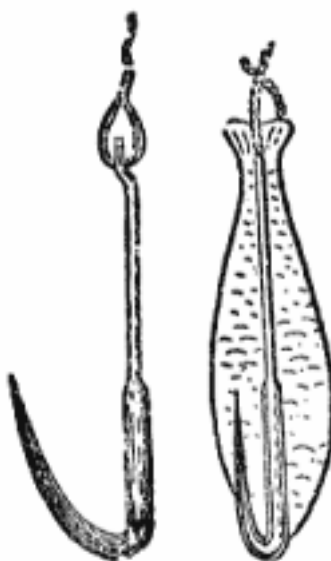

Рис. 4. Нижневолжская блесна (сбоку и сверху)

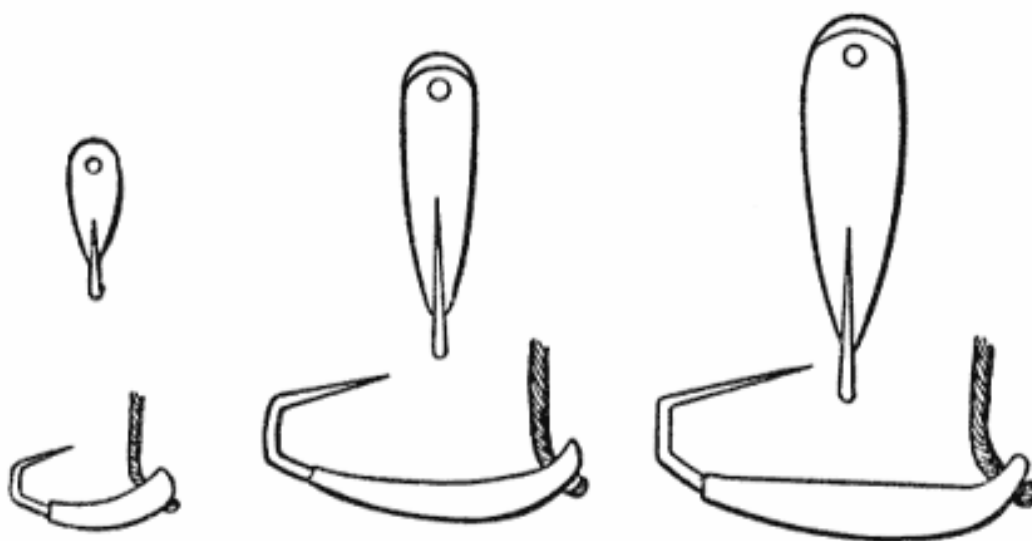

Рис. 5. Обские оловянные блесны

Медные блесны выпиливаются из тонких пластинок желтой, красной меди или томпака. Иногда крючок этих блесен составляет продолжением пластинки, но большей частью к последней припаивается стальной крючок с зазубриной (обыкновенный продажный) или без нее (из прутика косной стали). Известны *саратовские* медные блесны, которые бывают трех родов: 1) цельные, без выгиба, 2) с небольшим винтовым изгибом (вправо, немного менее $\frac{1}{8}$ оборота) и с припаянным обыкновенным крючком и 3) в форме лодочки. *Западносибирские* медные блесны имеют различную, иногда довольно странную форму, но все делаются с внутренним выгибом. По моему мнению, самые лучшие блесны из легких зимних – сделанные из чайной ложки (мельхиоровой, польского серебра и пр.) или же переделанные из заграничной блесны-дорожки в форме ложки. Крючок, с зазубриной или без нее, припаивается к узкому концу ложки, изнутри ее. Следует заметить, что медные блесны употребляются реже оловянных и также местами, хотя они по своей легкости для зимней ловли большей частью пригоднее оловянных.

Рис. 6. Саратовские медные блесны

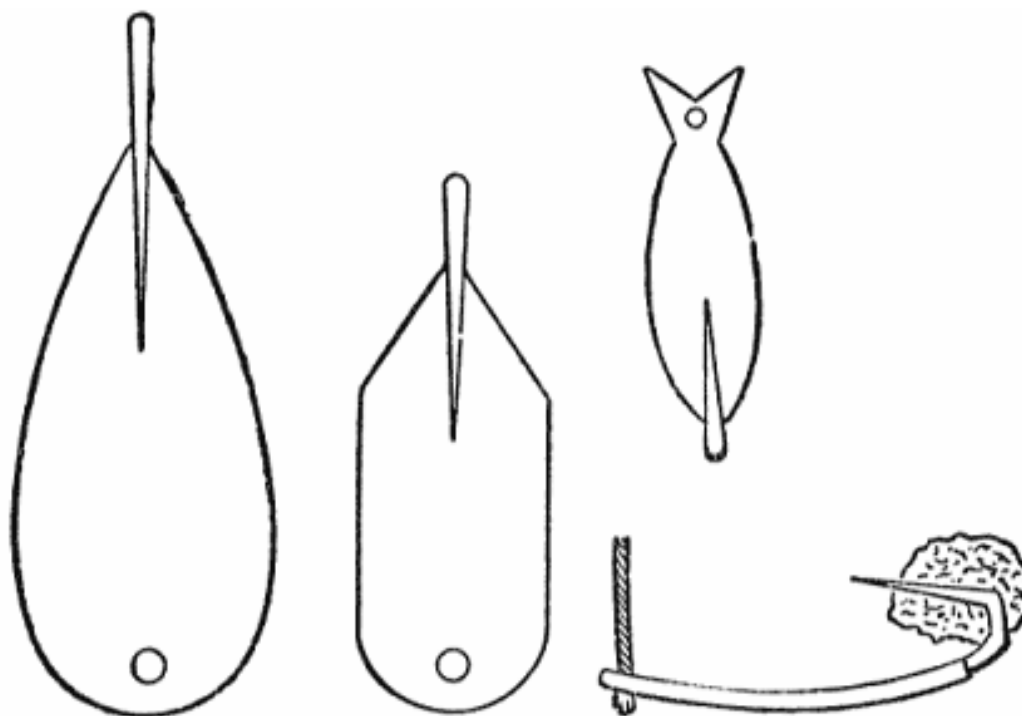

Рис. 7. Западносибирские медные блесны

Блесна обыкновенно непосредственно привязывается к лесе, но так как при этом способе прикрепления блесна не может очень быстро колебаться, то лучше вставлять в отверстие небольшое медное колечко, края которого спаиваются. Карabinчики (см. «Щука») хуже этих колечек. В поводке нет особой надобности, но поводок из хорошей жилки никогда не может быть лишним, а если можно рассчитывать на щук, то полезно употреблять поводки из баска, а за неимением таковых – из тонкой медной проволоки, вдвое скрученной. Леска осенью лучше смоленая шелковая, средней толщины (№ 4 английской), но зимой предпочтительнее волосная (в 6–9 волос), которая не примерзает ко льду и, вынутая из воды, не смерзается. Удильник для осеннего блеснения должен иметь не менее 2–3 м длины и делается или цельный (из можжевельника, березы), или из двух, редко трех колен. В обоих случаях кончик не должен быть очень гибок и жидок; в складном удильнике лучше всего кленовый или жимолостный. Для блеснения из прорубей удильник делается из гибкого прутика (можжевельного, березового) в 0,7–1 м длиной; комель, чтобы удобнее было держать, обертывается камышом. Всего удобнее для зимнего блеснения западносибирский «мотылек», от которого саратовская зимняя удочка отличается только длиной и тем, что составлена из двух частей. Мотылек – прутик вершков 8 длиной (35 см), с сучком в 1,8 см посередине; оба конца надкалываются ножом, в расколотые места вкладываются маленькие клинышки и стягиваются тонкой бечевкой. Затем на часть прутика *а* накладывают кругом, в несколько рядов, камыш (куга), натуго перевязывают его в трех местах бечевкой и обравнивают. Леска наматывается на сучок *в* и надкол *б*. Саратовская зимняя удочка имеет до 0,7 м длины и употребляется также и для зимнего ужения на червя. Можно, разумеется, блеснить и на кобылки (см. ерш) большого размера, но не иначе как с более длинным и очень грубым кончиком.

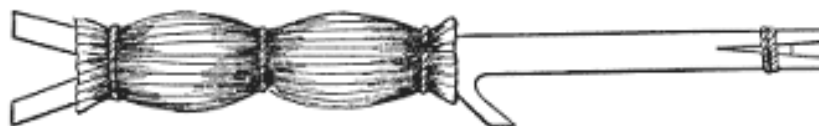

Рис. 8. Западносибирский мотылек

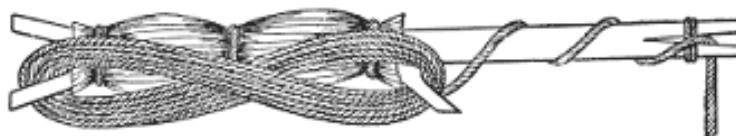

Рис. 9. Западносибирский мотылек с намотанной лесой

Рис. 10. Саратовская зимняя удочка

Так как главное условие блесны – блеск, то потускневшую блесну необходимо чистить, и не один раз, во время ловли. Медные блесны лучше всего чистить небольшой палочкой, обтянутой кожаным ремнем, который натирается трепелом или самым мелким наждаком. Оловянные блесны принимают свой первоначальный блеск, если их потереть стальной спицей или обухом ножа. На случай задевов блесневщику необходимо иметь с собой свинцовую отцепку. Леска удилица складывается в разрез медной трубочки, трубку затем переворачивают, и гирька, опускаясь на блесну, отцепляет ее.

Большей частью ловят на блесну зимой, по льду, но местами, преимущественно на озерах, эта ловля начинается в сентябре. Летом поймать окуня на обыкновенную блесну можно только случайно и местами, по преимуществу в окуневых озерах, но ранней весной, когда лед не совсем еще разошелся, его иногда ловят в большом количестве, так же как и осенью, – с лодки, реже с плотин, купален и мостов. Вообще ловить на блесну лучше на относительно более глубоких местах, на ямах, и лучше употребить некоторое время на розыск таких ям или тех мест, где окунь ловит мальку, чем ловить зря. Во всяком случае, если не было поймано ни одной рыбы кругом лодки, необходимо переехать на другое место. При осенней ловле лодку обыкновенно укрепляют на одном или двух камнях (или якорях), но опытные рыбаки Западной Сибири предпочитают держаться на месте (на слабом течении) при помощи кормового весла: одной рукой он блеснит, а другой подгребает. Длинные удильники для осеннего блеснения предпочтительнее коротких по той причине, что осенью окунь не всегда ходит по дну, а следовательно, приходится делать более длинные размахи. Во всяком случае, блесна не должна не доходить до дна примерно на 4,5 см, а потому надо предварительно вымеривать глубину. Если окунь стоит внизу, то блесну не следует подымать выше 0,7 м. Окунь хватается блесну большей частью, особенно зимой, в тот момент, когда она, остановившись недалеко от дна, продолжает колебаться, почему надо выждать несколько мгновений и потом резким толчком поднять блесну. Осенью нередко окунь берет блесну вдогонку, когда она падает вниз или, чаще, когда она поднимается вверх. В первом случае он, конечно, редко засекается. Можно блеснить с лодки в две руки, на две удочки, но это не совсем удобно. В сильную качку мне приходилось, однако, довольно удачно ловить окуней даже на три длинные (3,5–4 м)

удилища, положенные поперек лодки. Голодный окунь хватается блесну широко разинутым ртом, но когда он сыт или блесна очень велика для него, то только толкает ее, как бы играя с нею – «стучит», но не попадает (при блеснении не говорят – рыба клюнула, а стукнула), а если и зацепляется крючком, то чаще под нижнюю губу, между грудными плавниками («под кулачки»), за брюхо, даже за хвост. Иногда таким образом вытаскивается на ямах подряд несколько десятков окуней, и вот на этот случай бывают весьма полезны блесны с якорьком, который имеет больше шансов зацепить окуня из густой стаи. Всего удачнее я ловил при таких условиях окуней (весной и в конце лета) на обыкновенную продажную оловянную рыбку с двойным крючком (к голове) и с привязанным на другом конце тройничком, в том же направлении; вернее, на поводке почти у самого отверстия блесны привязан тройничок. Таким образом, крючки находятся на обоих концах блесны. Мне много раз удавалось во время жора ловить на такую блесну по паре окуней сразу. Иногда можно ловить окуня на две блесны одинаковой величины, надетые (без поводка) на перекладину из свитой вдвое медной проволоки; на этой проволоке посередине может быть неподвижно прикреплена накрест такая же проволока, к которой на коротеньком (9—13 см) поводке привязана третья блесна. Можно также поддевать длинным куском свинца, в котором залит внизу якорек, а сбоку несколько простых крючков.

Рис. 11. Барнаульская отцепка

Самое добычливое блеснение начинается спустя несколько дней после того, как замерзнут пруды, озера и глубокие речные затоны, когда рыба уже снова оседает на дно. Производится оно, разумеется, из прорубей – лунок (см. ерш), в известных глубоких ямах, на короткие удильники или же на описанные выше мотыльки такими же резкими, но более короткими толчками, попеременно вправо и влево. Если в продолжение нескольких минут ни один окунь не стукнул, переходят к соседней лунке и т. д., пока не найдут стаю или не убедятся по «стучанию», что окунь, хотя и есть, но не берет. Зимой же это случается едва ли не чаще, чем осенью, и часто бывает, что окунь ловится с утра отлично и вдруг перестает брать к вечеру, или же наоборот – утром не берет, а с 3 часов не успеваешь его вытаскивать. Причину этого странного явления надо искать в перемене погоды и иногда в ветре. Перед наступлением дурной погоды окунь не попадает; также замечено, что, как это ни странно, в сильный ветер, особенно северный, блеснить его не стоит. В низовьях Волги, наоборот, ловля его прекращается при южном ветре – моряне, поднимающем воду в реке. Точно так же там лучший лов его бывает во время сильных морозов, тогда как в других местах обыкновенно окунь лучше берет в оттепели. Зимнее блеснение у нас, в средних губерниях, становится уже менее добычливым в середине, в более южных местностях в конце декабря, в январе почти прекращается, а возобновляется с первыми февральскими оттепелями; в марте, перед вскрытием, ловят на блесну еще больше, чем по первому льду, иногда до тысячи штук, т. е. несколько пудов.

В некоторых чистых озерах, имеющих ровную глубину, осенью весьма удачно ловят окуней на дорожку или ходовую блесну с лодки. Ловля эта будет описана далее (см. щука), а здесь можно только заметить, что дорожку надо спускать глубже, чем на шук, и что чаще всего ловят окуней на дорожку попутно, во время переездов с одного конца озера на другой, и для того, чтобы разыскать, где они стоят.

Берш *Lucioperca volgensis* (Gmel.)

Это чисто русская рыба, встречающаяся только в реках Черного и Каспийского морей. Неизвестно, на каком основании Паллас говорит, что он водится в Иртыше. Берш представляет значительное сходство с судаком, но вместе с тем несколько приближается к окуню, так что прежде даже считался за помесь этих двух рыб. От судака он легко отличается по следующим признакам: рыло у него приметно короче и шире, глаза сравнительно больше, все зубы почти одинаковой величины, щеки не голые, а покрыты чешуями, чешуя вообще крупнее (70–75 рядов чешуй, у судака 80–90). По цвету он почти не отличается от судака, но темные поперечные полосы (числом 8) у него явственные и имеют более правильную форму.

По величине своей берш значительно уступает судаку и только в редких случаях достигает веса 2,5–3,2 кг, как, напр., в южной Волге. Обыкновенный вес его 800—1300 г и 35 см длины; в Днепре, по свидетельству рыбаков, он никогда не бывает более 35 см и 1,2–1,4 кг веса. 2,5-килограммовый берш в Волге имеет в длину 53 см.

Распространение берша весьма ограничено, и он нигде не попадает в большом количестве. Главное местопребывание его – Волга, с ее главнейшими притоками, но он не поднимается, однако, высоко и, по-видимому, не встречается выше Рыбинска; однако водится во всей Шексне и даже в Белоозере, откуда его нередко привозят в Рыбинск вместе с солеными судаками. Как далеко заходит он в Оку, Суру, Каму, Самару – неизвестно, но в Вятке он встречается, как известно, до Котельнича, а изредка заходит, или, вернее, заходил, и в Москву-реку. Кроме того, берш, подобно судаку, находится также в Каспийском море, где доходит до Бакинского залива, но неизвестно, заходит ли и в другие реки, туда изливающиеся. Кажется, однако, он встречается в р. Урал, о чем желательно иметь подтверждение.

Рис. 12. Берш, секрет

В Черноморском бассейне он встречается почти исключительно в Днепре, но, по-видимому, не поднимается здесь выше Кременчуга: по крайней мере, выше Кременчуга берш, или *секрет*, вовсе не известен днепровским рыбакам, да и здесь его часто смешивают с молодыми судаками; под Екатеринославом, напротив, он уже не составляет редкости, и всякий рыбак умеет отличить его от судака, а под Никоподем он принадлежит к числу обыкновенных рыб. В Буге и Днестре (?) берш редок, но довольно обыкновенен в Дону и Донце; но здесь также достоверно не известно, как далеко он встречается, и вообще распространение этой рыбы до сих пор еще мало исследовано. Еще менее мы знаем об образе жизни этой рыбы, что, вероятно, зависит от того, что большинство смешивают ее с молодым судаком.

Пища берша, по-видимому, одинаковая с судаком; он кормится преимущественно небольшими рыбами, особенно пескарями. Держится он также почти всегда на глубине, на самом фарватере, и любит песчаное дно; в озерах, даже заливных, никогда не встречается; нерест его бывает в средней Волге в одно время с лещом, несколько позднее судака (в Дону в начале апреля), а в нижнем течении Днепра и Волги гораздо ранее – во второй половине марта, несколько позднее окуня. Главная ловля его производится в низовьях – весной, еще более осенью. По замечанию Яковлева, осенние выходы его из черной всегда более весенних. Мясо берша сходно с мясом судака, но несколько нежнее. Вынутый из воды берш снет еще скорее судака.

На удочку берш местами ловится в очень большом количестве, но, кажется, клев его весьма непродолжителен. Так, например, берш часто попадает на удочку в нижнем течении Оки, едва ли не чаще судака. Ловят его преимущественно на червя, но берет ли он здесь на живца – неизвестно. По последним сведениям, саратовские рыболовы удят берша в конце мая (на косе, образуемой Волгой и Самарой) на червя; ловля эта продолжается только 2–3 дня, когда рыба эта «катится», т. е. спускается вниз, окончив нерест, но зато можно поймать с 3 часов утра до 8, в течение 5 часов, до 16 кг рыбы весом от 200 до 800 г. Более подробных сведений об ужении берша не имеется. Как берет берш, на что и весной ли только – все это вопросы, требующие ответа, и было бы весьма желательно получить от приволжских рыболовов некоторые подробности о жизни и ловле этой чисто русской рыбы.

Судак *Lucioperca lucioperca* (L.)

В промышленном отношении судак, бесспорно, играет первую роль между всеми колючеперыми рыбами. Наружность его известна каждому. Он легко узнается по своему удлинённому телу и длинному, заостренному рылу, придающему ему некоторое сходство со щукой, к которой он приближается и своей хищностью. Челюсти судака вооружены сильными клыковидными зубами, между которыми находятся мелкие. Спина его зеленовато-серая, брюхо белое, на боках туловища находятся большие буровато-серые пятна, которые часто образуют 8—10 правильных поперечных полосок; спинные плавники и хвостовой покрыты рядами темных пятнышек. В юго-западных губерниях встречаются иногда большие судаки очень темного цвета, составляющие как бы особую, черную разность, отличаемую местами самими рыбаками. На нижней Волге ловцы, по свидетельству Яковлева, отличают ходового – морского судака – от речного по цвету: первый всегда несколько светлее, но, пробывши некоторое время в реке, мало-помалу принимает темный цвет. По-видимому также, некоторые судаки, после нереста, становятся почти черными.

По величине своей судак также занимает первое место во всем отряде. В большинстве случаев он имеет от 1,2 до 2,8 кг, но в больших реках, особенно в низовьях, и в больших озерах он достигает иногда 90 см длины и веса 6—10 кг, даже более, именно 12—16,5 кг; но такие гиганты составляют уже большую диковинку и замечались только в устьях Днепра, Дона и Кубани. Каспийский судак вообще менее ростом, что, впрочем, зависит от усиленного лова.

Коренное местопребывание этой рыбы – бассейны Черного, Азовского, Каспийского и Аральского морей и самые моря, в которых он водится в большом количестве. Однако в Сибири, на севере России и в западных и юго-западных странах Европы он вовсе не водится и замечается, хотя в небольшом количестве, только в реках Балтийского моря до р. Эльбы.

Главное местопребывание судака – большие и средние реки Восточной Европы, также большие озера, имеющие сообщение с реками (Чудское, Белоозеро, Селигер, Ладожское и др.). Он любит глубокую и вместе чистую, немутную воду и потому в Москве-реке, напр., встречается или в верхнем ее течении, выше города, или в нижнем (начиная с Угрешского монастыря) и вообще в притоках Москвы-реки, усеянных фабриками, встречается редко. В Клязьме судак также более обыкновенен только с Павловского посада. В небольших, запруженных реках и речках судак держится преимущественно ниже плотины, в омутах, реже в самых прудах, и то если они имеют, хотя бы местами, песчаное дно. Вообще судак хотя живет (пересаженный) даже в копанных прудах с очень сильными ключами, но избегает стоячей воды.

Рис. 13. Судак

Всего многочисленнее судак в малосоленых участках морей. Азовское и Каспийское моря и низовья рек, туда впадающих, доставляют даже главную массу судака, и здесь эта рыба проходная, между тем как выше в реках она встречается только оседлая. Судак вовсе не боится соленой воды и хотя все-таки придерживается пресноводных участков этих морей, тем не менее, напр. в Каспии, встречается в большом количестве и в чисто соленой воде, напр. около Мангышлака, у туркменских и персидских берегов, – даже в открытом море,

хотя О. Е. Гримм полагает, что он вряд ли здесь встречается, на том основании, что далее 22–64 м от берега судаков не замечали. Напротив, он вовсе не может жить в мутной речной воде, почему нередко снет после проливных дождей. Этим обстоятельством объясняется отчасти малочисленность оседлого, «жилого» судака в низовьях Волги и других рек, ранний его нерест там и обильный ход осенью и зимой.

Большую часть года судак (оседлый) держится на дне, в глубоких местах реки, с хрящеватым или песчаным дном и обрывистыми берегами. На поверхность воды, также в заливы и на мели он выходит только во время нереста или гоняясь за добычей, обыкновенно утром и вечером; в тихие, ясные вечера судаки нередко небольшими стайками гуляют на поверхности. Вообще они едва ли не более других рыб предпочитают крепкие места, а потому в небольших реках живут главным образом в мельничных омутах, на судоходных же выбирают ямы с корягами и затонувшими барками. Только мелкие судачки, одно- двухгодовалые, встречаются в неглубоких и даже травянистых местах, вместе с окунями, такими же стайками (иногда в несколько сот штук, даже в реках, не особенно ими изобилующих). Средние судаки обыкновенно попадаются станичками в 5—10 штук; очень же крупные ходят в одиночку и постоянного местожительства, кажется, не имеют.

Своей хищностью взрослый судак превосходит окуня и почти не уступает щуке. По свидетельству Радкевича, нередко он так увлекается погоней, что, подобно окуню, выскакивает на такие места, где вода стоит не глубже 4,5 см. Это чрезвычайно прожорливая, сильная и быстрая в движениях рыба, что, впрочем, видно и по ее наружности. Судак не дает пощады даже собственному молодому поколению, но, имея сравнительно неширокую пасть, всего более предпочитает ельцов, уклеек, шурят и пескарей, избегая широких рыб, напр. подлещиков. Схватив добычу, он быстро удаляется в глубину. Вообще, главная его пища – мелкая рыба, и только летом он ест также раков и лягушек. Мелкий судак, по-видимому, предпочитает червей и насекомых, так как реже берет на малька, чем мелкий окунь, и попадаете б. ч. на червя. Несмотря на свою хищную натуру, судак очень смирен и, по мнению волжских рыбаков, смирнее и глупее судака нет ни одной рыбы.

За исключением низовьев рек, где нерест судака (проходного) начинается до разлива (очень здесь позднего), иногда, как в устьях Волги, в конце марта, рыба эта нерестится уже после спада вод – в мае, даже в начале июня, к этому времени у судаков значительно отрастают два клыка. Судя по наблюдениям Геккеля, также Яковлева, нерест судака продолжается довольно долгое время, 3–4 недели. С этой целью он выходит заблаговременно из глубины к травянистым берегам (никогда, впрочем, на поемные места), из озер и морей вступает в реки. В низовьях рек судак весеннего выхода не поднимается, однако, высоко и в Волге, например, мечет в устьях, даже в пресноводных морских заливах и култуках, большей частью, однако, в мелких протоках, ериках, ильменях и затонах. В озерах и реках средней России он нерестится в конце мая и в июне у заросших берегов, где их ловят бреднями, а иногда бьют острогой. Процесс нереста совершается или ночью, или на заре. Осенний и зимний судак, зимовавший в Волге, напротив, подымается далеко вверх по реке и, вероятно, гораздо позднее.

Самый нерест совершается весьма оригинальным способом. По свидетельству Яковлева, судаки перед этим обыкновенно разбиваются на пары и самка становится головой вниз, почти в вертикальном положении и во время выпуска икры не делает никаких сильных движений, какими обыкновенно сопровождается этот процесс у других рыб, а только весьма равномерно поворачивает «махалкой», т. е. хвостом, то в одну, то в другую сторону; самец также тихо ходит и поливает икру молоками. В тихую погоду, во время нереста судака, можно часто видеть с берега многочисленные махалки, торчащие из воды наружу – «как маячки», по выражению ловцов. Пары, мечущие икру, обыкновенно выбирают тинистые места у берегов, возле коблов, у корней деревьев, хвороста и т. п. Яйца, которых в судаке

средней величины насчитывают 200–300 тысяч, желтоватого цвета и сравнительно мелки (1–1½ мм).

Выметав икру, судак сейчас же уходит на глубину реки или в озера, а проходной большей частью скатывается в море, преимущественно потому, что не может выносить мутной весенней воды. В устьях Волги, в мае и июне, во время разлива, в реке нет судака, кроме покатного. Точно так же и молодь судака, выклюнувшаяся из икры, скоро уходит из заливов в более глубокие места реки, в низовьях же – тоже на взморье; в нижней Волге только некоторая часть остается в широких протоках, выбирая самые тихие, где вода менее мутна, чем в русле реки.

Судак растет очень быстро и, при благоприятных условиях, например в устьях рек и на взморье, в один год достигает 0,6 кг веса, а через два – 1,0 кг. В других местах, например в Москве-реке, молодь растет гораздо медленнее и в сентябре бывает немного более 9 см.

Со середины или конца лета начинается вторичный ход судака из моря в устья рек, и этот летний, вернее осенний, выход (а вместе с тем осенняя ловля) этой рыбы бывает нередко изобильнее, нежели весенний. Лишь только полая вода в Волге начнет спадать – судак уже трогается в реку, сначала в небольшом количестве; затем, по мере приближения к осени, ход его все более и более усиливается, приостанавливаясь только временно, частью вследствие противных ветров, частью от сильных дождей, обуславливающих мутность воды. Как известно, движение судака, да и всех рыб в море, особенно на незначительных глубинах, по крайней мере до 8,4 м глубины, находится в полнейшей зависимости от ветров: в северных частях Каспия северо-западный ветер всегда отбивает рыбу от устьев Волги и уклоняет ее к Уралу, так что при первой перемене ветра она входит исключительно в последнюю реку; при северо-восточном ветре происходит обратное явление. Вообще при южных ветрах (моряхах) всегда как весной, так и зимой замечается самый сильный ход судака.

Осенний судак, зимующий в низовьях рек, однако, не ложится в ямы и не впадает в спячку, подобно красной рыбе. В Волге он обыкновенно собирается густыми массами в устьях, менее чем на 2,1-метровой глубине, и ожидает первой *вздышки* воды, чтобы тронуться в реку. В теплые зимы и при продолжительной моряне движение судака вверх почти не прекращается, но в суровые зимы он входит в Волгу только при оттепели. Весной же главный ход судака бывает в середине, иногда в начале марта; в начале апреля идет уже поздний судак, смешанный с лещом, т. н. *кочеиный*. За исключением низовьев рек, судак всю зиму проводит в глубоких ямах и не выходит оттуда, по-видимому, до полой воды; во время разлива он в большом количестве входит в поемные озера и вообще держится на пойме, где вода чище, чем в русле. Замечено, что местами (напр., в Белоозере) судак на зиму ложится в ямы вместе с лещом.

Главная ловля судака на нижней Волге производится во время весеннего хода. По наблюдениям рыбаков, он никогда не пытается вырваться из невода, и когда на него наплывает последний, то он не мечется во все стороны, подобно другим рыбам, а тихо пятится от него задом, до тех пор, пока не бывает вынужден идти в мотню; иногда же, подойдя близко к сети, он хватается за нее зубами и повисает на ней без всякого движения. В садке он также очень смирен: даже выкинутый на край берега не старается уйти обратно. Впрочем, необходимо заметить, что это рыба чрезвычайно нежная: иногда достаточно бывает тряхнуть судака за хвост, чтобы он заснул. Даже в озерах-садках они снут в большом количестве, особенно если дно садка иловатое, глаза их затягиваются особой непрозрачной пленкой, и они слепнут, туловище также принимает гораздо более темный цвет. По этим причинам пересадка судаков совершается с большими предосторожностями, и некоторые опускают их в садки на рогоже, что предупреждает образование мути, засоряющей жабры измученной рыбы.

В промышленном отношении судак составляет, вместе с лещом, после красной рыбы, наиболее ценный товар с низовьев рек – Волги, Урала, Кубани и Дона.

Наибольшее количество судака добывается в нижнем течении Волги, Урала, Куры и Терека.

Мясо судака не костляво, вкусно и здорово, не так скоро приедается, а потому употребляется в огромном количестве и имеет большую ценность.

Так как судак одна из самых ценных наших рыб, то, понятное дело, делались неоднократные попытки разведения его в таких прудах и озерах, где судака не было. Большей частью, однако, попытки эти оканчивались неудачей по многим причинам, из которых главнейшая та, что судак может жить далеко не во всех непроточных или малопроточных бассейнах. Затем, судак – рыба крайне нежная, и перевозка ее весьма затруднительна. Где судак может жить и размножаться и где не может – видно из описания его местопребывания, но считаю необходимым заметить, что судака не стоит пересаживать в небольшие и мелкие пруды и даже большие, но очень илистые. Ему необходимы довольно чистая и свежая летом вода, глубина, достигающая местами 2,8–3,5 м, дно песчаное, в крайнем случае глинистое или мергельное. В таких прудах и озерах, если вдобавок имеются местами коряги, пни, камни, хворост, пересаженные судаки могут не только жить, но и размножаться, а потому, если в удобном бассейне нет мест, удобных для нереста, то необходимо устроить (зимой по льду) искусственные нерестилища из вышеупомянутых предметов, конечно, на подходящих местах и там, где эти груды не могли бы мешать неводной ловле. Судак весьма охотно нерестится на хворосте, а потому всего лучше делать плетни из ивняка или вязанки фашичника и огружать на дно камнями. Молодь судака довольно беззащитна и всего более подвергается опасности едва ли не от родителей, а потому икрометни необходимы и в таких бассейнах, в которых замечено слишком слабое размножение этой рыбы. Заметим кстати, что и для уже нерестящихся судаков в прудах и озерах, вообще весьма недобычливом, подобные икрометни имеют весьма важное значение (особенно если опущены в воду пни, коряги, древесные стволы, корзины и худые лодки, нагруженные камнями), так как судаки тогда группируются в этих местах.

Лучшее время для пересадки судака – осень, сентябрь и октябрь; весной ловить его труднее, и, кроме того, он в это время хлипче. О летней перевозке нечего и думать, а зимняя возможна только в оттепели. В большинстве случаев судаки из садков не годятся для пересадки и лучше перевозить свежепойманных, причем из невода вынимают их с большой осторожностью и немедленно кладут в бочки, не более одной меры мелких и 1/4—1/2 меры крупных. Бочку наполняют до краев, чтобы вода не приводилась в очень сильное движение и чтобы рыбы не могли поранить друг друга своими колючими спинными плавниками. Во время перевозки воду необходимо менять через каждые 2–3 часа (?) и менять тоже умеючи, так как нельзя выпускать всю воду и сразу заменять ее первой попавшейся. Самое лучшее поручать перевозку самим рыбакам-неводчикам с уговором платить высокую цену только за судаков темного цвета, так как побелевший, бледный судак далеко не всегда может выходиться. Всего практичнее выбирать для пересадки экземпляры от 400 до 800 г, так как более мелкие могут быть истреблены щуками, а крупные очень дороги и труднее перевозятся. Кроме того, необходимо иметь в виду, как и при всякой пересадке, что количество пересаживаемых экземпляров должно соответствовать величине бассейна, так как десяток рыб в большом пруде рискуют не найти друг друга во время нереста. Количество это определить трудно, но оно не должно быть менее 20 штук на десятину.

* * *

Ужение судака практикуется преимущественно в больших мельничных омутах и вообще глубоких речных ямах, заваленных разным древесным хламом, служащим ему засадой. В других местах он попадает на удочку редко, хотя маленькие судачки, до 400 г (1–2 года), иногда ловятся в большом количестве, вместе с окунями, большей частью на червя. Крупный судак – рыба очень сильная и бойкая, так как он живет в еще более крепких местах, чем окунь, то для ужения его требуется такая же прочная снасть, как и для щуки, т. е. крепкое, не особенно гибкое удилище, леска от 10 до 20 волос или довольно толстая, шелковая, крючок (одиночный, реже двойной) от № 5/0, но лучше всего № 0, непременно привязанный к тонкому, но крепкому баску, так как у судака зубы очень острые; от них на раненой рыбе остаются пробоины, точно от гвоздей, что отличает его от щуки, которая прокусывает живца, иногда даже перекусывает его пополам.

Лучшая насадка – елец, уклейка, голец и пескарь (на северо-западе корюшка), вообще неширокая и мелкая рыба, так как у судака глотка сравнительно с его величиной узкая и судак килограмма в два с трудом заглатывает рыбу, которую легко может проглотить окунь вдвое меньшей величины. Поэтому на широкого живца – подлещика, густера, даже красноперку и плотву – судак местами не берет вовсе. Живца аккуратно задевают за верхнюю губу (при сильном течении) или за спинку, под плавник (при слабом), стараясь как можно меньше мять рыбу. Вялого живца судаки хватают неохотно, а потому необходимо, чтобы он бойко ходил на удочке, никуда не забиваясь. Судак, особенно крупный, держится (в ямах) всегда на дне, а потому живец должен плавать как можно ближе ко дну, на вершок или два (4,5–9 см) от него. Изредка голодный судак берет на червя, лягушку и рака (преимущественно линючего), а потому эти насадки употребляются редко.

Ловят судаков только утром и под вечер, иногда даже ночью; около полдня же судаки никогда не берут, да и свет, по-видимому, почти так же не любят, как и ерш, чем отличаются от своих ближайших сородичей – окуней, прекращающих охоту с сумерками до рассвета. Впрочем, в глухую полночь судак не берет ни на удочки, ни на переметы и жерлицы, а осенью клев его перемежается ночью на несколько часов.

Схватив живца зубами, большей частью с головы, судак немедля плывет к какому-нибудь убежищу, заглатывая на ходу свою добычу. Поэтому, почувствовав поклевку, при разных способах лова передаваемую различно, необходимо подать ему леску как можно дальше и этим дать ему время забрать всего живца. Затем, когда уже нельзя больше поддать, подсекают очень быстрым, но нешироким размахом. Почувствовав подсечку, судак старается спастись в лом, хворост и коряжник, а потому в крепких местах надо водить его круто и не давать ему запутать леску.

Пойманный судак ходит на удочке сильнее окуня, но не бросается из стороны в сторону, еще скорее его устает и всплывает наверх, причем никогда не выскакивает из воды; тогда его уже нетрудно подтащить к себе и вытащить сачком или подцепить небольшим багорком. Вообще судак – рыба нежная на подсечку, «поводливая», а потому при крепкой леске с ним нечего особенно церемониться и надо тащить его смелее, не давая ему опомниться. Тогда он идет ходко, лишь упираясь по мере сил и возможности и подергивая удочку, вроде того, как это делает играющая собака, которой дали палку в зубы. Очень крупный судак иногда ложится на дно и так упорно там двигается, что его не скоро сдвинешь с места. В таких случаях, чтобы расшевелить его и пустить в ход, всего лучше натянуть лесу и потягивать ее в разных направлениях. Невывоженого судака подсачивать не следует, так как он легко может перешибить тонкую леску, но как только его вынули из воды, он совершенно беспомощен и очень скоро засыпает. Мелкого судака на крепкую лесу можно тащить прямо

в лодку или на берег, так как вне воды судак не трепещется, подобно окуню и ершу. В этот момент висенья в воздухе судак, со своими выпученными глазами, согнутым туловищем и взъерошенными перьями, очень похож на громадного ерша. Замечательно, что пойманный судак при вытаскивании почти мгновенно бледнеет. Это резкое изменение в цвете можно объяснить только страхом, а никак не влиянием воздуха. Судак, попавшийся на перемет, кружок или жерлицу, всегда ходит по дну, стараясь забиться в хлам или коряги, но только не в траву и не на мелком месте, подобно щуке.

Ужение судака можно разделить на весеннее, от вскрытия до нереста, на летнее в июне и июле, осеннее и зимнее.

Весенняя ловля имеет случайный характер, и судаки весной попадают на удочку редко.

Специальный весенний лов судаков бывает только в таких мельничных омурах, где этой рыбы очень много, но и здесь ловля эта весьма кратковременна и продолжается несколько дней, не более недели. Вызывается она тем, что судак по вскрытии реки вместе со щукой, шереспером и крупным окунем, а иногда и сомом собирается почти со всего следующего участка в мельничный омут и кормится здесь рыбой, увлекаемой из пруда водой, стремящейся в раскрытое отверстие вешняка и образующей бурный водопад. Все эти хищники, не давая скатывающейся вниз рыбе оправиться от стремительности движения, хватают ее на лету, иногда на поверхности воды. Но, имея такое изобилие пищи, они берут на удочку редко и только по спаде воды, когда она уже течет по стлани мелкими струйками и уносит вниз только одну мелочь, проголодавшиеся судаки, щуки и шересперы начинают жадно брать на живца, даже на блесну. Затем, когда вешняк запрут, хищники, совсем лишившиеся поживы, большей частью уходят вниз, судак (и сом) для нереста, и эта ловля совершенно прекращается до большого паводка.

Ловят судаков со стлани, реже с лодки или с берега мельничного омура, на длинные (до 5 м) удочки с короткой (немного длиннее удильника) крепкой лесой, пробочным поплавком, величиной с небольшое куриное яйцо, и соответственным грузилом. При ловле со стлани выловленную рыбу непременно вытаскивают багром (стараясь зацепить ее под жабры или между грудными плавниками), а не сачком, который здесь очень цепляет. Длинная леска употребляется только при ужении в местах, относительно безопасных от задевов, большей частью с лодки. Когда течение унесет поплавок и станет толкать его, леску подтягивают к себе, не вынимая живца из воды, так как в момент приподнятия живца часто бывает поклевка. Передается она поплавком различно. На быстром течении судак большей частью не топит поплавок, а ведет его в сторону или против течения; при ужении на быстрой воде поплавок окунается медленно, как при поклевке окуня, или же порывисто, как будто клюнула щука. Здесь его гораздо лучше ловить на мертвую рыбку, поддерживаемую во вращательном движении способом, называемым *spinning*, который будет описан далее, при ужении семги.

Почти так же ловят судаков после нереста, когда они, проголодавшись, снова жадно берут живца. Ужение это начинается чаще в июне, в июле почти прекращается и снова становится добычливым в августе. Удят также всего чаще под мельницами или на глубоких ямах с поплавком или без поплавка на весу, что иногда бывает много удобнее, так как, передвигая живца в разные стороны, обуживая все место, доступное удилице, скорее можно разыскать притаившегося в засаде судака, соблазнить его насадкой, поддерживаемой в постоянном движении. Живца пускают то над самым дном, то на поверхности воды, то ведут наискось, медленно опуская груз, по мере того, как он относится течением, то дают рыбке постоять поблизости какой-нибудь заранее исследованной засады. Весьма полезно бывает также изредка задерживать живца на несколько секунд и потом вдруг пускать его. Бойкость живца является здесь еще более необходимым условием, чем при ужении на поплавок, с которым

живец дольше не снет. Даже сытый судак редко не соблазнится бойко плывущей мимо его носа рыбкой. Снасти употребляются здесь те же, как и при ужении с поплавком, только грузило должно быть немного тяжелее. Поклевка судака передается руке в форме довольно слабого, но резкого толчка, как будто пулька стукнулась о камень; затем леску начинает тянуть из рук, как будто на нее нацепился большой пук подводной травы или широкая щепка и течение как бы стало сильнее. Затем поддают леску как можно больше и подсекают.

В таких местах около мельниц, где нельзя свободно действовать длинным удилищем, заменяют его коротким, в 1,4–2,2 м. При ловле же на стлани и в щелях пола (в мельничных амбарах), под колесами, где судак также любит держаться, можно употреблять кобылку или обходиться без удильника и держать лесу в руке на весу (только леса должна быть покрепче). При ловле же под разными навесами, весьма обыкновенными на больших мельницах, нужен, наоборот, весьма длинный удильник и самая короткая, 0,7 м, леска.

За неимением хороших живцов можно ловить здесь судака и на мертвую рыбку способом, употребляемым в верховьях Дуная. Рыбке, около 16 см длины, отрезают голову у самых жабер и снимают мясо с костей двумя пластинками, сделав предварительно надрез по самой середине спины. Снятые «филейчики» должны, по возможности, сохранить всю чешую, блеск которой делает насадку более заметной. Продев крючок сквозь тот конец, который приходился к голове рыбы, закидывают, по возможности, дальше и затем тащат насадку к себе. Она при этом извивается и привлекает внимание затаившихся судаков. Способ этот всего пригоднее для мест, где течения почти нет и где вода совершенно завалена всяким хламом.

Из того, что судак живет преимущественно в самых крепких местах, необходимо прийти к заключению о неудобстве ловли его на тонкие снасти, при содействии катушки. Главное назначение последней – дать возможность рыбе с некоторым более или менее значительным сопротивлением смотать запас лесы до совершенного утомления. Но это может быть достигнуто и другим, более простым способом, а именно: особым поплавком, на который наматывается часть лески, так, чтобы судак, взявший живца, мог смотать этот запас. Эти *поплавки-жерлицы*, придуманные одним московским рыболовом, едва ли не более практичны для ужения щук. Делаются они из осокора или легкого дерева, удлинённой формы, 13–18 см длиной. В верхней части приделывается большое кольцо, сбоку – другое, маленькое, а внизу просверлена дыра, в которую вставлен расщеп из твердого дерева, леска пропускается сквозь верхнее и боковое кольцо, часть ее (0,7–2,2 м) наматывается на нижнюю половину, и затем конец ущемляется в расщепе, подобно жерлице, так, чтобы живец не мог вырывать лески из этого расщепца, но хищник, погружая весь поплавок, легко высвободил бы ее оттуда и, заглатывая живца, сматывал бы запас лесы, как с рогульки или кружка. Таким образом подсекают рыбу только, когда она смотала весь запас и натянула леску выше поплавка, и подсечка эта не может быть, так сказать, преждевременно-вынужденной, потому что судак или щука успеют если не заглотать живца, то забрать его в пасть. К сожалению, этот способ удобен только там, где поплавок можно пускать по течению, от самой лодки (или моста, плотины), так как закинуть его далеко, не распустив намотанного запаса лесы, очень трудно.

В самых прудах, не под мельницами, а также в озерах (проточных) судаки попадают на удочку сравнительно редко. Мелкий судачок (годовалый – около 22–26 см) попадает на удочку довольно часто днем. Крупного же судака рыболовы ловят в прудах почти исключительно на *кружки*, по ночам, начиная с июня до конца сентября, и в небольшом количестве. Кружки эти (см. щука) расставляются только в безветренную погоду, с вечера, на самых глубоких местах, пуская живца на 4,5–9 см от дна; если же живец (б. ч. плотичка) окажется выше 9 см или ляжет на дно, то судак его не берет, почему для успеха этой ловли, кроме тихой погоды, необходимо, чтобы место, где поставлен кружок, имело бы одинаковую глу-

бину на большое протяжение. Большой частью живца (непреренно бойкого) насаживают за губу, реже за спинку. Судак в прудах берет вяло и (так как живец пущен ко дну) нередко везет кружок, не разматывая с него бечевки; почувствовав сопротивление, он останавливается, но, кажется, никогда не выплевывает живца, подобно щуке, хотя бы мог это сделать скорее последней, ибо слабо себя подсекает. Это необходимо иметь в виду при его вытаскивании. Судак далеко кружка не утаскивает и стоит с ним на глубине, а не у берега, подобно щуке.

Довольно редко ловят судаков на *дорожку*, т. е. ходовую блесну, пускаемую с плывущей лодки. Это объясняется опять-таки тем, что судак живет преимущественно там, где очень много задевов; но в некоторых прудах и озерах, где судака много и он держится в сравнительно чистых, хотя и глубоких местах, эта рыба попадает на дорожку довольно часто, если дорожка плывет близко от дна, почему необходимо хорошо изучить местность. В некоторых реках судака блеснят осенью и в начале зимы, по ямах и мельничных омурах, как и окуня (см. выше), но в гораздо меньшем количестве, что, вероятно, зависит от того, что у нас, в средних губерниях, судак держится не стаями, а вразбивку. На нижней Волге блеснение судака довольно распространено.

Ловля ходом, или плавом. Этот способ ужения, один из самых интересных, есть нечто среднее между ловлей на блесну и дорожку, но приманкой служит, однако, живая рыбка. Как видно из названия, ловят с плывущей лодки, но лодка должна плыть очень медленно, так чтобы леска имела бы почти вертикальное направление и живец шел почти у лодки, недалеко от дна. Хотя этим способом ловят под Москвой преимущественно щук, но для ловли судака в глубоких и крепких местах, где неудобно ловить его ни на удочку с поплавком, ни, тем более, на донную, он, этот способ, может быть признан наилучшим из всех других, а потому опишем его подробно.

Ловля ходом производится обязательно в глубоких местах реки, не мельче 4,2, даже 6,3 м, что весьма понятно, так как на небольшой глубине никакая крупная рыба под лодкой не возьмет. Всего лучше ловить в больших мельничных омурах и в глубоких ямах, где много коряг, затонувших деревьев.

Ловля начинается с конца лета, в августе, редко ранее, когда хищники берут не так жадно, и продолжается до заморозков. Необходимое условие ловли плавом – тихая погода, так как даже при небольшом ветре управление лодкой становится затруднительным; поэтому ловят только ранним утром и под вечер, тем более, что среди дня судак почти никогда не берет. Удильники (шестики) должны быть короткие, около 1,4 м, крепкие и гибкие, однако не жидкие и с довольно толстым кончиком. Обыкновенно употребляются здесь можжевеловые шестики с толстым комлем, но еще надежнее и удобнее удильники из толстого (в карандаш) китового уса, в три четверти аршина длины (54 см), прочно и глубоко вставленного в деревянную или камышовую (красного камыша) аршинную (72 см) рукоятку, до 3,7 см толщины в комле. К удильнику полезно, иногда даже необходимо, приспособлять катушку, которая не только дает возможность быстро укоротить или удлинить леску при изменившейся глубине, но позволяет спустить 0,7 или 1,4 м лески перед подсечкой, для того чтобы дать рыбе хорошенько забрать живца. Катушка укрепляется обыкновенным способом (см. форель), и выше ее привязывается не менее четырех колец, в которые пропускается леска. Последняя должна иметь большую прочность и выдерживать до 8 кг и более (т. е. поднимать гирю такого веса), почему шелковые, т. н. щучьи, лучше волосяных. Тяжесть грузила, назначение которого поддерживать леску в вертикальном положении, бывает различна: в местах без течения достаточна пулька в 21–25 г, но на течении она должна быть значительно тяжелее. Крючки на басковых поводках (которые не должны быть крепче лески) употребительнее № 00 и № 0, одиночные. Живец (пескарь, елец, голавлик, уклейка, редко подъязик, плотичка) насаживается через рот в ноздрю, и чем он бойче, тем лучше: на вялого, а тем более сонного живца, которого часто берет щука, судак не возьмет.

Ловля производится обыкновенно вдвоем, на легкой лодке или на челноке, очень редко втроем, еще реже в одиночку, так как немногие могут одной рукой (левой) грести, зажав рукоятку весла под мышку, а другой управляться с удочкой. Гребец, сидя на корме, толкает тихонько лодку веслом, медленно подвигая ее вперед, поперек реки, или заставляя ее кружиться на небольшом пространстве. Грести нужно осторожно, так, чтобы весло не ударяло по воде плашмя, а без шума разрезало бы воду ребром, не опускаясь в нее глубоко. Удильщик ловит на одну удочку, опуская живца на 18 см от дна или мельче, и время от времени плавно и тихо подергивает леску, медленно поднимая живца кверху или опуская вниз до дна и стараясь не потерять глубины, так как судак всегда берет со дна.

Клев судака в этой ловле сходен с клевом щуки: рука, держащая удочку, чувствует небольшое сотрясение, и кажется, что на крючок зацепился какой-то легкий предмет; в этот момент весьма полезно потихоньку потянуть лесу кверху: хищник, схвативший живца, полагая, что последний сам вырывается из пасти, захватывает его глубже и тянет шест вниз; тогда надо или опускать шест как можно глубже в воду, иногда со всей рукой до плеча, чтобы дать рыбе совсем заглотать живца, и потом уже ее подсекать, или же, при катушке, предварительно спускают столько лески, сколько нужно. При первой поклевке гребец должен остановить лодку и повернуть ее, как это окажется удобнее. Мелкие судаки, а также окуни, нередко, когда потянешь кверху живца, поднимаются вместе с ним, так что, дожидаясь, пока рыба потащит, приходится или вставать во весь рост, или намотать на катушку часть лесы; иногда же они, схватив живца, быстро идут в сторону, причем часто, если живец велик, то упускают его, то вновь хватают. Крупный судак берет всегда верно, но после подсечки нередко запутывает леску в корягах, почему, пользуясь крепостью снасти, надо его поскорее отвести от дна и опасных мест и вываживать покруче в верхних слоях воды, после чего подхватить сачком. Вообще при ловле в крепких местах задевы неизбежны и без отцепа – тяжелого свинцового кольца, пропускаемого на бечевке через удильник до крючка, – обойтись невозможно; но и с отцепом много приходится обрывать крючков и необходимо иметь их порядочный запас.

На ямах судак ловится зимой редко – больше на живца, еще реже на блесну. На Волге же (средней и нижней), как уже сказано, местами блеснят судаков в довольно большом количестве, причем блеснение это, по-видимому, мало отличается от блеснения окуней. О зимней ловле этих рыб, впрочем, никто не писал. Мы знаем только, что судаков ловят зимой на нижней Волге в большом количестве самоловами, на живца. Так как эти самоловы ставятся главным образом для ловли белорыбицы, то они будут описаны далее, при описании последней рыбы.

Чоп *Aspro zingel* (L.)

Эта рыба имеет у нас весьма ограниченное распространение и потому почти вовсе не известна. Как кажется, она встречается только в Днестре. Чоп легко отличается от всех других окуневых своим удлиненным веретенообразным телом и выдающимся рылом. Спина и бока у него серовато-желтого цвета, брюхо беловатое, с боков тела находятся 4 косые темно-бурые полосы. Величина его незначительна, и у нас он, кажется, никогда не достигает 30,5 см длины. В Дунае же, по свидетельству Блоха и Нордмана, попадаются особи длиной от 35–40 см и весом от 0,8 до 1,2 кг.

Рис. 14. Чоп

Главное местопребывание этой рыбы – Дунай и его главные притоки, но и здесь она вообще довольно редка. Образ жизни ее очень мало известен: чоп любит свежую и быструю воду, держится обыкновенно на глубине и кормится червяками и т. п., также небольшими рыбками, на что указывает его большой рот, между тем как шиповатые чешуи и острые колючки переднего спинного плавника спасают его от преследования хищников. Чоп довольно живуч, и его легко можно перевозить из одной реки в другую. Трется он в Днестре в первых числах мая, быть может и в конце апреля; в притоках же Дуная – в марте и апреле (по Бишофу, однако, в мае). Икра его желтого цвета, величиной с маковое зерно. Трется чоп на гальке, в местах с неровным дном и большими выбоинами.

В рыболовном отношении чоп не имеет никакого значения и на удочку (в Австрии) попадает довольно редко. Ловят его, как окуня и судака, больше на червя; берет он только в теплое время года – с июня по август, преимущественно в сумерки и когда вода мутна. Это вялая и неповоротливая рыба и так же вяло берет.

Ерш *Acerina cernua* (L.)

Наружность ерша, конечно, известна каждому, и эту рыбу трудно смешать с какой-либо другой. Будучи вынут из воды, ерш имеет крайне оригинальный вид и с первого взгляда может показаться каким-то чудовищем: он так растопыривает свои острые плавники и «щеки», также вооруженные зубцами, что скорее походит на колючий шарик, но уже никак не на рыбу; вдобавок он и хвост согнет на бок. Это взъерошивание, послужившее поводом к названию этой рыбы ершом, составляет единственное средство ее защиты: перед этим лесом твердых шипов отступает и голодная щука.

Складом своим ерш напоминает окуня, но передний – колючий – спинной плавник его неразрывно связан с задним, толстые колючки (2) заключаются и в заднепроходном плавнике; жаберные крышки (щеки) также усажены 11–12 острыми шипами. Глаза у него очень большие – навывкате, с мутно-лиловой, иногда даже синеватой радужиной. Спина серо-зеленая с черноватыми пятнышками и точками, бока несколько желтоватые, брюхо беловатое, впрочем, цвет его зависит от местопребывания: в реках и озерах с песчаным дном ерш всегда светлее, чем в иловатых местностях. Здесь он иногда бывает почти темно-зеленого цвета. В прудах ерш большей частью имеет желтоватое, даже желтовато-серое брюшко. Кроме того, в реках ходовой ерш, как и всякая другая рыба, всегда белее оседлого «стоялого», или «сто-евого», ерша.

Обыкновенно ерш имеет в длину около 12,5 см, хотя при благоприятных условиях, т. е. при обилии пищи и трудности ловли, достигает гораздо большей величины. Самые крупные ерши встречаются вообще при устьях рек и в больших озерах. Четырехсотграммовые ерши еще встречаются во многих озерах Екатеринбургского уезда и ловились прежде целыми пудами. Этот гигантский рост здешних ершей зависит исключительно от обилия небольших рачков, мормышей, которые круглый год, особенно (рис. 23) зимой, составляют почти единственную пищу этой рыбы, между тем как в реках она зимой лежит в глубоких местах и почти ничего не ест. Осенью и ранней весной желудок ерша всегда бывает набит мормышами по самое горло.

Вообще мелкие рачки, мелкие насекомые, личинки последних составляют главную пищу ерша; весной он также поедает в большом количестве икру других рыб и потому в небольших озерах скоро истребляет других рыб. Несомненно, что они едят также не только недавно выклюнувшуюся молодь рыбы, но не прочь поживиться вообще мелочью, так как местами, в очень рыбных озерах, не особенно редко берут на малявку.

Ерш имеет весьма обширное распространение: он водится во всех странах Европы, за исключением Испании, Италии и Греции, и в большей части Сибири, по крайней мере до Байкала. Вместе с тем он встречается как в больших реках, так и в речках, на взморье, в озерах и проточных или ключевых прудах. Он очень неприхотлив и составляет почти неизменного спутника окуня, подобно которому не любит сильного течения и предпочитает реки или заливы или же ямы с водоворотами. Поэтому ерша нет в северных быстротекущих речках, и он как в севернорусских реках, так и в южнорусских встречается чаще в заливных озерах, в лиманах, чем в реке.

Рис. 15. Ерш

Ранней весной или, вернее, в конце зимы стаи ерша, зимовавшие на ямах, выходят на более мелкие места и через некоторое время начинают нереститься. По-видимому, время нереста находится в зависимости от таяния льда, а потому происходит в реках значительно ранее, чем в озерах. Последние наблюдения показали, что ерш начинает метать икру немного позже щуки и раньше окуня – еще подо льдом и в реках, во всяком случае до большой воды. Таким образом, в юго-западной России нерест ерша бывает в феврале, на Дону – в марте, в средней России – в начале апреля, а на севере и в уральских озерах – в начале мая. По моим наблюдениям, весь ерш выметывает икру в несколько дней (ночей); по другим – нерест продолжается недели две. Надо полагать, что сначала трутся крупные ерши, потом средние и, наконец, мелкие, 7–9 см (с головой и хвостом) двухлетки. При этом стаи ершей не предпринимают далеких путешествий, подобно другим рыбам, хотя все-таки несколько поднимаются по течению и из больших рек или озер заходят в устья мелких притоков.

Что касается места нерестилища, то здесь мы встречаем некоторые разногласия, которые можно, впрочем, до некоторой степени объяснить ранним нерестом и тем, что он происходит не на поверхности воды и, кроме того, ночью, а следовательно, и трудностью наблюдения. Кроме того, несомненно, что при различных условиях ерши выметывают икру на различных местах. По моим наблюдениям, в озерах они нерестятся на глубине, в ямах с хрящеватым или каменистым дном, какие всего чаще бывают близ устьев озерных притоков. В реках же всего чаще, судя по обилию мелких ершей в старицах, протоках и заливных озерах, соединенных протоками с руслом, ерши трутся в этих местах, опять-таки на жестком, песчаном или глинистом дне, с небольшим течением. В северо-западных русских озерах, вообще глубоких, ерш, по-видимому, выбирает уже более мелкие места и выпускает икру на песчаных кряжах или откосах, однако на глубине около 2,1 м.

Нерестятся ерши большими или меньшими стаями (от сотни до нескольких тысяч особей), в сумерки или ночью, на самом дне. Икра ерша связана между собой студенистой, хотя и нелипкой слизью, посредством которой она прикрепляется к камням или ко дну, в виде исключения к траве, вернее, задерживается неровностями дна, так как она ложится густым слоем. Яйца желтоватого цвета, мелкие (0,8–1 мм) и довольно многочисленные (от 50 до 100 тысяч); развиваются они довольно медленно: молодь выклеывается из них не ранее как через две недели и, кажется, остается на местах вывода до конца лета, появляясь на мелких песчаных местах в конце августа, достигнув немного более 2,5 см величины.

Ерш всегда избегает солнечного света и теплой воды, а потому летом редко встречается на глубине менее 2,1 м, особенно крупный; около берега эта рыба встречается, когда он хотя и неглубок, но обрывист или идет уступами, потому что сильная волна и прибои размыывают его, освобождая червей и личинок. Отсюда и произошло мнение, что ерш любит муть и что можно приманивать его, производя эту муть искусственно. Впрочем, молодь ерша и мелкий ерш-сеголеток идет на муть не хуже пескаря и попадает с ним в подъемные сети (см. пескарь). В проточных прудах ерш, как рыба ночная или, вернее, сумеречная, живет в ямах у тенистых берегов, но всего больше любит он держаться у плотин, свай, купален и мостов, где находит тень, прохладу и пищу. По приметам рыболовов-охотников, ерш питает особую слабость к бодяге, покрывающей иногда сплошь подводные сооружения и служащей гнездилищем различных мелких организмов. Но привлекает его сюда главным образом мотыль – красные личинки комара-толкунчика, живущие массами в иле, а потому в прудах ерш гораздо реже встречается на песчаных местах, чем в реке.

В жаркое время, когда вода в пруде достигает температуры 20° и выше, ерш, смотря по местности, или уходит к ключам и устьям родниковых ручейков, или прячется под плавучие берега – трясины, если таковые имеются. В неглубоких озерах весь ерш целое лето укрывается под этими так называемыми лавдами, или лавами. Под лавдами живет все лето мормыш (горбунчик, *Gammarus*), который служит его главной пищей и тоже не выносит теплой воды.

Наконец, ерш летом поднимается из проточных прудов или озер в речное русло и нередко доходит до следующей плотины, поселяясь на дне омута, на самой глубине, где если и есть какое-либо течение, то только круговращательное, самое выгодное для такой непроворной и флегматичной рыбы. Впрочем, нельзя сказать, чтобы она совершенно избегала течения: крупный речной ерш встречается нередко в таких местах, где ему кажется бы не удержаться, но дело в том, что ерши, как чисто донные рыбы, отлично пользуются всякими закрытиями в виде камней, уступов, неровностей дна, каждой ямкой, ложбинкой, промоинкой – и в таких местах стоят тесно, плотными рядами, прижимаясь ко дну. Вообще ерш – рыба общественная, миролюбивая, и даже крупные ерши уживаются с мелкими, но зато, где стоит ерш, там мало вероятности найти какую-либо другую рыбу, кроме налима, ночью. Налим живет всегда в тех же почти местах реки, где и ерш, и может быть назван главным врагом его, так как едва ли не предпочитает последнего пескаря и гольца. Сом еще довольно охотно ловит ершей, втягивая их в свою огромную пасть, судак – и только крупный – довольно редко, а щука – в виде исключения и местами.

Все лето ерш ведет довольно оседлую жизнь. Только сильное нагревание воды в прудах и паводки в больших и средних реках заставляют его перекочевывать в другое место. В конце лета, когда вода похолодеет, ершиные стайки все более группируются на определенных, удобных и кормных местах, и в это время начинается их главная ловля. К осени ерш собирается уже массами; в запруженных реках, кажется, с сентября иногда чуть ли не весь ерш собирается в омут, где и зимует; в озерах, однако, мелкий ерш еще долго стоит на мелях и уходит вглубь после сильных утренников. Случается, что в мелких озерах сильные осенние ветры выкидывают на берег массу ершей, не успевших вовремя удалиться на глубокое место. Зимует ерш всего чаще в устьях небольших рек, в очень глубоких ямах в русле или под плотинами в омутах; в озерах предпочитает или тоже устья ручьев и речек, или колодцы, т. е. подводные ключи, отдаленные от берега. Однако по перволедью ерш еще некоторое время держится сравнительно мелких мест и жметесь ближе к берегу, около краев ямы, и только когда лед окрепнет, сваливается в нее и ложится там рядами, в несколько слоев. Сначала он еще принимает пищу, но в середине зимы, особенно при сильных морозах и очень толстом льде, перестает есть вовсе до сильных оттепелей.

Как промысловая рыба ерш не имеет большого значения, так как сетями и неводами ловится в большом количестве только в озерах и в море, а главным образом потому, что потребляется большей частью на месте. Дело в том, что ценится только живой и по меньшей мере совершенно свежий ерш, покрытый слизью, как одна из лучших рыб для ухи; мороженые же ерши стоят дешевле мелкого окуня. Всего более ловится ерша по Балтийскому побережью, где он кишит в заливах, в Финском заливе, в устьях Невы, во многих северных озерах, напр. Ильмене.

Ерш чуть ли не единственная рыба, которая едва ли не в большем количестве ловится на удочку, чем сетями, – отчасти потому, что его, как рыбу донную и живущую на ямах, ловить неводами неудобно, но больше потому, что он очень запутывается и мнется, так что неводная ловля дает незначительный процент живой рыбы, сравнительно с ловленной на удочки, особенно в зимнее время.

Ужение ершей резко разделяется на три периода: 1) весенне-летнее, с того времени, как вода войдет в берега, и до того, как температура ее понизится примерно до 12°, в средней России – с конца апреля до конца июля; 2) осеннее – до замерзания и 3) зимнее – от замерзания до вскрытия. Так как местами, осенью и зимой, ерш составляет чуть ли не главный объект ужения, то все способы ловли его удочкой будут описаны мною довольно подробно, в особенности же зимняя ловля.

Прежде всего надо сделать следующие общие замечания, которые, впрочем, всякий может вывести из сделанного выше описания образа жизни. Ерша всегда следует искать на

сравнительно глубоких, ямистых или затененных местах; даже и здесь он выбирает углубления, а потому, прежде чем ловить, надо отыскать самое глубокое место. Это рыба сумеречная, и ловить ее среди дня, т. е. около полудня, стоит только зимой, а летом можно только под плотами. Так как ерш всегда держится на самом дне, касаясь его брюхом, то насадка должна касаться дна и в крайнем случае не доставать на 4,5 см от него; рыба эта вялая, ленивая и в редких случаях станет подниматься кверху и за плывущей над ней насадкой. По той же причине нередко бывает, что из двух сидящих на лодке рыболовов один ловит ершей много, а другой очень мало. Несмотря на то что ерш имеет чрезвычайно сильно развитое обоняние, все прикормки и притравы оказываются мало действительны и даже бесполезны: ерши в реках, на течении, с крайней неохотой расстаются с облюбованной ими ямкой и если подаются вверх по течению ради прикормки, то очень нескоро. В прудах же и озерах, вообще, где течение не стесняет свободу его движений, ерш более внимателен к прикормке. Возмущение же воды, советуемое некоторыми рыболовами, не только излишне, но, при обычном способе лова ерша (см. далее) в отвес, даже вредно, так как отгоняет ершей от места. Наконец, по замечанию некоторых специалистов по ужению, мною не проверенному, ерши берут всего лучше в полнолуние и в это время берут хорошо среди ночи.

Весенняя и летняя ловля ерша удочкой мало добычлива и мало практикуется рыболовами, которые весной заняты ужением более крупной рыбы. Настоящий охотник, если и попадет в это время случайно на стайку ершей, то непременно перейдет или съедет на другое место, так как, где стоит ерш, там мало вероятности выудить другую рыбу. В это время ерша больше ловят в стоячих водах – прудах и озерах, – чем в реке, чаще на удочки с поплавком, чем без поплавка. В реках, конечно судоходных, летнее ужение производится чаще с плотов, пристаней, с барок и купален, чем с берега или с лодки; в прудах – с плотин, купален, мостков.

Всю весну и первую половину лета ерш берет всего лучше под вечер и ранним утром, но иногда недурно клюет в это время и ночью; днем же – за редкими исключениями, например под плотами, и все-таки много хуже.

Рис. 16. Навозный червь

Главная, даже единственная, насадка весной и летом – *навозный червь*, так как мотыля в это время мало, да и его труднее насаживать, а большой земляной червь (выползок) слишком велик для такой мелкой рыбы. Крючки употребляются поэтому довольно крупных номеров, от 5-го до 8-го. Леска предпочитается волосяная (3–4 волоса), как более дешевая; поводки делаются из 2–3 волос, а не жилковые, потому что обыкновенные жилки чересчур крепки и при задеве, напр., леска будет рваться не у поводка, а много выше, что очень невыгодно.

В стоячей воде ловят почти всегда с поплавком. На реках же – как с поплавком, так и без него, т. е. в отвес, с лодки или плота; реже на длинные лески, в закидку не стоит возиться; в последнем случае лески должны быть покрепче. В ловле прудового и речного ерша есть некоторая разница: первый сытее и прихотливее, а потому на обрывки червя летом не берет вовсе, осенью же редко, и для него надо насаживать непременно цельного червя, пуская хвостик длиннее или короче, сообразно клеву. В реке же, на течении, хотя бы и слабым, ерш всегда голоднее, опрометчивее и проворнее, а потому хвостик бесполезен, даже вреден, тем более что течение часто оставляет его в пасти ухватившейся за него рыбы, не желающей покидать своего места. В стоячей воде поплавок при поклевке ерша сначала дробит, потом медленно погружается, слегка вбок; впрочем, мелкий ерш обыкновенно везет поплавок в сторону, отбегая от конкурентов, а погружает его более крупный. В реке же, на течении,

поплавков всегда погружается и поклевка более энергичная, напоминающая поклевку окуня. Впрочем, степень погружения поплавок и здесь зависит от того – волочится ли насадка по дну или на небольшом расстоянии от него, и случается, что поклевка совсем не заметна. Некоторые ловят ершей на двойчатки (см. далее), как осенью, не только на донную, но и с поплавком, даже в стоячей воде, но весной и летом такая ловля неудобна, так как и без того вялый клев еще менее заметен, а подсечка неправильна и часто запаздывает. В прудах, при сильном клеве на поплавочные удочки, можно, впрочем, и в это время удить ершей на два крючка, из которых один лежит на дне, а другой (на коротеньком поводке) – на 4,5 см выше, больше ради того, что нижний червяк часто закапывается в жидкий прудовой ил. С поплавком удят ершей и на плотях (гонках), пропуская крючок с червем в щели между бревнами, но здесь правильнее ловля на весу, без поплавок, так сказать на ощупь, с коротким гибким удильником (около 1 м, лучше всего можжевельным), который держится в руке, причем, если клев очень вял, червяка изредка приподнимают от дна на 4,5–9 см мелкими частыми толчками. Таким образом можно подзадоривать сытых ершей и при ужении с поплавком. Ловля с плотов на кобылки (см. далее) весной и летом практикуется довольно редко, кажется, только на более глубоких и сравнительно быстрых местах, где ловля с поплавком очень неудобна. Этот способ много добычливее, так как ерш сам себя подсекает, приподнимая лежащее на дне грузило, что дает возможность ловить разом на несколько кобылок, не держа их в руках. С лодок, с мая по июль, ершей ловят разве только на озерах, в ямах, куда они забираются на лето, чаще без поплавок, неудобного на глубоких местах, на весу, как окуней, на довольно длинные удилища, с тонкими, чувствительными кончиками, которые кладутся поперек лодки. Понятное дело, так ловить можно только в тихую погоду, так же как и с поплавком. На обыкновенную донную удочку, с длинной леской, в закидку ерша в реках ловить летом совершенно не стоит.

Настоящая ловля ершей начинается к концу лета, когда они соберутся в многочисленные и густые стаи на известные места – чаще всего ямы близ впадения речек и к омутам под плотинами. К этому времени начинает также брать и сеголеток, достигший величины 4,5–7 см (смотря по лету и местности), переселившийся от берегов в более глубокие места со слабым течением или без него. Это т. н. «ерш-глаза», так как голова с огромными выпученными глазами составляет чуть ли не большую часть его туловища. Такого ерша, по возможности, избегают и в большинстве случаев ловят полуторагодовалого, девятисантиметрового ерша.

В стоячих водах, как кажется, клев ерша много слабее, чем в проточных, и здесь его нельзя столько поймать, сколько в реках или сколько в прудах же и озерах зимой. В это время ерш ночью уже вовсе не берет, но зато клюет с рассвета часов до 10 утра и от 2-х пополудни до потемок; ночью ерш попадает только в лунные ночи. Ужение производится чаще всего с лодки, реже с берега в реках и на озерах почти исключительно без поплавок. Озерная и прудовая ловля мало отличается от летней, разве только тем, что ерш берет вернее и даже на обрывки червей, но осенняя речная ловля у нас под Москвой, по отношению к добычливости, кажется, доведена до совершенства и весьма оригинальна своими приемами. Бывали случаи, что проворный и неутомимый рыболов, при сноровке, вытаскивал (на не очень глубоком месте, конечно) в день свыше тысячи штук, т. е. около 32 кг ерша (мелкого и среднего). Это уже не охота, а каторжная работа, которая заключается только в методическом, но быстром и ловком снятии колючей рыбы с удочек. Вся суть действительно в том, чтобы попасть на место, а для этого, установив лодку поперек ямы, закидывают сначала 3–4 и более донных, с выверенными, т. е. достаточно тяжелыми грузилами, на различных расстояниях от лодки, у самой лодки и метров на двадцать от нее. Если в течение десяти минут поклевки не будет, рыболов переезжает на другое место, вправо, влево или ниже; если же окажется, что ерш берет только на одну из удочек, то лодку осторожно спускают к этому

самому месту и ловят только на две двойчатки, спуская их в отвес или почти в отвес так, чтобы груз лишь слегка приподнимался течением, а б. ч. лежал бы на самом дне, вместе со щетиной двойчатки, а поводки с крючками и насадкой извивались и колебались.

Насадкой служат чаще всего кусочки червей, всего лучше т. н. железняка, который крепче других; мотыль, который насаживается на крючок (не крупнее 10 №), не очень скоро и часто срывается или высасывается рыбой, употребляется только при вялом клеве, так же как и цельные или половинки навозного червя. При сноровке же на один кусочек железняка можно поймать чуть не два десятка ершей, во всяком случае гораздо больше, чем на кусочек «красненького», плохо держащийся на крючке. Кусочки эти не должны быть более 2,5 см, а лучше в 1,5 см, прокалываются крючком посередине, причем нет надобности прятать жало. Головка и хвостик обыкновенно бросаются в воду, а ловят только на средние отрезки; кусочки эти, особенно если они толсты, полезно на концах раздавливать, так как ерш берет тогда охотнее. Вся снасть и все принадлежности должны быть принаровлены к тому, чтобы не было никакой путаницы, задевов и вообще какой-либо задержки. При хорошем клеве рыболов-ершатник превращается в автомат, машинально снимающий ершей с крючков, оправляющий насадку и бросающий ее назад в воду и сейчас же вытаскивающий другую двойчатку, опять большей частью с двумя ершами.

Леска должна быть непременно волосная, так как всякая шелковая более путается; удильник легкий, с тонким, чувствительным кончиком (очень хороши здесь нарощенные кончики из китового уса), чтобы можно было заметить слабую ершиную поклевку; бубенчики и колокольчики привязывать не стоит. Рыболов садится верхом на скамейку (или еще лучше на доску, положенную вдоль лодки на две скамейки) так, чтобы одна удочка была с левой стороны, другая с правой; с правой же или привязывается плетеная корзина для рыбы, с широким (открытым) отверстием, или спускается в воду частый и длинный сачок с обручем; чтобы крючки не задевали за брюки, на пояс надевается кожаный или клеенчатый фартук. Удильщик быстро вытаскивает леску (иногда приходится ловить на глубине до 10,5 м), складывает ее на скамейку, двойчатку же с рыбой на колени, затем осторожно берет левой рукой ерша за жабы, слегка сдавливая их, отчего ерш разевает рот, который, когда его тащат, он держит закрытым, а правой высвобождает длинный крючок из глотки, стараясь сохранить на нем обрывок червя. Рыбу кидают в корзину или сачок (иногда прямо в лодку, если в ней достаточно воды), снимают другую, насадку иногда слегка оправляют, затем, взяв двойчатку повыше грузила, бросают ее за борт и сейчас же выхватывают вторую двойчатку. Подсечки почти не требуется, так как обыкновенно ерш берет играющую насадку с налета и несколько приподнимает грузило, которое своей тяжестью делает подсечку. Поэтому весьма важно, чтобы груз был выверен и не был бы тяжелее, чем следует, так как ерш тогда выплевывает насадку. Понятное дело, чем глубже место, тем менее можно поймать ершей и тем ловля их утомительнее. В закидку на длинные лески стоит ловить только с берега, если нет лодки. Некоторые любители, поленивее, ловят ершей на подпуски (см. «Налим»), оказывая им слишком много чести, так как подпуски часто путаются, особенно в водоворотах.

Обыкновенно ерш осенью клюет жадно и верно, но бывает днями, что он почему-то берет вяло и неохотно. Тогда ловят его на цельных навозных червей, на мотыля и при этом часто приподнимая насадку, не выше, однако, 0,7 м, этим подраживая ерша. Это называется ловить «на потягушку». После изобретения одним московским охотником двойных мотыльных крючков в виде щипчиков (см. елец) как осенняя, так и зимняя ловля на мотыля, т. е. собственно насаживание мотыля, значительно упростилась и ускорилась, так как этими крючками-щипчиками зараз захватывают поперек 2–4 мотылей, которые и защемляются при помощи колечка, спускаемого по стержням крючков до их сгиба.

Изредка, как было уже сказано, ерш (крупный) берет (осенью) на малявку, при ловле окуней, даже попадает на блесну. Вообще ерши гораздо хищнее, чем это думают многие.

Зимняя ловля ерша начинается, как только озеро или река покроются льдом около 4,5 см толщиной, а продолжается до тех пор, пока не образуются большие закраины и наледи. Это зимнее ужение в озерах обыкновенно бывает добычливее осеннего; в реках же за весь короткий зимний день редко удастся поймать больше 600 штук ершей. Так как местами ерш составляет главный предмет зимнего ужения, то считаю уместным дать здесь описание как зимних удочек, так и главных зимних насадок, оставляя описание прочих принадлежностей зимнего лова до главы о налиме.

Зимние удочки бывают двух родов – одни держатся в руках, другие ставятся на лед. И те и другие имеют очень небольшой размер, редко более 0,7 м, обыкновенно гораздо менее. Первые состоят в общих чертах из короткого (и гибкого для ершей) прутика, обернутого для удобства камышом или кугой. Саратовская зимняя удочка отличается от западносибирского «мотылька» главным образом тем, что обертывается листьями палочка и иногда имеет у нижней рогульки свинцовую тяжесть. Башкирская же удочка, употребляемая на зауральских озерах, не так удобна, так как не имеет рогулек для наматывания запаса лесы. Первой ловят чаще с поплавком, второй без поплавка, на весу, т. е. непременно держат в руке. В том и другом случае рыболов может удить только на две удочки из двух смежных прорубей – лунок. Но так как всякая рыба зимой, а тем более ерш, берет только там, где стоит, то прежде всего надо отыскать становище, а потому приходится прорубить до десятка и более лунок, прежде чем попадешь на место. В этом случае ловить на одну-две ручные удочки неудобно и нужно иметь такие снасти, которые бы можно было ставить над прорубями в большом числе и которые были бы видны рыболову.

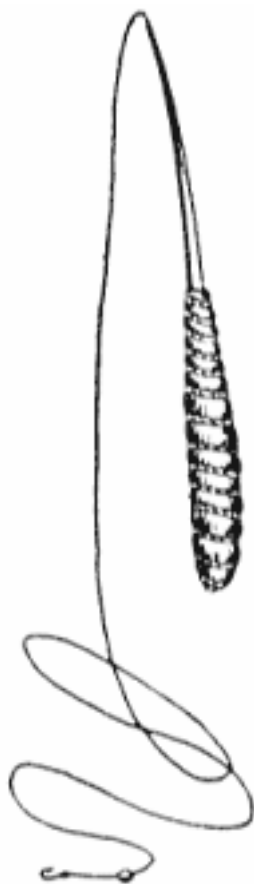

Рис. 17. Башкирская зимняя удочка

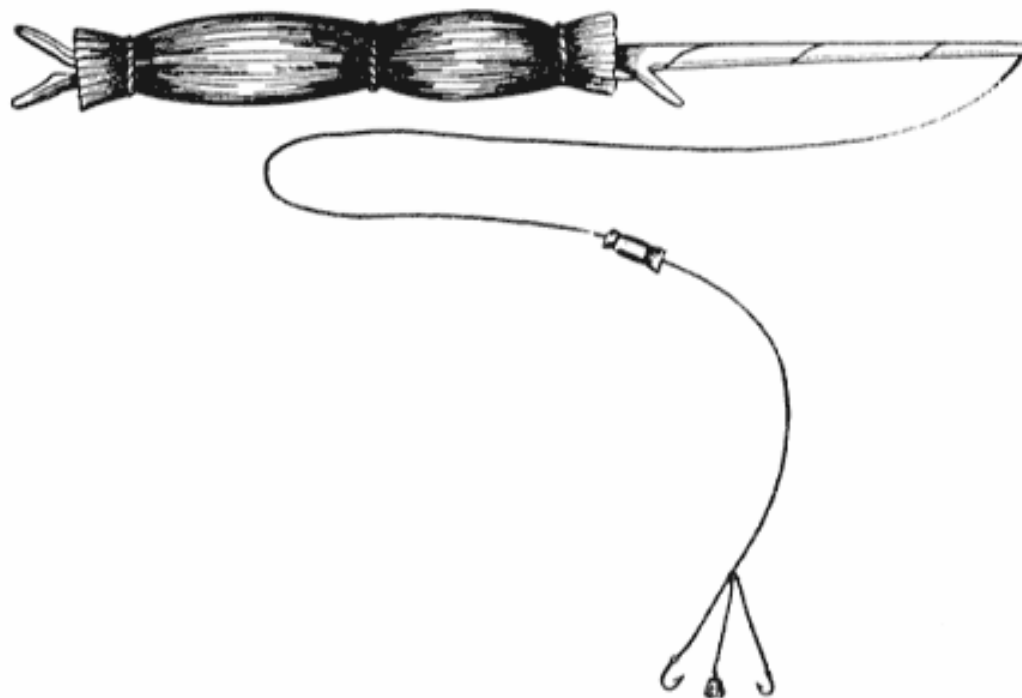

Рис. 18. Саратовский мотылек

Этим условиям вполне удовлетворяют так назыв. (по своей форме) «колодки» верхневолжских рыбаков и «кобылки» москворецких, устройство которых понятно из рисунков и очень просто: устойчивое деревянное основание небольшого объема, удобное для обхвата одной рукой, и вделанный в него (наглухо или съемный) короткий удильник из можжевельного прутика или китового уса; делаются кобылки больше из березы и имеют около 18 см длины (без прутика) так, чтобы не могли свободно проскакивать через лунку под лед. Многие московские охотники имеют очень хорошо сделанные кобылки, со съемными удильниками, аккуратно укладываемые в шкатулку-ящик, служащий вместе с тем и сиденьем. При хорошем клеве рыболов, попав на место, удит на 3–2, иногда даже на одну кобылку.

Лески зимой повсеместно, за редкими исключениями, употребляются волосяные, потому что, во-первых, всякая рыба зимой не требует крепкой снасти, а главным образом потому, что шелковые (и пеньковые) лески чаще обмерзают на морозе и примерзают к проруби, чем волосяные. Для ершей зимой достаточно и 3—4-волосной лески. Грузило должно почти касаться дна при почти вертикальном положении лески, т. е. иметь надлежащую тяжесть. Если ловить на кобылки и вообще на зимние удочки не в отвес, а отпуская насадку много ниже проруби, то при подсечке леска часто перерезается нижними острыми краями лунки.

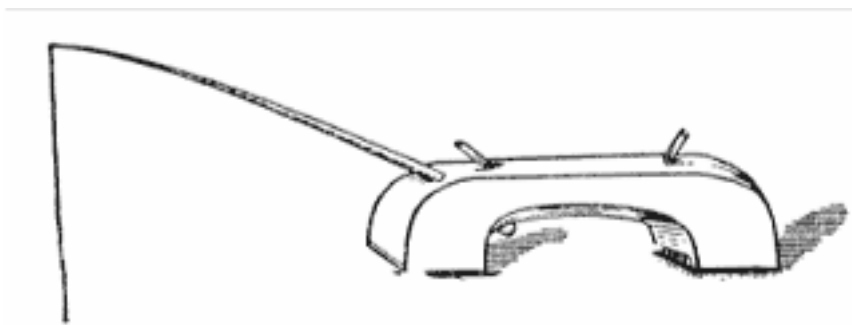

Рис. 19. Волжская колодка

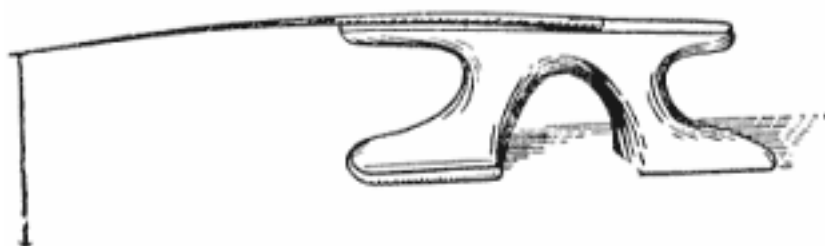

Рис. 20. Московская кобылка

Поплавки для зимнего ужения, кажется, употребляются только на нижней Волге, в Саратовской губернии, и представляют только то удобство, что удильник (мотылек) можно и положить на лед. Делаются они из пробки, коры осокора или из листьев палочника, из которых готовится рукоятка зимнего удилица. Для того чтобы на нем не намерзала вода, многие саратовские рыболовы делают такие поплавки, которые тонут от тяжести груза. Крючки употребляются преимущественно мотыльные, т. е. с длинным стержнем мелких номеров. Московские удильщики ловят обязательно на двойчатки; саратовские тоже на два крючка, но крючки эти привязываются выше груза, как это видно из рисунка. Подмосковные промышленники, удящие ершей для продажи, чтобы сохранить их дольше живыми, нарочно спиливают бородки у крючков; на зауральских озерах также ловят зимой ершей (на мормыша) на крючки без зазубрины, ради большей скорости вынимания крючка. Вообще все рыбы зимой, а ерш в особенности, настолько вялы и так мало оказывают сопротивления, что при хорошем клеве даже неблагоприятно ловить на обыкновенные крючки, ибо вынимать в мороз голый рукой крючок, заглотанный колючим ершом, не особенно приятно. Крючки же без бородки удобны тем, что б. ч. освобождаются из пасти рыбы в тот же момент, когда она выброшена на лед.

Рис. 21. Мотыльные крючки

Зимними насадами для ловли ерша служат обыкновенный навозный червь, мотыль и местами мормыш, или горбунчик. Навозный червь употребляется чаще, так как он всюду известен. Его обыкновенно запасают на зиму с осени, причем хранят на погребе в корчагах

или ящиках с отрубями, смешанными с конским калом; но в навозе, около бань, в оранжереях этого червя можно доставать и среди зимы. Насаживают его на крючок (№ 6–8) с небольшим хвостиком, но при хорошем клеве выгоднее ловить на обрывки.

Рис. 22. Мотыль

Мотыль, как насадка, пользуется гораздо меньшим распространением, так как добытием его занимаются, кажется, только в больших городах, но замечательно, что в Москве он вошел в употребление между рыболовами гораздо раньше, чем сделался известен за границей. Действительно, это лучшая зимняя насадка и одна из лучших вообще – как по своему ярко-алому цвету, наиболее привлекательному для рыб, так и потому, что она живет в воде чуть не повсеместно, в течение круглого года составляет обычный, иногда главный корм почти всех речных, озерных и прудовых рыб. Этот замечательный червячок – личинка комара-толкунчика (разные виды р. *Chironomus*), который летом мириадами толчется около берегов и над водой, складывая туда свои яички, из которых быстро развиваются красные личинки, зарывающиеся неглубоко в ил. Поэтому мотыль бывает только в тихих местах, в прудах встречается чаще, чем в реках, и бывает здесь крупнее и несколько темнее цветом. В мае и июне, даже в июле, мотыль выползает наружу, на поверхность ила, причем темнеет и из яркого становится темно-малиновым, – и из него выходит взрослое насекомое, живущее очень недолгое время, тогда как в виде мотыля, по-видимому, живет около года, может быть и несколько лет. Добывание мотыля в Москве и Петербурге служит предметом особого промысла, так как мотыль требуется в огромном количестве для насадки, а также для корма рыб в аквариумах. Обыкновенно его достают со дна вместе с илом, зачерпывая последний решетками и продырявленными ведрами, привязанными к длинной палке, и затем промывая, в решете же, пока в нем не останется чистый или почти чистый мотыль. Запас мотыля обыкновенно держат в сыроватой тряпочке и в холодном и сыром месте. Более продолжительное время можно хранить его в коробке с сырым мхом, а еще лучше с сыроватыми листьями спитого чая. Насаживание мотыля на крючок требует навыка и сноровки, так как при неловком обращении из червячка сейчас же вытекает все его содержимое и остается только прозрачная кожица. Москворецкие рыбаки насаживают мотылей, прокалывая их у головы и нанизывая таким образом на сгиб крючка по 3–4 штуки, так что они или висят кисточкой, или извиваются на течении. Рыба при таком способе насадки берет охотнее, чем если мотыль насажен на крючок (самый мелкий) обыкновенным способом, как червь, с головы (или со второго сустава), но часто сшибает или же высасывает. Впрочем, что касается ерша, то он берет на мотыля самым добросовестным образом.

Рис. 23. Мормыш (почти втрое увелич.)

Еще менее известная, но еще более интересная зимняя насадка — мормыш, бокоплав, или горбунчик, небольшой рачок из рода *Gammarus*, величиной около 2,5 см (б. ч. менее), сероватого или рыжевато-белого цвета, плавающий боком и сгорбившись, откуда и произошли его названия. Различные виды мормыша живут главным образом в озерах северной России и Западной Сибири; однако один из них найден был и под Москвой (в оз. Косине и в Сенежском), а потому, вероятно, встречается и во многих других озерах средней России, на

что обращаю внимание рыболовов. Мормыш любит холодную воду, и летом его почти не видно: он забивается под лавды (плавуны), которыми зарастают берега «карасьих» озер, где он особенно многочислен, и выходит оттуда только по ночам; к тому же рыба на него берет тогда плохо. Где нет плавучих трясин, т. е. в чистых, открытых озерах, мормыша очень мало. К середине зимы, обыкновенно, когда вода начнет портиться, сдыхаться от газов, развивающихся в иле, мормыши выходят из-под трясины, усеивают нижнюю поверхность льда и служат почти единственной зимней пищей всех озерных рыб, кроме карася и линя, зарывшихся в ил. Ловят мормышей на гороховицу и на льняные или ржаные снопы, куда они забиваются. Еще удобнее ловить их решетом, спуская его на веревочках, к которым привязан пучок мочалы, натертый мукой: мормыши, наевшись, падают в решето. В большом количестве (целыми ведрами) ловят его (для продажи в тех местах, где его мало), огребая со льда из проруби, длинными узкими ящиками, прикрепленными к палке; еще больше попадает мормышей в мотню большого зимнего невода. Хранят его в небольших ямках, в подполье, в мокрой тряпиче, также в осиновых кадушках, которые закапываются в землю или ставятся на погреб; здесь он может пробыть живым до двух недель. На зауральских озерах зимой удят (преимущественно ерша и окуня) исключительно на мормыша; гораздо реже – осенью. Насаживать мормыша очень удобно (с головы), и он держится довольно крепко даже на крючке без зазубрины, так что на одного мормыша ловят иногда до десятка рыб.

Зимнее ужение начинается, как только окрепнет лед и установится хорошая погода. Сначала ловят его на более мелких местах, но затем ерш сдается на глубокие ямы, ближе, однако, к берегу, около устьев, ручьев, подземных ключей, береговых родников; в озерах ерш избегает середины и больших глубин и жметя к берегам, где выбирает углубления и ложбины в ямах, не мельче, однако, 2–3 м. С некоторыми перерывами клев идет, все усиливаясь до декабря, затем ослабевает и к январю, вообще на время сильных морозов, совершенно прекращается, начинаясь снова с оттепелями и постепенно усиливаясь до образования краин, почти до начала нереста.

Как и другие рыбы, ерш в морозы берет слабо, но все-таки лучше, чем в ветреную погоду. При северном и вообще северных ветрах ерш вовсе не клюет и его можно ловить только на голые крючки-якорьки, самодером. Такая ловля, конечно, возможна, только когда ерш стоит на яме очень густо и в несколько рядов.

Ерш берет почти целый день, с раннего утра до сумерек, но клев несколько перемежается около полудня и усиливается к вечеру. При ужении прикормка (черви, мотыль, мормыш) употребляется весьма немногими, более тароватыми рыболовами-охотниками, но если она не будет замешана в глиняных шарах, то скорее приносит вред, а не пользу, так как, даже на слабом течении, достигает дна на несколько аршин (один аршин равен приблизительно 71 см) ниже лунки, из которой ловят. Вообще при отвесной ловле прикормка далеко не имеет того значения, как при ловле с поплавком и на донную, в закидку.

Зимняя поклевка ерша еще менее энергична, чем в другое время года, и среди зимы нередко бывает вовсе не заметна как при ловле на кобылки, так и с поплавком: ерш, взяв в рот насадку, стоит на месте без движения. Характер клева остается, однако, прежний и выражается или легким колебанием кончика удильника, или слабым звоном бубенчика, который, впрочем, очень редко привязывают к этому кончику; поплавок ерш сначала шевелит довольно продолжительное время, заглатывая червя, затем везет и плавно топсит; впрочем, только тогда, когда груз очень легкий и насадка лежит не на дне, также если груз, хотя бы и тяжелый, привязан отдельно или как на саратовской удочке.

Подсечкой торопиться нечего, и ввиду тонкости лески она не должна быть очень резка: ерш зимой сходит с крючка, т. е. выплевывает насадку, редко, и если рыболов попал на место, то вся его деятельность опять-таки сводится на поочередное вынимание двойчаток и снятие с них рыбы. На зауральских озерах подсечка производится не поднятием удочки или

толчком, а более практичным способом, который очень удобен, когда удочку приходится держать в руке. Именно здесь ее держат в левой, а в правой озерный рыболов имеет небольшую деревянную лопаточку; при поклевке он только отводит этой лопаточкой леску вбок, более или менее резким движением, и, вместе с тем, если глубина не свыше 2–3,5 м (причем уже левая рука вытянута вбок, а правая с лопаткой высоко поднята кверху), выхватывает рыбу из лунки; а так как зимой ловят здесь на крючки без зазубрин, то как только ерш или окунь коснется льда, крючок высвобождается сам собой; если нет, то рыбу ударяют по голове лопаточкой, она раззевает рот, и крючок выскакивает. Таким образом, если насадка (мормыш) цела, то рыболову довольно редко приходится дотрагиваться до крючка и до рыбы и во всяком случае этот способ ловли дает возможность поймать больше рыбы, чем при обыкновенном выборе лески.

По вкусу мяса ерш, несмотря на свою небольшую величину и костлявость, занимает одно из первых мест, почему ценится дороже всякой другой мелкой рыбы. Особенно хороша уха из ершей и стерлядей, а также заливное из ершей. Вообще ерш составляет самую здоровую, легкую и питательную пищу. Вкусом своим он обязан главным образом обильно покрывающей его слизи, а потому ее никогда не следует смывать.

Ерш составляет, как известно, любимую насадку налима. Недурно берет на ерша и крупный судак, гораздо реже и только местами щука.

Ерш-носарь *Acerina acerina* (Guld)

Своим удлинённым телом и длинным рылом носарь легко отличается от обыкновенного ерша. Кроме того, чешуя у него гораздо мельче (в боковой линии 55–60 чешуй, у ерша 37–40), спина менее выпукла и в переднем спинном плавнике большее число колючих лучей (17–19, а у ерша 12–14). Общий цвет тела желтоватый, спина б. ч. оливково-зеленая, брюхо серебристо-белое, а на боках тела и спинном плавнике находится несколько рядов темных пятнышек, отчего эта рыбка кажется очень пестрой; пятнышки эти у дунайского носаря сливаются в узкие продольные полосы. По величине своей носарь вообще превосходит ерша и обыкновенно весит около 100 г, иногда достигает более 22 см длины (рыбачьей меры) и 200 г веса.

Носарь, иначе бирючок, имеет весьма ограниченное распространение: он встречается только в реках Черноморского бассейна и почти вполне оправдывает свое латинское название. Там, однако, где встречается бирючок, он в большинстве случаев, особенно в бассейне Днестра (вероятно, и Днестра), многочисленнее обыкновенного ерша, который предпочитает здесь озера и проточные пруды, вероятно потому, что не любит сильного течения и большие реки Черноморского бассейна для него слишком быстры. Поэтому обыкновенный ерш и называется на юге больше озерным ершом, в отличие от бирючка, который в озерах никогда не встречается, даже в заливных и проточных.

Рис. 24. Ерш-носарь

Образ жизни этой красивой и очень вкусной рыбки известен еще очень мало. Бирючок очень прихотлив и любит быстротекущие воды, где дно чистое, песчаное, с каменистыми или хрящеватыми отмелями, почему в низовьях встречается редко. Однако он не любит холодной воды и в ненастье и перед наступлением холодов уходит за несколько дней на большую глубину и скрывается в ямы или же уходит с каменистых отмелей на иловатые места. По замечанию рыбаков, бирючок с конца июля начинает табуниться все гуще и гуще, а с наступлением осени уже постоянно живет в самых глубоких местах реки, откуда выходит только со вскрытием реки, так как во время прохода льда, по замечанию рыбаков, прячется между камнями. Но вообще он живет врозь с ершом, который почти всегда встречается в иловатых местах. Как и все рыбы, лишенные плавательного пузыря, бирючок плавает по самому дну и очень редко поднимается на поверхность.

Пища его состоит из червей, мелких раковин, водяных насекомых, водяных клопов (Notonecta) и водяных скорпионов (Nepa), особенно личинок комаров и т. п. Желудок бирючка постоянно бывает переполнен. Судя по всему, он ведет ночной образ жизни, мечет икру в конце апреля и начале мая, почти одновременно с окунем и судаком; по Радкевичу (в Днестре), вместе с ершом, т. е. ранее. Вообще о нересте носаря ничего не известно.

Ужение бирючков на юге России в довольно большом уважении между охотниками-рыболовами и предпочитается ужению ершей, что весьма понятно. Характером клева он мало отличается от своего родича, но побойчее его, почти всегда утаскивает поплавок и оказывает более значительное сопротивление, почему советуют после подсечки не быстро вытаскивать. На Днестре, около Киева, по Радкевичу, носаря ловят с берега на окуневые удочки с 8-волосной (!) леской и крючками № 4 или 5. Измерив глубину, пускают крючок от поплавка так, чтобы крючок шел почти ко дну, и идут по берегу за уплывающей

удочкой. Вероятно, так ловят здесь днем и на более глубоких и тихих местах, так как на Десне, например, бирючка удят больше вечерами на отмелях и притом на легкую донную (без поплавка) с небольшим грузилом. Удиль с поплавком на быстрых перекатах, конечно, неудобно; притом носарь ленив и не любит гоняться за быстро плывущей насадкой (Вербицкий). Весной носарь попадает на удочку редко, и вообще клев его начинается, как вода войдет в берега и просветлеет. Летом и осенью насадкой служит навозный и обыкновенный (мелкий) червь, но носарей с еще большим успехом можно ловить зимой из прорубей на мотыля, как это делается на Дону (здесь мотыль зовут матуликой). Ловля эта производится на местах зимовки бирючка, на быстрых и довольно глубоких местах, вблизи песчаных кос, при помощи небольшого подпуска, с 2–4 крючками. Так как грузило прикреплено на отдельном поводке, то клев рыбы (довольно слабый зимой) легко ощущается пальцами, держащими леску. Короткие удильники и кобылки, употребляемые для зимней ловли во многих местах России, здесь, кажется, не употребляются.

По вкусу мяса носарь даже превосходит ерша, и уха из него считается лучше стерляжьей.

Бирючок довольно нежная рыба и в садке (плетеной корзине) в жаркое время выживает не более 3 дней и то на просторе и если выбрасывается уснувшая рыба. Пущенный в сосуд с водой бирючок, подобно ершу, тотчас отделяет в изобилии клейкую слизь и вскоре засыпает главным образом от насыщения воды этим веществом. Этой слизи носарь и обязан своим вкусом, но Тарачков ошибается, делая предположение, что обильное выделение слизи является причиной того, что бирючок избирает места с быстро текущей водой. Ерш и линь выделяют не менее слизи, а быстрого течения избегают.

Заметим еще, что (по Геккелю) носарь живет весьма долгое время (15–20 лет) и что мелкие бирючки составляют на Дону отличную приманку для налима, который их очень любит.

Рис. 25. Сопач

Довольно близка к ершам небольшая рыбка, водящаяся в устьях Днепра, Днестра и Буга – *сопач* (*Percarina demidoffi* Nordm.), названная так по очень густой слизи, покрывающей все тело ее. Тело сопача, однако, более сжато, глаза еще более, жаберная крышка также с шипиками. Цвет тела желтоватый, с фиолетовым оттенком на спине, бока и брюхо серебристые; начиная от головы до хвоста лежат сверху многие кругловатые темно-бурые пятна; боковая линия обозначена темными точками; все плавники светлые, прозрачные и без пятен. Образ жизни этой рыбки совершенно неизвестен. В последнее время она найдена была также и в Азовском море.

Подкаменщик *Cottus gobio* L

Эта оригинальная рыба легко отличается от других своей огромной, широкой, довольно плоской головой, вооруженной с каждой стороны загнутым шипом. Тело ее совсем голое, глаза (красного цвета) почти совсем обращены кверху, грудные плавники очень широки и длинны. Спина бледно-сероватая, усеянная многочисленными темными крапинками и пятнышками, которые почти всегда образуют более или менее широкие поперечные полосы; брюхо беловатое или желтоватое, иногда с серыми крапинками; плавники, за исключением брюшных и то не всегда, испещрены серыми пятнышками. Впрочем, как относительно цвета, так и склада тела и развития головных шипов и отдельных плавников подкаменщик подлежит многим изменениям, зависящим от местных условий. Между этими разностями у нас довольно часто встречается т. н. *узкоротый бычок* (*Cottus microstomus*), отличающийся более узкой головой, меньшим ртом и очень толстой хвостовой частью тела, и *разноперый бычок* (*Cottus poecilopus*) с удлинненными брюшными плавниками и притом испещренными правильными черноватыми (6–7) поперечными полосками. По замечанию Бланшара, крупные бычки всегда темнее молодых и имеют более широкую голову (особенно самцы); самки всегда крупнее самцов и отличаются, особенно во время нереста, своею пузатостью.

Рис. 26. Бычок-подкаменщик

Подкаменщики очень редко имеют в длину более 10–12,5 см; особенно крупные встречаются в Чусовой и в Белоозере, где достигают иногда до 15 см. Водятся они почти во всех странах Европы, впрочем, больше в северных, до 66° с. ш., также в Западной Сибири. Весьма странно, однако, что я не нашел подкаменщика в зауральских речках. На западной стороне Урала он, напротив, весьма многочислен. В низовьях Волги и вообще в устьях бычок редок, впрочем более потому, что любит свежую воду и каменистое дно. В средней и северной России он встречается и в весьма незначительных ручейках, даже в озерах с холодной проточной водой. В Туркестане найден только в притоке р. Чирчика и вообще заменяется другим близким видом, а в Закавказье до сих пор еще не был замечен. Он всегда держится под камнями, отчего, конечно, произошли названия его – подкаменщик, подплитник, или же вырывает себе норы в песке – печурки, откуда и южнорусское название печкур. Вообще подкаменщик не любит глубоких мест и потому чаще всего встречается в мелких местах и у берегов. Впрочем, он держится больше в одиночку и никогда не замечается хотя бы небольшими стайками.

Рис. 27. Подкаменщик (вид сверху)

Бычок постоянно сидит, спрятавшись под камнями, и плавает очень редко, на небольшие расстояния и непременно по дну, вообще ведет оседлый образ жизни; но в минуту опасности и преследуя добычу он оказывается, хотя на короткие расстояния, весьма проворным, и это проворство, по-видимому, всего более зависит от сильного развития грудных плавников. Но врагов у него немного; притом, благодаря своей юркости, скрытному образу жизни и

колючим щиткам на жаберных крышках, подкаменщик редко достается в добычу хищникам – всего чаще форелям. Сам он весьма прожорлив, кормится больше различными рачками, водяными мокрицами, личинками водяных жуков и стрекоз, но не прочь поживиться как лягушачьей и рыбьей икрой, так и молодью рыб, почему и считается на западе весьма вредным для вод, населенных форелью. Крупные бычки ловят даже гольянов и мелких пескарей, которые почти всегда встречаются вместе с ними.

Нерест подкаменщика весьма замечателен, но до сих пор не вполне исследован. Он принадлежит к числу немногих рыб, которые делают себе нечто вроде гнезда и у которых самец играет более важную роль, нежели самка. Перед нерестом, который начинается в апреле, иногда, как на севере, в начале мая, самец вырывает хвостом (вероятнее, грудными плавниками) небольшую ямку в песке под камнем и ревниво стережет ее, поджидая самку; других самцов он гоняет и вступает в смертельные поединки, а мелких даже заглатывает; по крайней мере Геккель рассказывает, что рыбаки находят в это время бычков, из широкой пасти которых торчат меньшие. Самка выметывает свою красновато-желтую, крупную (в 2—21/2 мм) икру в ямку, кучкой в 100–300 икринок, довольно плотно прилегающих одна к другой, иногда, впрочем, и просто под камнем; самец оплодотворяет эту кучу, самка продолжает свой путь, но роль самца еще не кончена. Он остается здесь и стережет зародышей в течение 4, даже 5 недель, до тех пор, пока вся молодежь не выклюнется из яичек, и уходит от ямки весьма недалеко и то только для корма. В это время он отличается особенной храбростью и его очень трудно отогнать от гнезда. Самец даже кусает палку или прут, которым его прогоняют, и удаляется только в крайности.

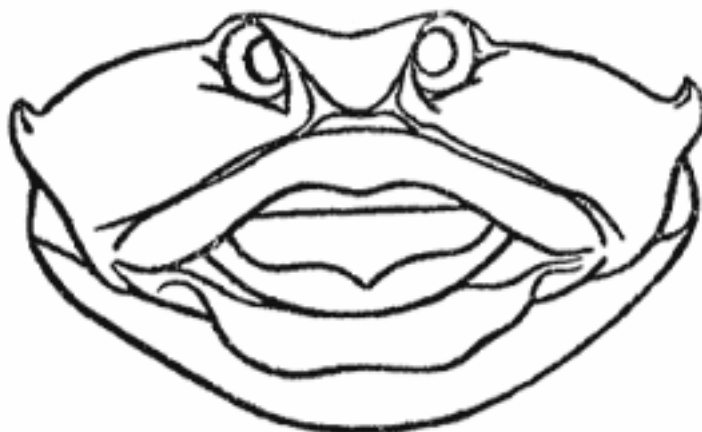

Рис. 28. Голова обыкновенного подкаменщика

Рис. 29. Голова узкоротого подкаменщика

Ловлей подкаменщика занимаются редко; так как он живет в мелких местах и больше в небольших речках, держится всегда на дне под камнями, то редко попадает настоящим рыбакам, хотя очень хорошо известен последним. Только изредка и больше для забавы ловят его крестьянские ребяташки, загоняя в бредники или недотки. Всего легче ловить их по ночам при лунном свете, так как они тогда оставляют свои норы и камни и плавают вперед и назад, так что не нужно отворачивать камни. После дождей, в мутную воду, подкаменщиков легко ловить сачком, забрасывая его около камней. На удочку эти рыбки берут хорошо, но так как они стаями не встречаются, то эта ловля редко бывает добычлива. Всего лучше клюют они на червяка, непременно со дна; клев их очень тих, потому что они заглатывают насадку, не двигаясь с места, и потом иногда подолгу лежат на том же месте. Всего удобнее ловить подкаменщиков на короткую легкую удочку (в 0,35—2 м) с крючком № 6—8 и грузилом; поплавков излишен. Высмотрев подкаменщика с берега, подбрасывают насадку (червяка). Рыба сейчас же неуклюже подползает к приманке, нисколько не пугаясь близости рыболова, хватая приманку и держит ее (всасывает), не делая никаких движений, почему надо подсекать, не дожидаясь резкой поклевки. Поймав 1—2 штуки, переходят на другое место. Так как бычок всегда живет в мелкой и прозрачной воде, то местами, в Германии и у нас, напр. в западной половине Пермской губ., где он весьма многочислен, колют его вилками, как и гольцов. Мясо его очень вкусно, сваренное — красноватого цвета, но редко употребляется в пищу. Для других хищников подкаменщик не годится в качестве насадки, кроме, вероятно, налима. На крючке бычки живут долго, но ходят небойко и стараются забиться под камень.

Колюшка

Под этим названием известны несколько видов небольших рыбок, весьма замечательных как по своему внешнему виду, так и образу жизни. Все колюшки легко отличаются своими колючками перед спинным плавником, двумя иглами на брюхе, которые заменяют брюшные плавники, брюшным щитом, образованным срастанием тазовых костей, и отсутствием настоящих чешуй.

В европейской части России встречаются три вида пресноводных колюшек — колюшка трехиглая (*Gasterosteus aculeatus* L.), колюшка девятииглая (*Pungitius pungitius* L.) и зеленая, или плоскобрюхая, колюшка (*Pungitius platygaster* Kess.), быть может вариегат последней. У первой спина вооружена 3-мя колючками, по бокам тела находятся поперечные костяные пластинки (обыкновенно 24–30), заменяющие чешую и постепенно суживающиеся к хвосту; подобные, но продолговатые пластинки находятся также на спине от затылка до начала хвостового плавника. Спина у этой колюшки зеленовато-бурая, иногда черноватая, бока туловища и брюхо серебристые, грудь и горло бледно-красноватые, во время нереста ярко-красные. Величина ее обыкновенно 5–6 см, редко более.

Рис. 30. Девятииглая колюшка

Девятииглая колюшка с первого взгляда отличается большим числом небольших спинных колючек, которых почти всегда бывает 10 или 9, голым и более вытянутым телом; спина у нее буровато-зеленая с более или менее широкими черноватыми полосками, брюхо серебристое. Во время нереста у самцов бока и брюхо делают совершенно черными, а брюшные колючки белыми. Величина этой колюшки еще менее, чем трехиглой. У плоскобрюхой колюшки, которая водится в Черном море, в низовьях Днепра и в стоячих ильменях окрестностей Астрахани, число спинных колючек одинаково со вторым видом, но бока ее снабжены пластинками, сама она толще, голова больше и брюшной щит гораздо шире, чем у остальных двух видов.

Последние имеют почти одинаковое распространение. Как трехиглая, так и девятииглая колюшки водятся почти во всех странах Европы, не исключая самых северных, а по Палласу, почти во всей Сибири. Их недостает, вероятно, только в Волжском бассейне. У нас они всего многочисленнее — в реках, впадающих в Балтийское и Белое моря. В громадном количестве водятся колюшки в реках и озерах Петербургской губ., в Онежском и смежных озерах.

Местопребывание трехиглой и девятииглой колюшки совершенно одинаково. Они любят тихое течение, живут как в пресной, так и соленоватой воде; любимым пристанищем их служат небольшие речки, канавы, озера, ильмени, с иловатым или иловато-песчаным дном и травянистыми берегами. Они держатся иногда огромными стаями и находятся в беспрестанном движении, бросаются на всякий упавший предмет и в некоторых местах Петербургской губернии просто вовсе не дают ловить прочую рыбу. Иногда даже они размножаются до такой степени, что переводят всех рыб, икру которых пожирают; между тем сами они, особенно трехиглая колюшка, вооруженная более твердыми, длинными и крепкими колючками, крайне редко достаются в добычу щукам, окуням и прочим хищникам, которые если и вздумают с голоду охотиться за этими рыбами, то зачастую бывают наказаны за свою жадность: колюшка растопыривает свои острые спинные и брюшные шипы, обыкновенно

новенно плотно прилегающие к телу, и иглы эти вонзаются в пасть рыбы. Так же взъерошиваются они и в драках между собой (что случается очень часто) и вообще в минуту опасности. Отсюда легко заключить, что эти маленькие рыбки, пренебрегаемые рыбаками, должны весьма сильно размножаться. Есть даже некоторое основание предположить, что все колюшки были первоначально морскими или устьевыми рыбами и только постепенно распространились все далее и далее вверх по рекам.

Несмотря на то что количество икринок весьма невелико, эти рыбки, столь хорошо вооруженные, размножаются тем быстрее, что значительная часть икры развивается у молодых рыбок, чего не замечается у других наших пресноводных видов, кроме подкаменщиков и бычков (*Gobius*). Дело в том, что у колюшки мы имеем наиболее замечательный пример настоящего гнезда, подобного птичьему, и встречаем не менее интересное явление попечения самца об яичках, сложенных в этом гнезде.

За несколько дней до нереста, начинающегося с апреля или мая, колюшки принимают более яркую окраску и становятся очень красивыми. Затем самцы удаляются от пузатых самок, которые продолжают ходить стаями и, по-видимому, несколько многочисленнее первых; каждый из самцов выбирает себе место в траве или на дне или выкапывает себе сначала ямку в иле, как это всегда делают трехиглые, или же, как девятииглые, прямо начинает прикреплять травинки в развилинах какого-нибудь водяного растения или к листу его. Чаше всего выбирают они для этой цели белые и желтые кувшинки. Вырыв ямку, самец набирал в рот мелких травинок, корешков, также водорослей нитчаток (девятиглая колюшка) и других растительных веществ, выстилает ими дно ямки, закрепляя их в иле и склеивая слизью, выделяемой боками тела, затем выстилает таким же образом боковые стены, наконец свод. После этого он приводит свое гнездо в порядок, придает ему более правильную форму, вытаскивает лишнее, расширяет переднее отверстие (заднее всегда менее, а иногда его совсем не бывает), выглаживает края его и вместе с тем старательно отгоняет насекомых и других рыб. Готовое гнездо имеет форму шара или почти шара и очень красиво, но у трехиглой колюшки большая часть его зарыта в ил и потому оно незаметно; только иногда, и то в мелкой светлой воде, можно различить небольшие возвышения до 10 см в диаметре; гнезда девятиглых колюшек найти также очень трудно, так как они почти не отличаются от листьев водяного растения, к которому прикрепляются.

Рис. 31. Гнездо трехиглой колюшки

Окончив постройку гнезда, самец возвращается в стаю, выбирает самку, готовую к кладке и, после некоторого как бы ухаживания, загоняет ее к назначенному месту: самка влезает в переднее отверстие, кладет туда несколько десятков яиц и через 2–3 минуты выходит в противоположную дыру. В это время самец находится в заметном волнении, и едва самка окончит свою кладку, как он в свою очередь входит в гнездо и обливает икринки своими молоками. Но гнездо это служит, однако, не для одной самки: в скором времени самец отправляется на поиски другой, третьей и т. д.; кладка продолжается несколько дней подряд, пока все гнездо не наполнится яичками. Последние относительно очень крупны; в самке насчитывается обыкновенно до 100–120 зрелых икринок одновременно, но весь нерест длится иногда более месяца, а у девятиглой даже до конца июля.

Но этим не ограничиваются заботы старательного самца. Он остается при гнезде, удаляется от него лишь на небольшие расстояния и ревниво оберегает его от всяких врагов,

то отгоняя их от этого места, то стараясь отвлечь от него внимание других более опасных неприятелей, особенно крупных рыб, которые весьма не прочь полакомиться икрой колюшки. Даже сами колюшки-самки истребляют свои собственные яйца. Кесслер рассказывает, как он безуспешно старался отогнать одного черного самца девятииглой колюшки: сначала последний, при каждом движении палки, отбегал от гнезда и снова возвращался к нему, но затем уже стал бросаться на палку, как бы огрызаться на нее, подобно собаке. Эта охрана гнезда продолжается 10–14 дней, до тех пор, пока его окончательно не покинут выклюнувшиеся рыбешки, освободившиеся от своего огромного желточного пузыря, лишаящего их возможности спастись от преследования. Но и то первые дни самец старательно смотрит за молодью и не дает далеко уплыть от гнезда. Мало того, во время развития зародышей заботливый отец, чтобы воспрепятствовать засорению яиц, нарочно производит волнение воды и усиленно двигает своими грудными плавниками перед отверстием гнезда.

Это крайне интересное гнездование колюшек легко наблюдать в большом аквариуме с растениями и толстым слоем ила на дне, где эти рыбки, вообще очень живучие, очень хорошо уживаются. По-видимому, они делаются способными к размножению на следующий же год, во всяком случае на втором году жизни, но навряд ли живут только 3 года, как это полагает Блох.

Рис. 32. Гнездо девятииглой колюшки

Все колюшки крайне прожорливы и принадлежат к числу самых вредных рыб. В прудах, куда они проникнут, почти невозможно бывает развести какую-либо другую рыбу. Даже в таких огромных бассейнах, как Онежское озеро, по свидетельству рыбаков, вместе с размножением этих рыбок замечается сильное уменьшение прочих видов, особенно ряпушки. Здесь колюшка, с каждым годом распространяющаяся в громадном количестве во всех губах, речках, постепенно переходит и в другие смежные озера и не замечается только в таких, которые связаны слишком быстрыми протоками или речками. Если б колюшки не истребляли и своей икры, то, конечно, они в скором времени перевели бы всех рыб.

Остается заметить, что хотя никто, за исключением ребятишек, не занимается ловлей колюшек, но трудно представить, с какой жадностью хватают они не только насадку, но даже голый крючок и обрывок нитки. В былые годы на Петербургской стороне я лавливал огромное количество этих рыбок просто на кусочек червяка, привязанный на нитку, даже на небольшой голый крючок, принимавшийся ими за червя.

Бычки

Весьма многочисленное семейство бычков, или колбневых (Gobiidae), отличается с первого взгляда своими *сросшимися брюшными плавниками*. Большинство видов живут в морях; у нас – в Черном и Каспийском, частью в реках, в них впадающих, известно более 30 видов, исключительно из главного рода – бычков (Gobius), но, вероятно, менее, так как признаки этих рыб весьма сбивчивы. Собственно, в реках или в устьях встречается только 8 или 9 видов, а именно: *бычок-кнут*, *бычок-гонец*, *бычок-цуцик*, *бычок-песочник*, *белый бычок*, *бычок-головач*, еще два исключительно кавказских вида (Gobius syrius и G. Weidemann) и, наконец, толстоголовая рыбка из рода Benthophilus – *пугловка*. Так как распространение этих рыб по рекам еще весьма мало исследовано, то мы дадим здесь краткое описание каждой.

Бычок-кнут (G. batrachosephalus Pall.¹), водящийся в устьях Буга и Днестра, отличается голым теменем и затылком, т. е. непокрытыми чешуей, очень широкой большой головой (более $\frac{1}{4}$ всего тела), значительно вытянутым и к заднему концу сильно утонченным телом. Тело желтоватое или сероватое и, особенно голова, испещрено бурыми пятнами; спинной, хвостовой и грудные плавники с поперечными темными полосками. На боковой линии 74–84 ряда чешуй; величина 100–300 мм. Водится вдоль северных берегов Черного моря, от Одессы до Керчи; в лимане Буга доходит до Николаева.

Бычок-гонец (G. gymnotrachelus Kessl.)² – вид совершенно речной и водится именно в Днепре, Буге и Днестре; особенно распространен он по Днестру и его притокам (Сбручу). Темя и затылок у него также голые, но голова меньше и не так широка. Цвет тела желтовато-серый, с бурыми пятнами, которые иногда сливаются в косые поперечные полосы. Чешуя несколько крупнее (60–70 рядов), величина менее (до 145 мм), (рис. 33).

Бычок-цуцик (G. marmoratus Pall.)³ имеет весьма обширное распространение и водится как в соленой, так и в пресной воде; он встречается в Каспийском море, в устьях Волги, в Черном море, по берегам Крымского полуострова, в Буге, Днепре и Дунае с их притоками; напр., он был найден в р. Ворскле, под Полтавой, в р. Пеле, под Миропольем, а в последнее время и в нижнем течении Дона. Тело его сильно сжато с боков; темя и затылок, как и у всех следующих видов, покрыты чешуями; передние носовые отверстия вытянуты в усиковидные трубочки; ширина головы менее ее вышины; нижняя челюсть не выдается, как у предыдущих видов; число чешуй в боковой линии 40–45. Цвет тела бледно-серый или буроватый, с бурыми полосками и пятнами. Речные экземпляры вообще меньше ростом и темнее; обыкновенная величина этих рыбок 40–50 мм.

Рис. 33. Бычок-гонец

По наблюдениям Рождественского в аквариуме, цуцики ведут более ночной образ жизни, а днем предпочитают темноту. Они даже выметали в аквариуме икру, притом в несколько приемов и очень рано, начиная с 23 января и до 10 марта; икра была выметана на растения и имела продолговатую яйцеобразную форму. Из нее, однако, не вышло ни одной рыбки.

¹ Бычок-кнут, или бычок-мартовик, – Mesogobius Batrachosephalus (Pallas). Ред.

² Бычок-гонец – Mesogobius gymnotrachelus (Kessler). Ред.

³ Бычок-цуцик – Proterorhinus marmoratus (Pallas) Ред.

Бычок-песочник (*G. melanostomus* Pall.)⁴ имеет плотное, довольно короткое тело, не очень большую голову (длина ее менее 1/4 части всего тела), челюсти почти одинаковой длины, с толстыми губами; при конце первого спинного плавника обыкновенно находится большое черное пятно; в боковой линии 52–55 чешуек. Цвет тела светло-бурый, с большими темно-бурыми пятнами по бокам, иногда же черно-бурый или совершенно черный, вообще подлежит многим видоизменениям. Величина от 100 до 200 мм. Вид этот водится почти в тех же местах, что и *цуцик*. Он был найден в Каспийском море, в Волге под Сарептой, затем по всему северному берегу Черного моря, так и во всех (?) реках, туда изливающихся; по Днестру он доходит до Могилева, по Днепру – до Екатеринослава.

Белый бычок (*G. fluviatilis* Pall.)⁵ отличается стройным, кругловатым телом, сильно утонченным к заднему концу; нижняя челюсть его немного длиннее верхней и несколько заворочена кверху; губы узкие. По форме тела он представляет значительное сходство с гольцом, только голова у него приметно больше. Чешуя довольно мелкая (60–65). Цвет тела буровато- или желтовато-серый, с бурыми пятнами, особенно заметными на боковой линии. Из многочисленных разностей его замечательнее белая – зеленовато-белого цвета, с едва приметными серыми пятнами по бокам, и черная – очень темного цвета. Рост этого вида 85–180 мм. Это по преимуществу пресноводный бычок: всего более распространен он по Днестру (до Хотина) и его притокам, по Бугу (в особенности), Днепру (до Екатеринослава) и в некоторых побочных притоках последнего, напр. Ворскле и Пеле. Особенно изобилует этой рыбкой р. Ворскла. На южном берегу Крыма *Gobius fluviatilis* нет, но он, по-видимому, весьма обыкновенен во всем Каспийском море и в устьях Урала и Волги. Эти каспийские бычки принадлежат б. ч. к черной разности и имеют несколько более крупную чешую и меньший рост. Кроме того, речные бычки встречаются также в Азовском море и в Дону, но как высоко они по нем поднимаются – неизвестно.

Бычок-головач (*O. Kessleri* Gunth.) отличается большой сплюсненной головой, верхней губой, сильно расширенной по сторонам, удлинненно-коническим телом, спереди значительно утолщенным; нижняя челюсть его длиннее верхней, чешуя мелкая (70–77). Цвет тела серовато-бурый или красновато бурый, с более или менее явственными темными пятнами, у хвоста треугольное черноватое пятно. Роста он одинакового с песочником. Живет головач также больше в реках; по Днестру распространен до Могилева, по Бугу до Вознесенска, по Днепру до Екатеринослава, кроме того, он встречается в Каспийском море и в Волге под Астраханью и Петровском.

Кроме этих видов, в кавказских реках встречается еще собственно морской вид бычков – *Gobius platyrostris* Pall.⁶ (у грузин – орджо), найденный в Куре, Тифлисе и в бассейне р. Риона, в ручейках, в него впадающих.

Наконец, *пуголовка* (*Benthophilus macrocephalus* Pall.) отличается от всех бычков чрезвычайно большой, широкой и приплюсненной головой и отсутствием чешуи, которая заменяется костяными шишками различной величины и формы. Цвет тела буровато-серый, с темными пятнами; вся нижняя сторона беловатая. Водится эта рыбка в устьях Днепра, Буга и Днестра, в Дону и его нижних притоках, также в иловатых заливах Каспийского моря. Величина ее от 90 до 150 мм.

По наблюдениям в аквариуме, пуголовка очень ленивая рыбка, постоянно живущая в песке, где зарывается до самых глаз и терпеливо лежит целый день. Выходит она гулять лишь на короткое время, вечером, причем порывисто поднимается кверху, присасываясь брюш-

⁴ Ныне называется бычок-кругляк – *Neogobius melanostomus* (Pallas). Ред.

⁵ Чаше называют теперь бычок-песчаник, или бабка – *Neogobius fluviatilis* (Pallas). Ред.

⁶ Бычок-рыжик – *Neogobius platyrostris* (Pallas). Ред.

ными плавниками к стеклу аквариума, у поверхности воды, и, повисев там некоторое время, опять опускается на дно и снова поднимается.

Об образе жизни бычков вообще известно очень мало. Почти все они любят свежую воду и дно песчаное или каменистое, охотно прячутся под камнями или же, подобно подкаменщику, устраивают себе норки в песке. Держатся они постоянно на дне (или на подводных скалах) и когда плывут, то опираются на сросшиеся брюшные плавники, как на подставку; иногда они этими плавниками слегка присасываются к камням или цепляются ими, нагибая свое туловище.

Это очень проворные и прожорливые рыбки. «Смотря, как они снуют по дну, – говорит О. А. Гримм, – карабкаясь по сваям, камням и другим подводным предметам, невольно напрашивается сравнение их с мышами из млекопитающих и с воробьями из птиц. Это настоящие подводные мыши, ничем не пренебрегающие, чтобы утолить свой голод, и вместе с тем составляющие любимую пищу морских ужей».

Пища бычков состоит из молодых рыбок, насекомых, червей, мелких слизняков. Некоторые из них (б. ч. морские) выют более или менее искусные гнезда и в них складывают свои яички; другие же приклеивают икринки к камням, стеблям подводных растений и т. п. предметам и потом остаются при яичках, как бы для охранения их. Яички при развитии в них зародыша сильно вытягиваются в длину и принимают почти коническую форму, причем зародыш всегда бывает обращен головной частью к свету, т. е. свободному, острому концу конуса. Нерестятся они ранней весной (в марте). Во всех приморских местностях, во всех бухтах бычки составляют главную, иногда даже почти исключительную добычу удильщиков. Ужение бычков так же просто, как и ужение ершей и окуней, которых они превосходят в жадности. До сих пор, однако, никто из южных рыболовов-охотников не дал описания способов ужения этих оригинальных рыбок.

Налим *Lota lota* L

Это единственный пресноводный представитель целого отдела рыб – безколючих, к которому относится треска, навага и другое семейство – камбалы. Из последних, впрочем, один вид, *Platessa flesus* – камбала, встречается и в Ладожском озере, входит в устья Невы и других рек, а в Северной Двине и в Висле поднимается, по-видимому, очень высоко.

По своему наружному виду налим имеет некоторое, хотя и довольно отдаленное, сходство с сомом. Голова у него очень широкая, сильно приплюснута, как у лягушки, на подбородке находится небольшой усик; глаза малые, пасть широкая, усаженная очень мелкими многочисленными зубками, вроде щетки, и верхняя челюсть несколько длиннее нижней. Грудные плавники короткие; два первые луча брюшных, находящиеся впереди последних, вытянуты в нитевидные отростки; спинных плавников два, и короткий передний близко прижимается ко второму, который простирается до закругленного хвостового плавника; последний имеет очень большое количество лучей (36–40) и соединен с заднепроходным, тоже очень широким. Все тело покрыто очень мелкими, нежными чешуйками, которые сидят глубоко в коже, притом покрытой обильной слизью, почему налима весьма трудно удержать в руках.

Цвет тела налима зависит от качества воды и весьма разнообразен; обыкновенно же вся спинная сторона, равно как и плавники, на серовато-зеленом или оливково-зеленом фоне испещрены черно-бурыми пятнами и полосками, а горло, брюхо и брюшные плавники остаются беловатыми. Вообще, кажется, чуть не повсеместно отличают две породы, т. е. разновидности налимов, одну пеструю, мраморную и другую совсем черную. По моим наблюдениям, чем моложе налим, тем он темнее; самцы также темнее самок, но главное наружное отличие между полами состоит в том, что у молочников голова относительно толще, а туловище тоньше. Кроме того, самцы вряд ли достигают и половины веса самок и гораздо многочисленнее.

Рис. 34. Налим

Коренное местопребывание налима – северные реки, впадающие в Ледовитый океан, но в настоящее время он встречается и в средней Европе (в Англии, Италии, Испании и Греции его нет) до восточных департаментов Франции. В средней и северной России налим принадлежит к числу самых обыкновенных рыб, еще многочисленнее он в Сибири, а также и в северных частях Северной Америки. В нижних течениях русских рек Черноморского и Каспийского бассейнов, особенно в Днестре, налим уже редок, в устьях Дона, Волги и Днепра составляет довольно исключительное явление и в море положительно никогда не заходит. Его нет ни в Кубани, ни в кавказских реках, ни в бассейне Аральского моря. Вообще, чем далее к югу и западу, тем налимы уменьшаются как в числе, так и в весе. Самые крупные налимы водятся в Печоре, Оби и особенно Иртыше, в котором, по свидетельству Палласа, они достигают 2 м длины. В реках Черноморского бассейна и в Западной Европе налим редко весит свыше 0,8–1,2 кг. На севере нашей страны налим вполне заступает место сома, частью форели, в сообществе которой встречается редко; в более южных странах налим находится в антагонизме с сомом и, кажется, вовсе не уживается с ним, не столько потому, что любит более холодные воды, чем сом, сколько потому, что становится легкой добычей последнего.

Редкость налима в низовьях объясняется его образом жизни. Налим любит холодную и чистую воду с иловатым и вместе каменистым дном и медленным течением и потому чаще встречается и достигает большей величины в небольших речках северных лесных равнин. Любимое местопребывание его – глубокие ключевые ямы как в проточных озерах, так и реках, он любит тень и прохладу, почему очень редок в теплых и мутных водах больших южных рек; с постепенным обнажением берегов степных речек налим даже вовсе в них переводится, как это я наблюдал в Шадринском уезде. Проточная вода, однако, ему почти необходима, и исключения очень редки, так как для нереста он всегда входит в реки.

Как чисто северная рыба, налим чувствует себя хорошо, только когда температура воды не превышает 12°. Когда вода нагревается свыше 15°, он уходит в более защищенные от солнца места и впадает в своего рода спячку, причем не принимает пищи целыми неделями. Я полагаю, что в воде, имеющей температуру в 20°, он жить уже вовсе не может и погибает. В средней России, как только реки окончательно войдут в берега, т. е. уже в первой половине мая, налим перестает бродить и избирает себе постоянную оседлость, становясь или под крутояры или забиваясь в камни и береговые норы; в озерах он стоит или на очень больших глубинах, или в колодках, т. е. подводных ключах, или под плавучими берегами (лавдами), где вода очень долго остается холодной. Весьма охотно налим держится под плотами, и вообще он почти всегда живет рядом с ершом. До наступления жары он еще выходит по ночам жировать, но в июле весь, за редкими исключениями, или забивается в норы и камни, прячется под коряги, или даже зарывается в ил. Нор налим сам не делает, как это думают, а занимает случайные углубления и вымоины в берегах, рачьи норы или же (в речках) забивается под корни прибрежных деревьев. Здесь он всегда стоит головой к берегу, и нередко половина тела его высовывается наружу. Если трогать его рукой, то он делает только слабые движения, стараясь забиться подальше, а не выскочить из норы и спастись бегством. Точно так же, если поднять камни, под которыми спрятался налим, то он несколько секунд останется неподвижным, затем, очнувшись, с быстротой молнии бросается к ближайшим камням. Летнее оцепенение, или спячка, этой рыбы доказывается также тем, что если по каким-либо причинам (напр., от прорыва плотины) уровень воды внезапно понизится, то весьма многие налимы не успевают вовремя выйти из более глубоких нор и там погибают, так как не могут ни повернуться в трубкообразных норах, ни действовать плавниками в жидкой грязи.

Из своих летних убежищ налим выходит только в холодную и пасмурную погоду, непременно ночью, так как это вполне ночная рыба, не выносящая солнечного света. Даже в лунные ночи налиму чувствуется не по себе, так как в полнолуние вовсе не берет на удочки, а следовательно, и не кормится. Но вместе с тем налим, более чем какая-либо другая рыба, идет на свет огня, который обеспечивает успех ужения. В лунные же ночи он очень беспокоен и даже выплывает на поверхность воды, что бывает с ним только при внезапной порче воды, перед грозой или как только вода покроется льдом. Когда в реку спущены какие-либо нечистоты или краски, все налимы поднимаются со дна, но не плавают на поверхности, подобно другим рыбам, а становятся головой к берегу и пребывают здесь неподвижно. Всего же замечательнее необыкновенная восприимчивость налима к звукам: позднейшие наблюдения несомненно доказывают, что налим не только не боится шума, звона и человеческого голоса, но даже идет на эти звуки.

Всего удивительнее здесь то, что налим идет на шум не потому, что ожидает поживы, подобно щуке и окуню, тоже иногда с голода бросающихся на всплеск и негромкие звуки, а совершенно бескорыстно. Что это верно, подтверждается словами Воронина, который говорит, что налимов в р. Великой во время нереста (т. е. когда налимы не кормятся) ловят на пятигранный якорек небольших размеров, в ушко которого продето большое кольцо. Якорек этот опускают на дно, там, где трутся налимы, и, слегка дергая за бечевку, позванивают

кольцом и при малейшем сотрясении подсекают. Чем звонче кольцо, тем ловля (крючение) добычливее.

Налим вполне донная рыба. Он всегда пресмыкается по самому дну и здесь же отыскивает себе пищу, которая довольно разнообразна, хотя состоит главным образом из других рыб. Мелкие налимы, почти до двухлетнего возраста, кормятся, впрочем, червями, личинками насекомых, мелкими рачками (мормышом), раками и рыбьей икрой. Судя по тому, что мелкие налимы почти не берут рыбную насадку даже осенью и зимой, надо полагать, что они не особенно хищны. Но и взрослые налимы весной и летом далеко не так плотоядны, как в холодное время года; по крайней мере они чаще попадаются на червя и рака, чем на рыбу. Есть, однако, некоторые основания заключить, что весной, местами по крайней мере, налимы особенно усердно охотятся за лягушками и с этой целью, подобно судакам, заходят по ночам в заливы и заводи, причем изменяют своему обычаю пресмыкаться на дне и хватают квакушек на поверхности, незаметно подплывая к ним во время их концерта.

Из рыб летом, кажется, только ерши, живущие в тех же местах, делают добычей налима; раков же он добывает непосредственно из нор. Во всяком случае в жаркое время года налим ест очень мало, как бы урывками и случайно.

Но едва только похолодеет вода, начнутся ненастные дни, что бывает у нас, в средней России, в начале августа, как налим покидает свои летние убежища и начинает вести все более и более бродячую жизнь и все чаще и чаще выходит на мелкие места, за мелкой рыбой, стараясь вознаградить себя за долговременный пост. Чем более понижается температура, чем темнее и продолжительнее ночи, тем более возрастает аппетит хищника. Трудно представить себе, какую массу мелочи пожирает налим зимой, когда полусонная, вялая и почти ничего не видящая рыба достается ему без всякого труда на местах своих зимних стоянок. Из всех хищных рыб налим положительно самая жадная и прожорливая, так как только он один хватает рыбу в садках. Известно также несколько случаев, что налимы не только охотились в мотне невода, но даже хватали запутавшуюся в сетях рыбу с другой, внешней, стороны и, проглатывая вместе с ней кусок сети, запутывались в свою очередь жабрами в ячейках. По словам рыбаков, налим легко заглатывает рыбу в половину меньшую по весу.

Любимой пищей налимов служат пескари, потом ерши, очень много истребляют они также своей собственной молоди, местами они жадно берут миног и их личинок, в речках поедают массу гольцов, реже гольянов, в северных и северо-западных озерах – снетка. Другие рыбы по своей чуткости, проворству, величине и более редкому пребыванию на дне сравнительно реже становятся добычей налима, только, однако, не зимой, когда налим не дает спуска и относительно крупной и сильной рыбе. Ему стоит только ухватиться своими мелкими, как щетка, зубами хотя бы за хвост рыбы, и она наверное не минует его огромной пасти. Как ночной хищник, налим вряд ли когда ловит добычу стоя на месте, а подкрадывается к ней и хватается за что попало, не делая порывистых движений. Это можно заключить по характеру его клева, весьма неэнергичному. По J. Fischery, налим привлекает мелочь, спрятавшись в камнях головой наружу и пошевеливая своим усом на подбородке. По словам Потанина, алтайские рыбаки держатся мнения, что «налим ловит рыбу, становясь головой к утесу и загребая хвостом мелочь в разинутый рот». И тот и другой способ ловли, если употребляется (?) налимами, то очень редко, и они в холодное время года во всяком случае отыскивают себе добычу, а не ждут ее. В поисках корма налим всего менее руководствуется зрением, а слухом, осязанием и обонянием, эти три чувства развиты у него гораздо сильнее и дают ему возможность на течении слышать и осязать движение наживы, передаваемое на довольно большое расстояние, а также, как показал тот же опыт рыболовов, издали чуют пахучую насадку.

Осенний жор налима продолжается до начала зимы, целые три месяца, с небольшими промежутками. Рыболовная практика показала, что этот жор прекращается в лунные ночи,

особенно в полнолуние, а также «на молодую», т. е. в новолуние. До глубокой осени налим бродит всюду зря и его можно найти в глубоких и мелких местах на быстрине и в заводях. С замерзанием рек осеннее блуждание в поисках пищи сразу прекращается. Резкое изменение среды влияет и на налима: он поднимается кверху и становится под лед, ему, видимо, не по себе и уже не до еды. Это оцепенение продолжается несколько дней или с неделю, пока организм (плавательный пузырь) не приспособится к новым условиям и к измененному давлению, затем, в непродолжительное время, через неделю-две, начинается валовой, правильный ход налимов против течения. Только в немногих больших и глубоких северных озерах часть налима остается в озере, выходя из глубин на более мелкие и каменистые места – гряды.

Прежде всех, под Москвой, в первой половине или в середине декабря трогается самый крупный налим, затем средний и, наконец, идет мелкий, 3—5-леток. На севере ход налима запаздывает на неделю или на две, на юге начинается ранее, но все-таки после рекостава. По-видимому, все станицы идут одной и той же и притом весьма неширокой дорогой, которая пролегает, однако, не на самой глубине и быстрине реки, а довольно мелкими, преимущественно песчаными, хрящеватыми или каменистыми местами. Ход налима приостанавливается днем, на более или менее продолжительное время (на несколько часов) и начинается снова в сумерки; двигаются станицы довольно медленно, с большими остановками, так как, во-первых, налим неспособен к продолжительному движению, а во-вторых, за исключением самого времени нереста, продолжает усиленно охотиться за рыбой, заходя попутно на места ее зимней стоянки. Чем крупнее налимы, тем стайки их малочисленнее и менее густы; 3—4-летки идут стаями в несколько сот штук и довольно тесными рядами. Ход каждой станицы в отдельности продолжается до 2-х недель, так что с начала хода до окончания проходит почти два месяца.

Как было сказано выше, число молочников значительно превышает число икряников, вдвое или даже втрое, и самцы чуть не вполовину меньше весом против самок одинакового возраста. Но, несмотря на многочисленность молочников, у налимов замечается, по-видимому, нечто вроде тетки или спаривания, так как самец свивается попарно с самкой.

Судя по всему, половой зрелости налимы достигают к третьему году; в большинстве случаев зрелую икру можно найти даже у двухсотграммовых налимчиков, но в кормных реках эти двухсотграммовки оказываются молочниками. Впрочем, как замечено выше, почти везде одновременно встречаются две разновидности налима – крупная и мелкая, последняя почти черного цвета. Озерный (мраморный и короткий) налим, растущий быстрее речного, иногда мечет икру, только достигнув 35 см длины и 1,2 кг веса. Икра налима желтоватого цвета, относительно мелкая (от 0,8 до 1 мм диаметром) и чрезвычайно многочисленна, так что эта рыба принадлежит к числу самых плодовых. Последние наблюдения показали, что очень небольшие особи заключают в себе до 200 тысяч, а крупные до миллиона икринок. Относительная же малочисленность этой рыбы объясняется тем, что только очень немногие икринки развиваются в рыбок, большая часть которых еще в юности становится добычей взрослых налимов и других хищников или же погибает, не найдя благоприятных условий для жизни. В последнем отношении, как мы уже видели, налим принадлежит к числу самых прихотливых рыб.

Икра выметывается в реках, всегда на довольно мелких песчаных или хрящеватых местах, с довольно быстрым течением. Хотя икряники выливают совершенно жидкую икру (откуда и произошло употребляемое местное характерное название нерестилища – «ляк») в ямках или между камнями, но значительная часть яичек уносится водой, прежде чем они успеют прилипнуть к почве, и становится добычей других рыб. Сами налимы, как молодые, еще не достигшие полной зрелости, так и взрослые, уже выметавшие икру или только собирающиеся нереститься, поедают во множестве свою икру, которая, выстилая тонким

слоем все впадины и углубления нерестилища, составляет самую обильную и легко добываемую пищу в самое глухое зимнее время. Существует даже одно наблюдение, которое бросает некоторый свет на причины временного прекращения клева рыбы в январе и начале февраля. По словам Терлецкого, станицы окуня, пескаря, плотицы и ерша во время нереста налимов трогаются с мест своих стоянок и, наевшись икры, снова устанавливаются. Таким образом, более нежели вероятно, что к концу зимы остаются в целости только те икринки, которые попали в хрящ, под камень и вообще какую-нибудь защиту. Выклевывается налимя молодь, кажется, незадолго перед вскрытием или же во время половодья, которое забивает множество мелочи или сносит ее на поймы, где она потом погибает. Отсюда понятно, почему налимы всего многочисленнее в реках, где хотя бы местами имеются каменистые перекаты, и почему мелкие налимчики встречаются чуть не исключительно в таких местах, где много крупных камней, не сдвигаемых течением.

Молодь растет очень быстро, не менее быстро, чем щуята. В кормных местах к июню молодые налимчики достигают 8–9 см длины; большей частью в октябре попадаются налимчики с очень крупного пескаря, но рост их обуславливается местностью, принадлежностью к крупной или мелкой разности и полом. До годовалого возраста налимчики живут непременно в камнях и уходят на более глубокие и иловатые места, кажется, к лету следующего года. Вполне хищной рыбой налим становится, только уже достигнув половой зрелости, по крайней мере мелкие годовалые и полугодовалые налимчики не берут (на Москве-реке) ни на мелкую рыбу, ни на кусочки рыб, а только на червя. Чем питается первое время (т. е. весной) налимя молодь – сказать трудно, но в мае она, кажется, ест икру пескаря, гольца и других рыб, нерестящихся в камнях и хряще, быть может и выклюнувшуюся молодь этих рыб. Летом же пища ее состоит из червей и личинок; но в жары мелкий налим тоже ничего не ест, а забивается под камни.

Как рыба очень чувствительная к качеству воды, налим едва ли не раньше других рыб снет от ее порчи. У нас, под Москвой, при обилии фабрик с их вредными отбросами, при бесцеремонном спуске нечистот, налимы заметно уменьшаются в числе, а местами почти перевелись. По той же причине главная масса налимов живет в верхнем течении Москвы-реки; в нижнем их тоже довольно много, а в среднем очень мало. Несомненно, что большая часть этих налимов, выметав икру, уходит вверх и там остается. В Зауралье очень теплое лето имеет непременно следствием больший или меньший мор налимов в озерах, хотя, надо полагать, мор этот зависит не столько от температуры воды, сколько от множества паразитов, вызванных жарой.

* * *

Налим – коренной житель северной России и Сибири, может быть назван вполне русской рыбой; в Западной Европе он редок, мелок и находится в пренебрежении, а потому как жизнь, так и ловля его, на удочку в особенности, очень мало известны.

Ловля налима производится удочками и снарядами, близкими к удочке, почти исключительно зимой, во время нереста. Собственно охотничья ловля может быть разделена на весеннюю, осеннюю и зимнюю; летом же налимы на удочку вовсе не ловятся. Так как эта рыба кормится только ночью и ходит по самому дну, то удить ее можно только ночью и со дна; при этом замечено, что чем темнее ночь и хуже погода, тем налим берет лучше. В лунные светлые ночи он, как уже сказано выше, клюет плохо, также (по крайней мере местами) на молодой месяц; тем не менее огонь костра или фонаря несомненно привлекает налимов и улучшает их клев, так что свет необходим не только для удобств удильщика. Многие московские рыболовы помнят небывалый клев налимов (осенью, лет десять назад) у Каменного

моста, привлеченных большим пожаром на набережной; на Шексне и на р. Великой, близ Пскова, костер при ловле налимов считается необходимым условием успеха.

Весеннее ужение налимов начинается, примерно, через неделю после того, как пройдет лед и вода начнет убывать, когда река вошла в берега, клев постепенно ослабевает и, как только она достигла обычного уровня и сделалась чистой, – совершенно прекращается, что бывает у нас, под Москвой, в мае. В речках поэтому клев начинается и кончается ранее, чем в реках, и в Московской губернии налим начинает ловиться в Москве-реке на неделю позднее, чем в Уче, Пахре и др. ее притоках, также в Клязьме.

Ловля производится весной почти всегда с берега, плотов, реже с лодок – по той причине, что в это время налим держится у берега, под крутоярами, на глубоких местах. *Удочки* короткие (б. ч. можжевельные шестики, длиной сантиметров в 45), причем, если ловят с берега или плота, сразу ставится до 10 и даже 15 удочек, втыкаемых в землю или между бревнами. *Лески* – волосяные, в 6–8 б. ч. белых волос: при этом, так как ловят на глубоких местах и налим жметя к берегу, нет надобности, чтоб длина лески значительно превышала глубину воды. *Грузило* почти всегда требуется тяжелое, сообразно силе течения большой воды, большей частью это пуля 20-го, 14-го калибра. Большинство привязывают крючки непосредственно к леске, но гораздо практичнее употреблять отдельные поводки с петлей, которая продевается известным способом в большую петлю на конце лески, так что поводок может быть легко заменен другим, что очень важно, когда налим глубоко заглотал насадку. Псковские рыбаки-охотники употребляют с этой целью особое продолговатое грузило с 2 кольцами, к которым пристегивается поводок и леска, это приспособление еще удобнее, но продолговатое грузило вообще хуже круглого. *Поводок* делается или из волоса, немного тоньше лески, или из жилки, неправильно называемой буйловым волосом. Следует, однако, заметить, что там, где попадаются крупные налимы или удочек ставят так много, что не успевают их часто осматривать (многие ставят удочки на ночь и осматривают утром), налимы могут перетереть поводок своими мелкими, как щетка, зубами, а потому благоразумнее делать поводки из тонких басков. *Крючки* могут быть различной величины, от 1-го № (и крупнее) до 6-го, смотря по насадке и размерам рыбы в данной местности, но лучше, если они будут с длинным стержнем и со спиленной зазубриной, налим заглатывает глубоко и вынуть короткий крючок с зазубриной очень трудно, не замаяв рыбы, и каждый раз приходится или отрезать крючок и навязывать новый, или менять самый поводок. Вообще, по моему мнению, при клеве рыб, сильно заглатывающих насадку, – окуня, ерша, налима, щуки и др., нет никакого расчета ловить на крючки с бородкой, особенно зимой, когда все рыбы (кроме налима) не проявляют и половины своей обычной силы. Наконец, как и при всякой ночной ловле, с многими удочками, к шестикам привязываются звонки – бубенчики и колокольчики, которые бы давали знать в темноте о клеве рыбы. Чтобы не сбиться, звонки хорошо подбирать разных тонов и силы, а так как поклевка у налима весьма неэнергичная, то для большей чувствительности (если только не ветрено) прикреплять их не к кончику шестика, как обыкновенно, а к леске, на 4,5–9 см от верхушки, продевая ушко бубенчика в петлю, сделанную из лески, и пропустив в эту петлю бубенчик.

Обычная весенняя *насадка* для ловли налимов – выползок, т. е. большой земляной червь, или несколько красных червей; надевается первый с головы, немного отступя от нее, причем часть выползка должна быть на поводке. Весной, как известно, всякая рыба берет на червя лучше, чем в другое время года, так как масса червей попадает в реку с полой водой. Можно, конечно, ловить налима и на кусок рыбы, даже мяса, как и осенью, но эти насадки менее соблазнительны для него, чем живой червь, живцов же весной достать трудно. Впрочем, местами налим недурно берет весной на лягушку. Замечательно, что в Москве-реке он ловится почти исключительно на червя и на лягушку идет только в небольших реках. Это так же трудно объяснить, как и сравнительно плохой клев всякой рыбы в Москве-реке на

рака и раковую шейку. Правда, в среднем течении ее раков мало, но почему же в Царицынских прудах, где раков великое множество, никакая рыба на рака не берет? В Уче, близ Пушкина, я наблюдал весьма оригинальный по своей простоте способ весенней ловли налимов – именно на ерша, привязываемого бечевкой за хвост. Изредка налим попадает на обыкновенные жерлицы, но только в том случае, если насадка лежит на дне. Ловлей налимов на жерлицы никто, впрочем, специально не занимается, главным образом потому, что она сравнительно хлопотливее и неудобнее.

Несмотря на то что налим может считаться самой жадной и прожорливой рыбой, поклевка его очень слаба и незэнергична. Вероятно, это зависит от способа схватывания им добычи: налим не бросается стремглав на насадку, а как бы подкрадывается к ней и, разинув свою огромную пасть, подобно сому, втягивает насадку прямо в глотку; движения же рыбы, заглатывшей наживку, понятно, не могут быть очень сильными от боли; к тому же налим – рыба вялая и флегматичная и, как всякая ночная, ночью гораздо смирнее, чем днем. Поклевка налима выражается обыкновенно таким образом: сначала чувствуется в удильнике слабое сотрясение, затем два последовательные, ровные удара. Всего удобнее подсекать при первом же сотрясении, так как насадка не так глубоко заглатывается; но не всегда его заметишь, особенно на тихом течении. Вообще же чем сильнее течение, тем поклевка налима резче (как и у всякой рыбы), тем он берет жаднее и проворнее. При ловле на очень длинные лески, тем более если ловят на них (по необходимости) в местах с неправильным, водоворотным течением, очень любимым налимом, клев его почти совершенно незаметен; нередко даже не слышно и звонка. Это зависит от того, что налим имеет обыкновение, взяв насадку, идти с ней против течения, так что сплошь и рядом бывает, что натянутая течением леска вдруг опускается. В этом случае лучше поторопиться подсечкой, потому что если есть поблизости камни или коряги, то налим непременно туда забьется и его нескоро оттуда вызовешь перидическим усиленным потягиванием.

Берет налим весной после заката и до восхода; лучший клев бывает, когда совсем стемнеет, но около полуночи он на время ухудшается. Вытаскивать налима очень легко, так как он идет почти без сопротивления, но лучше подхватывать сачком, потому что налим очень скользок и его трудно удержать в руках. Москворецкие рыболовы, впрочем, не любят употреблять сачок ночью, так как в сетке запутывается крючок; притом они ловят очень часто с легких челнов-полотнянок, которые ставятся на камнях или кусках рельсов различной тяжести и на более или менее длинных веревках (сообразно силе течения), с низкими бортами, которые нетрудно наклонить к самой воде, так что даже крупная рыба легко может быть выброшена из воды в лодку. Обыкновенно они берут вытасченного налима левой рукой под жабры (иногда даже приподняв его на леске) или крепко прихватив за шиворот, а указательным пальцем правой руки достают крючок. Но если налим глубоко заглотал насадку и желательно сохранить его живым, лучше снимать поводок вместе с рыбой и надевать новый. В корзине налим, по-видимому, сидит очень смирно, но если крышка садка не привязана или неплотно закрывается, то он легко уходит из него: стоит ему только просунуть хвост в щель и найти точку опоры. При вытаскивании очень крупных налимов на севере России и в Сибири употребляют также багорчики.

В течение всего лета налимы почти вовсе не ловятся на удочки, разве случайно. Летом налима вообще можно добыть только руками, вытаскивая из нор, из-под корней прибрежных деревьев и кустов, а также из-под камней. Этот способ ловли, называемый щупаньем, или шуреньем, употребляется повсеместно, особенно на небольших крутоберегих реках, и имеет много любителей между крестьянами, особенно мальчишками. Заключается он в том, что ловец в жаркий день входит в воду, не глубже, чем по грудь, и осторожно, не производя шума, ощупывает руками все углубления берега, рачьи норы, корни, также камни; услышав осязанием стоящую над берегом или забившуюся в нору рыбу, он проворно выхватывает ее

из воды и выбрасывает на берег. Щупанье производится всегда в затененных местах, под нависшими деревьями, в крутобережье, также близ родников и ключей. Ловят этим способом чуть не всякую рыбу – плотву, язей, щук, карпа, но чаще всего наиболее чувствительных к жаре налимов, несмотря на их скользкость, требующую большой сноровки. Замечательно, что налимы совершенно индифферентно относятся к дотрагиванию и при некотором навыке нетрудно даже заставить их принять более удобное положение.

Осеннее ужение начинается, как только вода похолодеет и налим вылезает из крепких и глубоких мест на более открытые и мелкие, что бывает у нас примерно в двадцатых числах августа. В общем правила ловли удочкой в это время те же, что и весной; разница только в месте ловли и в большем разнообразии насадок. В конце лета и в начале осени налим берет еще урывками, в ненастье и холодную погоду, прекращая клев при поднятии барометра; только в октябре и ноябре налим идет почти равномерно, без перерывов. Ловят больше с лодок, чем с берега, на более длинные лески, чем весной, и с менее тяжелым грузилом. Снасти те же, насадкой служит также червь (выползок и красный червь), но больше для мелкого (1—2-летнего налима), чаще же пескарь или ерш, местами лягушонок. Самой лучшей приманкой для налима служит пескарь, затем голец и, наконец, ерш, причем нет особенной надобности, чтобы они были живы, а в таких местах, где налим мелок (от 200 г до 1,2 кг), даже полезнее разрезывать этих рыб на 2—3 части. В Пскове, например, разрезанный пескарь считается лучше целого. Цельная рыбка насаживается или за губу (обыкновенный способ насаживания живца на течении, так как при нем рыба живет дольше и принимает натуральное положение), или за хвост, в позвоночный столб, причем рыба хотя и умирает, но держится крепче, и налим не так глубоко заглатывает крючок. Живую рыбу, разумеется, насаживают на крючок с бородкой, так как она легко может сойти с него. Некоторые рыболовы обстригают у ершей спинной плавник, но это совсем напрасно, так как налимя пасть, по-видимому, совершенно нечувствительна к уколам. Вообще же главная осенняя насадка – пескарь, целый или разрезанный на части. В последнем случае москворецкие рыболовы почему-то бросают голову, а ловят или на туловище, или на хвостик, на который налим будто бы берет всего охотнее (вернее объяснить тем, что хвостик крепче держится на крючке). Насадка во всяком случае должна лежать на дне, и в этом обыкновении налима брать пищу только со дна надо искать объяснение тому, что он охотнее берет на куски плотвы, ельца и др. недонных рыб, чем на этих живых рыб. При хорошем клеве и за неимением других насадок иногда успешно ловят налимов на куски печенки и мяса, даже бывали случаи – на куски соленой селедки. На эту последнюю насадку не мешало бы обратить удильщикам поболее внимания, главным образом по той причине, что сородича налима – треску – норвежцы, за неимением наживки (мойвы), ловят непременно на соленую селедку. Да и вообще говоря, всякая рыба любит соль; селедку достать можно везде и всегда, и она очень долго сохраняет соленый вкус и на ровном течении может привлекать рыбу с дальнего расстояния.

Так как налим почти всегда заглатывает насадку, то очевидно, что ловля его менее, чем ловля какой-либо другой рыбы, требует подсечки, а стало быть, присутствия рыболова. Поэтому большинство любителей ловит на большое число удочек, особенно при ловле с берега.

Весьма охотно налим берет осенью на лягушек, но, к сожалению, их трудно доставать в это время года. Насадка эта в большом употреблении на Шексне, Мологе и других средне-русских реках. Тамошние рыбаки заблаговременно запасают «шадру», т. е. лягушат, добывая их с сентября в родниковых ямах или в нарочно выкапываемых канавках у берегов и сохраняя в подвалах. Лягушонка насаживают, прокалывая крючком обе губы снизу вверх.

Весьма удачно можно также ловить налимов на *мертвую рыбку* финляндским способом, употребляемым, впрочем, больше на озерах и притом для щук. Эта своего рода жерлица, но еще более простого устройства, состоит из сухой палки (различной величины, смотря

по течению), играющей роль поплавка, камня весом около 1–2 кг, крепкой бечевки, от 10,5 до 21 м длиной, и простого или двойного крючка на медном, реже басковом, поводке сантиметров в 27 длиной. Предпочитают употреблять для этой ловли медные, а не стальные крючки, притом без зазубрин, на том основании, что рыба на первые берет гораздо охотнее; этого мнения придерживаются и некоторые наши рыболовы; напр., мне известно, что в Вологде и на Кубани многие удят на медные крючки; но вернее предположить, что это предпочтение меди обусловлено тем, что стальные, тем более железные, крючки скоро ржавеют. Заготовив надлежащее количество палок, камней и концов бечевки, рыболов (чаще вдвоем) расставляет свои нехитрые снасти с вечера на лодке, на более тихих местах реки (и озера), на известном расстоянии друг от друга, следующим образом: на один конец бечевки привязывается камень, измеряется глубина и соответственно ей привязывается палка-наплав; затем спускаются вниз по течению и закидывают насадку. Рыбка (ерш, пескарь) насаживается таким способом: медный поводок пропускают через рот в кишечный канал и, вынув из заднего прохода, петлю на поводке продевают в большую петлю на конце бечевки, через которую пропускают рыбку. Таким образом жало крючка (или крючков) прилегает к бокам головы и мало заметно; для того же, чтобы насадка не приподнималась течением, на бечевку надевают более или менее тяжелую, просверленную пулю.

Зимнее ужение налима начинается большей частью, когда лед настолько окрепнет, что по нем можно безопасно ездить на лошадях. Так как налим составляет в средней и северной России самую дорогую зимнюю добычу удильщиков, то считаю уместным сказать здесь довольно подробно о зимнем ужении вообще и его принадлежностях, что вместе с описанием зимней ловли окуня и ерша даст читателю ясную картину зимней охоты, известной очень немногим рыболовам-охотникам, из боязни холода, совершенно, впрочем, неосновательной, так как зимой рыба хорошо ловится только в тихую погоду и при морозе не свыше 10–12°.

Главную принадлежность *зимней ловли* составляет, кроме удочек и насадок, пешня, необходимая для прорубания льда, делания в нем круглых отверстий, т. е. лунок. Пешня – это четырехгранный, внизу заостренный кусок железа, до аршина (71 см) длиной, имеющий сверху помещение для деревянной рукоятки. Чтобы острие не гнулось, железо или закаливается, или на конец наваривается сталь; некоторые охотники закаливают даже стальные пешни и имеют их двух или трех размеров, от 1,2 кг – для тонкого льда, до 5 кг – для толстого. Рукоятка пешни должна быть непременно точеная, с головкой, достаточно толстая, чтобы удобно было держать ее в руке, и длинная (около 70 см); для того же, чтобы не утопить пешню, в головке рукоятки делается отверстие, в которое продевается ременная или бечевочная петля, надеваемая на руку во время прорубания льда. Последний выгребается из лунки железным совком или деревянной лопаткой (той же, которая употребляется для подсечки; см. ерш), или же сачком особого устройства: он состоит из железного или медного обруча, в 19–22 см диаметром, прикрепленного к короткой деревянной рукоятке; сетка его, довольно частая, делается или из бечевки, или проволоки и не должна быть глубже 18 см. Присяжные «зимняки» берут с собой еще следующие предметы: фонарь для ночной ловли, действительно необходимый, жаровню или ведро с углями для согревания рук в большие морозы, дубовое ведро для живцов и, наконец, 1,4-метр. кольца и рогожи для шалаша. Конечно, все это возится на место ловли в салазках. При ловле на червей и мотыля эту насадку москворецкие рыболовы держат в деревянных ящиках в форме искривленной табакерки (бобом), около 12,5 см длиной, крышка которой не открывается сверху, а откидывается сама собой в бок, параллельно дну червяшницы, так как движется на шпильке, у одного из боков. Такой ящик, чтобы насадка не замерзала, хранится всегда за пазухой. Само собой разумеется, что костюм рыболова должен быть тепел и удобен: всего лучше меховой кафтан и ватные брюки,

валеные сапоги при этом необходимы, но на случай оттепелей к ним полезно приделывать кожаные подошвы и обшивать с боков кожей.

Прорубать лунки следует там, где ожидают найти рыбу, вообще на более глубоких местах, хотя недалеко от берега; на самой быри (быстрине) рыба зимой не стоит, так как не может бороться с силой течения. Самое лучшее место для лунок – это над колодцами, т. е. подземными родниками; такие места необходимо заблаговременно замечать, что не особенно трудно, так как они замерзают позднее, некоторое время образуя полыньи. Налим, впрочем, в начале зимы, по молодому льду, уже держится на песках, на незначительной глубине, где и следует искать его и делать проруби; после же нереста, в феврале и марте, уходит на глубину и обыкновенно держится под крутоярами или на глубоких ямах. Число лунок зависит как от количества снастей, так и знания места. Рубить лунки следует так, чтобы они имели вид усеченного конуса, основание которого (от 17 до 15 см диаметром) находится на поверхности льда; нижние края лунки аккуратно оббиваются, чтобы не были остры и не резали лесок. Крупные осколки льда выбрасываются совком или лопаточкой, когда же лунка наполнилась водой, то мелкий лед выкидывается сачком. Хотя рыба не особенно чутка зимой, особенно на глубине, но все-таки часто отходит от шума, производимого прорубанием лунок, и берет б. ч. немного спустя после ее окончания, так что благоразумнее делать лунки заблаговременно. Обыкновенно ловят из 3–5 лунок, находящихся на небольшом расстоянии одна от другой, но иногда число их достигает 15–20, особенно при ловле налимов. Завзятые рыболовы делают тут шалаш или, вернее, загородку от ветра, вставляя в отверстия, сделанные пешней, колья, концы которых предварительно мочат в воде, и привязывая к последним рогожу. Пойманную рыбу хранят или в ведре, или, если лед достаточно толст, в т. н. корытцах. Это простое углубление во льду, обыкновенно в форме корыта, 70 см длины и 35 см ширины, реже обыкновенной круглой формы. В середине этого корытца делается сквозное отверстие, в которое выступает вода.

Зимнее ужение налима начинается в средней России обыкновенно в начале декабря и продолжается весь январь; в феврале клев его прекращается, возобновляется с теплой погодой в конце этого месяца и оканчивается с ледоходом. Рыболовы-любители удят налимов почти так же, как и ершей, – на кобылки и волосяные лески, разница только в том, что вся снасть грубее, насадка другая и ловля производится на песчаных или на хрящеватых неглубоких местах. Так как крупный налим легко может утащить под лед кобылку, то последняя делается покрупнее и, кроме того, или имеет в обеих своих пятках железные шпеньки для втыкания, или же пятки эти мочат в воде и примораживают ко льду. Леска в 6–12 волос, смотря по средним размерам водящихся в данной местности налимов, хотя последнее, как известно, оказывают сравнительно слабое сопротивление при вытаскивании, но зимой они, в противоположность другим рыбам, вовсе не теряют своей силы. Ловят в отвес или с небольшим уклоном, чтобы не перерезать лески об лед. Крючки употребляются преимущественно с длинными стержнями от № 5 до 0 и крупнее, смотря по насадке и величине рыб, причем лучше, если борода их спилена. Некоторые рыболовы даже ловят налимов на крючки, согнутые из булавок или шпилек. Я полагаю, что налима, как и всякую другую заглатывающую рыбу, можно ловить, продевая насадку швейной иглой, крепко привязанной к леске посередине. Груз прикрепляется к леске не более как на четверть (18 см) от крючка и должен лежать на дне неподвижно, не приподниматься течением и не катиться по дну; так как среди зимы приходится ловить налимов на довольно быстротекущих местах, то употребляется сравнительно очень тяжелое и притом плоское грузило, спокойно лежащее на дне.

Самой лучшей насадкой для налимов, за исключением мелких, служит или живая мелкая рыба, или кусочки рыбы. В качестве зимнего живца всего чаще, иногда исключительно, употребляется мелкий ерш, так как пескаря достать зимой труднее, а другие рыбы обыкновенно не могут держаться на самом дне или скоро засыпают. Говорят, что налим особенно

охотно берет на живого ерша, с которого соскоблена чешуя; почему последний выказывает в холодной воде не свойственную его породе живость, бегая по дну, как угорелый. Но вряд ли кто решится испробовать этот способ, изобретенный одним подмосковным попом. Ловят также налимов на червей и лягушек, но очень редко, так как то и другое надо запасти с осени, да и ершей можно достать сколько угодно; притом налим почти так же охотно берет на кусочки рыбы, свежей и соленой, даже на внутренности животных – печень, легкие, куриные потроха, наконец, на кусочки мяса и сала. При ужении на живую рыбку или лягушку двойчатки, конечно, не употребляются, так как поводки очень путаются. Насаживают живца или за губу, или около хвоста, не задевая, однако, спинного хребта.

Блеснение налима почему-то малоупотребительно, хотя при удачном выборе места, во время хода, бывает весьма добычливо и занимательно. Нужно только иметь в виду, что налим не отличается проворством и редко хватает насадку, которая находится выше 4,5 см от дна, т. е. заставляет его отрываться от дна. Поэтому блесна должна быть легка, падать очень тихо, с боковыми колебаниями, и подымать ее надо короткими толчками, не выше 12–17 см. Самые лучшие блесны для ловли налимов – плоские металлические, с припаянным крючком без зазубрины, лучше из желтой меди, так как вообще в прозрачной воде желтая блесна виднее, чем белая, которая, напротив, гораздо пригоднее для ловли в несколько мутноватой воде. Вероятно, налима можно с большим успехом ловить на звенящие блесны, вроде употребляемых для ловли сига; это две широкие блесны на одном поводке, которые при опускании расходятся, а при поднимании сближаются и, ударяя друг о друга, звенят. Во время хода налимов их также багрят или особыми багорчиками, или крупными крючками, привязанными к 1,4-метр. рукоятке, – как судаков, причем также высматривают идущую рыбу, лежа над прорубью, закрывши голову, или ловят на двойчатку (или две из двух смежных прорубей) с привязанными к ней якорьками, делая ею более или менее частые подсечки – уже наобум. Впрочем, последним способом налимы ловятся реже других рыб, не ползающих по дну, и большей частью во время нереста.

Местами с большим успехом применяются тогда видоизмененные способы ловли налимов на голые крючки или, вернее, на якоря. Первый, основанный как на потребности большинства рыб тереться во время нереста о твердые предметы, так на необъяснимой любви налима к звукам, употребляется в Псковской губернии. На месте нереста в прорубь спускают вертикально пятилапый якорек, вышиной в 18 см, так, чтобы он стоял на дне торчком. Якорек оканчивается, как и все якоря, ушком с кольцом, за которое и привязывается бечевка. От времени до времени ловец слегка подергивает последнюю, причем кольцо, опускаясь, издает звон. Этот звон и привлекает ползающих по дну налимов, и чем кольцо звонче, тем ловля бывает удачнее, т. е. налимы охотнее переползают через якорь, что слышно по руке, держащей бечевку. Налимы, по мнению молодых рыбаков, трутся всегда на белой гальке и потому, принимая липовую дощечку за камень, охотно трутся и переползают через нее, что слышно по руке. Рыбак поэтому, при известном навыке и сноровке, подсекает всегда вовремя и нередко вытаскивает сразу пару налимов, иногда свившихся хвостами, как сказано выше. Вообще ловля налимов голыми якорьками во время нереста имеет довольно обширное распространение и употребляется как в Новгородской губернии, так и в Западной Сибири. В первой местности якорьки имеют не более 4,5 см вышины. Для лучшего успеха на месте хода нередко делается завязок, или закол, т. е. плетень, или забой, из палочек ивняка, часто воткнутых в дно, и лучше, конечно, если морда, или норот, имеет не круглую, а четырехугольную форму, так как такие плотнее прилегают ко дну.

Несмотря на свою ценность, налим не имеет промыслового значения, нигде не добывается в значительном количестве. Дело в том, что налим, во-первых, нигде не водится в очень большом количестве, во-вторых, ценится, как и стерлядь, только живой или по меньшей мере свежий. Мороженный налим скоро обветривает, вянет, сморщивается и становится

дряблым, невкусным и тяжелым для желудка. Вообще налим не может считаться очень удобоваримой пищей и всего пригоднее для ухи, которая очень ценится ради молок (макса в Сибири) и печени (ксень); в северной России и в Сибири крестьяне предпочитают делать пироги с налимами или с налимьей максой и печенкой. Последняя, как известно, несоразмерно велика и у крупных налимов достигает веса около килограмма; из нее также вытапливается превосходный жир.

Что касается *искусственного разведения* налимов, то в этом отношении сделано еще очень мало опытов. Искусственное оплодотворение выдавливаемых из рыбы икринок не особенно удобно потому, что икринки необыкновенно крепко (и скоро) прилипают. У нас, в России, впрочем, налимы успешно оплодотворялись Малышевым в Тагиле еще в 1855 году, а также на Никольском рыбоводном заводе. Тем, кто желает, чтобы налимов у него в реке (или проточном пруде) было больше, можно посоветовать ставить старые, худые верши в местах (непременно каменистых) нереста.

Угорь *Anguilla anguilla* S

Эта замечательная рыба с первого взгляда имеет сходство со змеей, а потому у нас во многих местностях даже не считается рыбой и не употребляется в пищу. Длинное тело угря почти совершенно цилиндрическое, только хвост слегка сжат с боков, особенно ближе к концу. Голова у него небольшая, спереди немного приплюснутая, с более или менее длинным и широким носом, вследствие чего иные зоологи различают несколько видов угрей; обе челюсти, из которых нижняя немного длиннее верхней, усажены (также и соховидная кость) мелкими, острыми зубами; желтовато-серебристые глаза весьма малы, жаберные отверстия очень узки и отодвинуты на довольно значительное расстояние от затылка, вследствие чего жаберные крышки не сполна закрывают жаберную полость. Спинной и заднепроходный плавники очень длинны и вместе с хвостовым сливаются в один неразрывный плавник, окаймляющий кругом всю заднюю половину тела. Мягкие лучи плавников вообще обтянуты довольно толстой кожей и вследствие того с трудом отличимы. На первый взгляд угорь кажется голым, но если снять густой слой слизи, его покрывающий, то окажется, что тело его усажено маленькими, нежными, очень продолговатыми чешуйками, которые, однако, большей частью не соприкасаются и вообще расположены весьма неправильно. Цвет угря значительно изменяется и бывает то темно-зеленый, то синевато-черный; брюхо, однако, всегда является желтовато-белым или голубовато-серым.

Настоящее местопребывание угря – реки Балтийского, Средиземного и Немецкого морей. У нас эта рыба встречается в большом количестве только в юго-западной Финляндии, в Петербургской, остзейских, некоторых северо-западных губ. (даже, по моим сведениям, в Смоленской губ., именно в р. Белой, притоке Западной Двины) и в Польше. Кроме рек, угорь живет во многих больших озерах – Ладожском, Онежском и Чудском, из которого заходит и в мелководное Псковское озеро. В Ильмене его, однако, нет. Из вод Балтийского бассейна угорь, вероятно в этом столетии, проник через каналы в реки Черного и Каспийского морей, но попадает здесь еще весьма редко. Только одиночные экземпляры изредка добираются до Волги, как это доводилось слышать проф. Кесслеру от рыбаков в Вышнем Волочке, Рыбинске, Ярославле и Юрьевце, но в ней не размножаются; вероятно, их здесь часто смешивают с речными миногами. По свидетельству О. А. Гримма, угри доходят иногда до Саратова, но во всяком случае они составляют в Волге весьма редкое явление и вряд ли доходят до Каспийского моря. Только в некоторых реках, впадающих в верхнюю Волгу, угри попадают довольно часто, именно в Тверце, куда попали, вероятно, из оз. Мстино, но в последнее время они исчезли и из этой реки.

Точно так же только отдельные, так сказать, заблудившиеся особи изредка замечаются в Днепре, Днестре и Дунае, но, по-видимому, с давних времен, так как еще Гюльденштедт (в прошлом столетии) говорит, что угорь находится в р. Остре (в левом притоке Десны), под Нежином. Вероятно, в бассейн Днепра он попал из Немана через Пинские болота, да и вообще верховья Черноморского и Балтийского бассейнов находятся между собою в близком расстоянии и, кроме того, соединены каналами. Киевские рыбаки иногда находят угрей в желудке больших сомов и полагают, что они должны водиться в недалеком расстоянии от Киева – в Днепре или Припяти; могилевские рыбаки также утверждали проф. Кесслеру, что угорь попадает изредка в Днестре. Наконец, в семидесятых годах К. К. Пенго был доставлен угорь, пойманный уже в Азовском море близ Петровской станицы. Что касается нахождения угрей в Дунае, то весной 1890 года общество любителей рыболовства в Галаце выписало из Альтоны в Шлезвиге более полумиллиона молодых угренят, которые и были

пущены в Дунай, на румынском берегу. По всей вероятности, угри здесь вполне акклиматизируются и будут размножаться (в море).

Рис. 35. Угорь

Внизу – три различные формы головы, поперечный разрез рыбы и ее чешуйка (сильно увеличенная)

«Речной угорь, – говорит проф. Кесслер, – не есть рыба вполне пресноводная, а скорее рыба проходная, так как он не проводит всю жизнь в пресных водах, а периодически уходит из них в море. Вместе с тем, однако, существует важное различие между угрем и другими проходными рыбами. Дело в том, что все другие проходные рыбы, сколько нам известно, вырастают в море и поднимаются оттуда вверх по рекам для метания икры, угорь же, напротив того, в молодом возрасте держится в пресной воде и потом уже для нереста спускается вниз по рекам в море. При странствованиях угря по рекам ни пороги, ни водопады не могут его остановить; так, например, высокий Нарвский водопад, который служит непреодолимой преградой для лосося, вовсе не составляет подобной преграды для угря. Неизвестно, впрочем, с точностью, каким способом угорь перебирается через встречные ему крутые водопады, подобные Нарвскому, тем более, что высоких прыжков он делать не может. По всей вероятности, он их обходит, переползая через влажные прибрежные скалы; верно по крайней мере то, что он умеет очень ловко пресмыкаться по влажной земле и может жить вне воды до полусуток и более. Причина живучести угря вне воды заключается в том, что жаберные листочки, вследствие удлиненной формы жаберной полости и узости жаберных отверстий, очень долго остаются влажными, способными для поддержания процесса дыхания».

Угорь придерживается предпочтительно вод с глинистым или тинистым грунтом и, напротив того, по возможности избегает рек и озер, у которых дно песчанистое или каменистое. В особенности он любит летом вращаться между осокой и камышом. Так, например, очень значительная ловля угрей производится вдоль южного берега Кронштадтского залива, в тех камышах, которые унижают берег около Сергиевского монастыря и за Ораниенбаумом. Здесь рыбаки различают две разности его – ходового угря и травника (оседлого). Рыбаки прокладывают в камышах прогалины или дорожки, на которых и расставляют сети на угрей. Надобно, впрочем, заметить, что угорь бывает в движении только по ночам, днем же остается в покое – «лежит себе в тине, свернувшись, как веревка», по выражению наших рыбаков. Точно так же и зимой, по крайней мере в нашей северной стороне, угорь остается неподвижным и зарывается в тину, по показаниям Экштрема, до глубины 45 см.

Угорь есть рыба плотоядная, питается как другими рыбами и икрой их, так и разными мелкими животными, живущими в тине, рачками, червяками, личинками, улитками (*Lymnaeus*). Из рыб чаще всего достаются ему в добычу такие, которые, подобно ему, вращаются более по дну водоема, как, например, подкаменщики и миноги, но, впрочем, он схватывает и всяких других рыб, которых может поймать, и потому нередко попадает на крючки переметов, наживленные рыбаками. Мне случилось однажды в желудке большого угря найти остатки маленького голавля вместе с крючком, на который, вероятно, рыбка была насажена, когда угорь ее схватил и проглотил. Весной и в начале лета, когда почти все карповые рыбы мечут икру, угорь предпочтительно кормится этой икрой и истребляет огромное количество. К концу лета и осенью в Кронштадтском заливе главную пищу его составляют рачки, идотеи острохвостые (*Idothea entomon*), которые слынут у рыбаков под названием морских тараканов. Очень замечательное свойство угря заключается в том, что он, будучи

пойман и посажен в тесный садок, изрыгает из желудка значительную часть пищи, которая не успела еще перевариться, особенно если желудок туго ею набит. Так, например, он изрыгает иногда через рот цельных улиток, рачков, миножек. Пойманного угря нет почти никакой возможности удержать в руках, так как он скользок, силен и изворотлив. Если положить его на землю, то он передвигается по ней довольно проворно, вперед или назад, смотря по надобности, причем изгибает тело совершенно змееобразно. Довольно трудно бывает угря убить: самые страшные раны часто не оказываются для него смертельными. Только если переломить ему позвоночный столб, то он сравнительно довольно скоро умирает. Кроме того, сокращаемость мускулов очень долго сохраняется даже в отрезанных кусках угря. Мне случалось наблюдать правильные движения нижней челюсти, попеременное открывание и закрывание пасти в отрезанной голове угря более четверти часа. Приказчик одного рыбного садка в С.-Петербурге меня уверял, что самый верный способ для быстрого умерщвления угря состоит в том, чтобы погрузить его в соленую воду, но опыт не оправдал этого уверения; угорь, положенный мной в крепкий соляной раствор, оставался в нем живым более двух часов.

Рис. 36. Зародыш угря (увелич.)

Некоторые интересные сведения об угре из русских авторов даются Терлецким, наблюдавшим его в бассейне Западной Двины. По его словам, угорь живет здесь во многих озерах, из которых по речкам, ручьям, *даже по суше* переходит в большие реки и скатывается для икрения в море. Ход его начинается с мая месяца и продолжается все лето. В течение этого времени он постоянного жилища не имеет, а перекочевывает с места на место. Холостые угри, т. е. те, которые не размножаются в этом году, не покидают озер, в которых живут, а в реках хотя и путешествуют, но только на известном расстоянии. В обыкновенный уровень воды угорь придерживается мест глубоких, тихих, с дном илистым, травянистым или песчаным. При высоком подъеме вод часто встречается в береговых омутах, в которых ползает и роется даже днем. Пищу разыскивает большей частью ночью на дне, а на день закапывается в ил, заползает под корни береговых деревьев, под камни и пр. Всего интереснее опыты Терлецкого, доказывающие, что угри могут переползать из одного водоема в другой, по суше, на довольно большое расстояние. Он держал угрей в особом бассейне, на ручье, и отсюда относил их на довольно значительное расстояние, даже на полверсты (0,5 км), и давал им свободу. «Опыты производились на заре, вечером и ночью, на влажной почве. Угри тотчас же, изгибаясь кольцеобразно, как змеи, совершенно свободно и довольно скоро ползали, сначала по разным направлениям, но затем скоро поворачивали к реке и направлялись к ней в более или менее прямом направлении. Дорогу свою они изменяли только при встрече с песком или оголенной землей, которых старательно избегали. Попадая на площадь, покату к реке, они усиливались ускорить ход и, видимо, торопились скорее добраться до родной стихии. Два, три и даже более часов угорь свободно может пребыть вне воды теплым днем. Может шататься по суше с вечера и до восхода солнца, особенно если ночь росистая».

Размножение угрей до последнего времени оставалось весьма темным, да и до сих пор оно еще не вполне исследовано, что зависит, конечно, от того, что угорь уходит для этой цели в море.

При обыкновенных условиях угорь растет довольно медленно, не раньше как на пятом или шестом году жизни достигает длины 106–107 см, но, впрочем, продолжает расти очень долго, так что иногда встречаются особи, которые имеют в длину до 183 см и бывают толще руки человека. По наблюдениям Кесслера, угорь, имеющий в длину приблизительно 49 см, весит около 800 г, а угорь длиной в 98 см весит 1,5 кг; кроме того, имеются показания, что

угорь ростом в 122 см весит от 3,2 до 4 кг, а потому надобно полагать, что самые большие угри должны весить не менее 8 кг.

Об ужении угрей в России, т. е. в водах, принадлежащих к Балтийскому бассейну, не имеется почти никаких сведений. Известно только, что угрей ловят на удочку как в Неве, так и во многих местностях остзейских, привислянских губ. и в северо-западном крае. Мы знаем только, со слов Терлецкого, что клев угря в Западной Двине начинается с июня, когда угорь хорошо берет на донные удочки, и что клев, сначала тихий и малозаметный, переходит в сильное качанье удилица.

В Западной Европе ужение этой рыбы весьма распространено и производится довольно разнообразными способами, из которых некоторые, без сомнения, могут быть применены и западнорусскими рыболовами. По этой причине, а также по недостатку сведений об ужении угрей в России я нахожу необходимым дать краткие описания почти всех способов ловли угрей на удочки в Германии и Франции.

Ловля угрей на удочки начинается в Западной Европе с весны и продолжается большей частью до начала октября, так как в ноябре здесь угри или уходят в море (взрослые), или же закапываются в ил, часто целыми клубками, и остаются в спячке до наступления теплой погоды (у нас, вероятно, до слития полой воды). Так как угорь рыба ночная и днем скрывается в норах, хворосте, камнях и подобных убежищах, то среди дня ловят его редко или особыми способами, в норах, или же только после теплой ночной грозы и в очень жаркие дни перед грозой, когда он выходит из нор ближе к поверхности воды и держится под тенью водяных растений. Впрочем, весной, после долгого зимнего поста, угорь хорошо берет даже около полудня.

Как и все ночные рыбы, угорь имеет очень развитое обоняние, и его нетрудно привадить, бросая туда, где намереваются ловить, куски кишок, вываленных в песке, куски падали с камнем или опуская в воду пузырь с грузом, наполненный кровью, и с небольшим отверстием, из которого бы кровь просачивалась. Многие немецкие авторы советуют делать пахучей самую насадку. Одни довольствуются тем, что предварительно опускают ее в прованское или розмариновое масло, другие советуют для сдабривания насадки класть ее (на ночь) в смесь (из равных частей по весу) богородской травы, меда и соевых вытопков (шкварок); эту смесь распускают на углях и потом разбавляют мучной (пшеничной) болтушкой, почти до густоты сала. В некоторых случаях, когда угри плавают поверху, прикармливают их горохом (зеленым) или вареным конопляным семенем, растертым с зеленым горохом.

Ловят угря на весьма разнообразные насадки, и его скорее можно назвать всеядной рыбой, хотя собственно хлебная насадка, кажется, нигде не употребляется. Большой частью удят его весной и летом на выползка и красного червя, а осенью – на мелкую рыбу – живых, а за неимением таковых, мертвых – пескарей, гольцов, миног, небольших вьюнов, гольянов, мелких корюшек, также на куски рыб, всего лучше миног. Кроме того, во многих местах Германии и Франции насаживают крючки зеленым, а за неимением его пареным горохом, фасолью, швейцарским сыром (см. «Усач»), осенью же небольшими лягушками (крючок втыкают в задний проход и протыкают ляжку, так, чтобы лягушка могла плавать) или на ободранные лягушечьи ляжки: также на куски говядины, даже солонины, и на печень, нарезанную червяками. Немцы, имея в виду сильно развитое чутье угря, советуют надевать насадку чистыми руками, но я полагаю, что это и излишне, и неудобно.

Угорь имеет небольшую пасть и всегда заглатывает насадку, а потому крючки не должны быть крупнее № 5, а еще лучше употреблять №№ 7–8, но с толстым стержнем. Рекомендуют, ради удобства вынимания, прямые крючки (без сгиба в сторону) с сильно отведенным наружу жалом. Живцы тоже всегда насаживаются на одиночные крючки, которые пропускаются в рот и ноздрю. Так как угорь имеет хотя и очень маленькие, но острые зубы, которыми может перетереть шелковую или волосяную леску, то вообще благоразумнее при-

вязывать крючки к басковым или проволочным поводкам, а при ночной ловле на несколько удочек и на переметы – это даже необходимо. Кажется, басок и проволока могут быть заменены сильно раскрученными пеньковыми поводками. Лески должны быть очень крепки и прочны – шелковые или пеньковые, удилища тоже, и катушка при них никогда не употребляется. Утомить угря невозможно и вываживать его не следует, если не желают рисковать потерей рыбы и снасти. Угорь, почувствовав себя пойманным, старается всегда укрыться в нору, хворост, под коряги или же обвивается вокруг подводных предметов. В таких случаях нередко не помогает и самая надежная снасть и часто приходится отрывать ее, по возможности у поводка, или же ждать, что рыба, быть может, высвободит леску.

Клев угря очень верен; эта рыба очень жадна и редко выпускает насадку, что, впрочем, объясняется тем, что угорь часто так завязит в ней зубы, что не может сразу ее выплюнуть. Вообще медлить подсечкой не следует, особенно при ловле на небольшие насадки – куски рыбы, горох и т. п., и вытаскивают угря сейчас же после подсечки, без всяких церемоний, стараясь только оттащить его подальше от воды. Сачок при вытаскивании употребляется очень редко, так как, во-первых, угорь часто проскакивает в петли, раздвигая или обрывая их, а во-вторых, потому что, извиваясь, он тут навертывает на себя леску. По той же причине, вытащив угря на берег, прежде всего наступают ногой на леску у крючка (иначе угорь ее спутает) или же держат ее натянутой, так, чтобы голова рыбы была все время приподнята. Затем перерезают ему спинной хребет у головы или у хвоста или же, натерев руки песком или землей, берут рыбу за голову и ударяют хвостом о какой-либо твердый предмет (даже каблук). Хвост – самое чувствительное место угря, так как здесь, непосредственно под кожей, находится два так называемых лимфатических приемника, сокращение которых легко можно различить. Можно также брать угря шелковым или шерстяным платком, а А. Карр даже говорит, что его можно удерживать, взяв таким образом, чтобы средний палец приходился сверху, а указательный и безымянный внизу. Но само собой разумеется, удерживать в руках можно только небольшого угря. Ruhlich советует с рыбами свыше 3 кг (больше 2,8 кг) обращаться поосторожнее, так как крупный угорь, обвившись около руки, может ее переломить.

Снимать с крючка еще живых угрей трудно, да в этом нет необходимости, ибо, будучи посажены в корзину, а тем более сетяную сажалку, они зачастую уходят. Лучше всего класть их в корзины с плотной крышкой, дно которых выстлано довольно толстым слоем сырого моха. В таких же корзинах угрей перевозят на значительные расстояния. По Морисо', угорь в сыром и свежем месте (напр., на погребнице) может прожить без воды 6–9 дней.

Крючок обыкновенно заглатывается довольно глубоко, и его большей частью приходится вытаскивать при помощи металлической спицы, оканчивающейся развилками (см. щука).

Собственно к ужению принадлежат – ужение с поплавком, ужение на донную удочку без поплавка, в отвес или «в закидку», затем ужение «на иголку» и ужение без крючка. С поплавком ловят обыкновенно на большого червя, насаживаемого фестоном, или на несколько навозных, но жало крючка должно быть хорошо скрыто, ибо сытый угорь очень осторожен. Поплавок нужен легкий, и грузило, тоже небольшое, должно лежать на дне вместе с насадкой. Угорь забирает в рот насадку медленно; поплавок сначала иногда ложится, но подсекать следует лишь спустя 2–3 секунды после того, как он скроется под водой. Подсекают очень резко и сильно и, как сказано, сейчас же вытаскивают рыбу, на всякий случай подальше от берега. Изредка, именно когда угри плавают поверху, большей частью после ненастья или грозы, в мутную воду их ловят на наплавную удочку, причем насадка (преимущественно зеленый горох) должна быть неглубоко от поверхности. При ужении на весу в местах, имеющих более или менее сильное течение, тяжесть грузила должна соответствовать последнему, удилища употребляются как длинные, так и, при ужении с лодки (на глу-

боких местах), короткие. При ловле в закидку, на длинные лески, удят только на короткие удильники, причем нет необходимости держать их в руках и можно ловить на несколько. Грузилу, особенно на быстрых местах, здесь предпочтительнее круглая пуля, просверленная насквозь и свободно скользящая по леске, до поводка, где она задерживается прищипнутой дробинкой. Такое передвижное грузило дает возможность чувствовать в руке самую слабую поклевку. Кончик удилица при ужении без поплавка должен быть поэтому довольно гибок и чувствителен. На донную ловят большей частью в глубоких местах, напр. в гаванях, доках, в устьях рек.

Ужение «на иголку» и на пучок червей без крючка употребляется преимущественно днем, когда угорь сидит в норах. Норы эти похожи на норы, делаемые водяными крысами, и часто бывают заметны с берега. Присутствие же в них угрей узнается по небольшому облачку мути, производимой дыханием и движениями спрятавшейся рыбы. Можно, конечно, хотя и не так успешно, ловить этими двумя оригинальными способами, особенно первым, и там, где угри имеют привычку прятаться в хворост или камни. Ловля «на иголку», ведущая свое происхождение из Шотландии, заключается в общих чертах в том, что в конец длинной палки или удилица слабо втыкается иголка, на которую надет червяк; иголка эта посредине привязана к крепкой леске, которую держат в правой руке, в то время как левой осторожно опускают палку в воду, у отверстия норы, так, чтобы червяк на конце удильника коснулся краев последней. Если в ней сидит угорь, то он не преминет схватить червя, сорвет его с палки и проглотит. При подсечке же проглоченная иголка, привязанная к середине, становится поперек глотки или желудка, рыба не может освободиться от этой перекладки, и ее вытаскивают из норы на берег.

Рис. 37. Ловля угря на иголку

По всей вероятности, этот способ ловли, в более или менее измененном виде, можно применить и к ужению других жадных рыб, особенно налимов, а потому считаю необходимым более подробное его описание. Удильник тут, разумеется, ни при чем, и от него требуется только длина и легкость, иногда к простой палке привязывается 10,7–1,4 м проволоки, на согнутый кончик ее подцепляют червяка (надетого на иголку) за хвост или голову или же, также вместо того, чтобы втыкать иголку в конец палки-удилища, червяка ущемляют в развилке, которой оканчивается эта палка. Игла должна быть довольно толста (лучше всего – употребляемая портными для петель) и не длиннее 5 см, почему толстая часть ее с ушком отпиливается и заостряется. Леска крепкая, но тонкая пеньковая (поводок из баска неудобен) или шелковая; конец ее и закрепляется на иглке при помощи тонкой шелковинки, натертой варом, подобно завязке на крючках, но только в обратном направлении, так как требуется, чтобы леска прикреплялась к середине иглы. Червяк лучше обыкновенный земляной (небольшой) или крупный навозный; иголку сначала продевают всю в переднюю его часть, потом толстый конец ее пропускают в хвостовую, как это представлено на рисунке. Само собой разумеется, что подсечкой торопиться не следует и что тащить угря из норы следует осторожно, не ослабляя лески. Иногда для удобства леску наматывают на ручную катушку; в таком случае полезно давать рыбе предварительно смотать (или сматывают сами) несколько вершков (один вершок – около 4,5 см) шнура.

Менее добычливо и удачно бывает ужение на червей, нанизанных на шерстяной шнурок, основанное на том, что угорь, завязав свои мелкие зубы в этом шнурке, не может сразу их высвободить. На короткий шерстяной шнур, при помощи иглы, нанизываются несколько больших земляных червей; концы шнура соединяются, черви располагаются кучей или

фестонами, и в середине этой кучи прикрепляется леска с тяжелым грузилом. Удилище должно быть длинное, крепкое, и так как ловить приходится на разной глубине (часто значительной), то для укорачивания и удлинения лески полезно употреблять катушку (см. рисунок ее, форель). Ловят без поплавок, в отвес, немного приподнимая и опуская насадку и оставляя ее несколько минут в покое, – там, где много нор. Угорь, прельщенный обилием предлагаемой ему пищи, схватывает насадку; в тот же момент быстрым движением вытаскивают его из воды, не давая времени разжать зубы.

Кроме этого способа, в Германии часто ловят угрей на мертвую рыбку с большим поплавком из связки камыша и камнем, для того, чтоб угорь не мог утащить снасть. Рыбка насаживается следующим образом: поводок с крючком отрезывается и при помощи иглы пропускается через рот в задний проход так, чтобы крючок торчал из рта. Для того чтобы рыба лежала на дне не боком, а подобно живой, грузило должно находиться в ее брюхе. Шнурок привязывается к одному концу поплавка, а к другому привязывается такая же бечевка с довольно тяжелым камнем. При постановке длина как того, так и другого шнура должна значительно превышать глубину воды, так чтобы расставленная снасть имела бы форму трапеции, верхняя сторона которой составляет поплавок, а боковые – шнурами. Таких снарядов можно расставлять довольно много, и ловля ими бывает весьма успешна.

Угорь доставляет очень вкусную и здоровую пищу. Жители лагун Комачио, питающиеся главным образом угрями, отличаются своим крепким сложением и цветущим здоровьем. Но слабыми желудками мясо угря, особенно старого (с золотистым кольцом вокруг глаза), довольно трудно переваривается. Но главной причиной того, что не только у нас, в России, а даже и в Западной Европе местами вовсе не едят угря, служит сходство его со змеей. Самыми вкусными угрями считаются угри с серебристым брюхом; вкуснее всего и удобоваримее угри, жаренные с пряностями и большим количеством перца, также жаренные и потом маринованные в уксусе. Крупных угрей, прежде чем жарить, необходимо предварительно хорошенько проварить.

Развести угрей или содержать их, хотя бы и не в большом бассейне, очень нетрудно. Но в большинстве случаев угри, посаженные в пруд или озеро, имеющие хотя бы малейшее сообщение с рекой или другими проточными озерами, выросши, скоро уходят.

Лосось *Salmo salar* L

Семга, вернее, лосось, и белорыбица у нас принадлежат, несомненно, к числу наиболее известных рыб всего семейства лососевых, которые наглядно отличаются от карповых *жировым плавником*, находящимся позади спинного. Семейство это разделяется на следующие главные роды: 1) *лососи* – с большим ртом (так что верхняя челюсть простирается дальше заднего края глаз), довольно крупными зубами и мелкой чешуей; 2) *хариусы*, отличающиеся высоким и длинным спинным плавником и очень крепкой и плотной чешуей; 3) *корюшки* – небольшой величины, с чешуей без лучей, неполной боковой линией и очень выдающейся нижней челюстью, спинной плавник начинается у них *позади* брюшных плавников, а не впереди, как у других родов; 4) *сиги*, имеющие небольшой рот, так что верхняя челюсть редко доходит до заднего края глаза, довольно легко спадающую чешую средней величины и рот с очень мелкими зубами или вовсе беззубый.

Из всего семейства лососевых лосось, бесспорно, занимает первое место как по своей величине, так и по ценности своего нежного красно-желтого мяса. У нас, конечно, семга в ряду других рыб занимает по своей численности второстепенное место, и улов ее не может даже идти в сравнение с уловом осетровых рыб; но в Западной, вернее Северо-западной Европе, где эти последние сравнительно малочисленны, промысел семги, в ряду других пресноводных промыслов, всегда играл самую важную роль. Это обстоятельство, в связи с уменьшением этой рыбы, объясняет нам, почему образ жизни ее, хотя и содержит многие пробелы, известен нам весьма удовлетворительно, и ту важность, которую она получила с 50-х годов в заграничных рыболовных заведениях, а позднее в североамериканских, где искусственное разведение лососей имеет первостепенное значение. Мы постараемся здесь дать возможно сжатое описание образа жизни и разнообразных способов ловли этой замечательной рыбы.

Рис. 38. Лосось. Посредине изображена голова лоха

Тело лосося значительно более вытянуто и сильнее сжато с боков, чем у других видов наших рыб рода *Salmo*. Всего же более отличается он своей удлинненной нижней челюстью, на кончике которой, притом у старых лососей, преимущественно во время нереста, развивается хрящеватый крючок, который входит в соответствующую ему выемку на конце верхней челюсти. Цвет лосося подвержен значительным изменениям, смотря по местности, а главное возрасту и времени года, но вообще спина у него голубовато-серая с немногочисленными черноватыми пятнышками, брюхо и бока серебристо-белые, плавники более или менее серые, спинной и хвостовой темнее остальных. Перед нерестом лосось значительно темнее; у самцов, кроме того, показываются красные пятна на боках туловища и жаберных крышках; у очень старых мужских особей даже все брюхо и передние края нижних плавников окрашиваются в красный цвет. В месте с тем кожа самцов утолщается, делается шереховатой, а на кончике верхней челюсти вырастает уже упомянутый хрящеватый отросток, малозаметный у икреников, которые, заметим, подобно всем самкам лососевых, имеют более короткий хвост. Весь этот процесс известен под названием облошания, и лосось в это время называется обыкновенно *лохом*, или *лоншаком*. Во время нереста лосось очень худеет, вследствие

чего голова кажется у него несоразмерно большой, а мясо принимает белесоватый цвет и делается жидким и безвкусным. Глаза лосося относительно невелики, и вообще он имеет довольно нескладную физиономию.

Лосось – рыба проходная, т. е. входит в реки из моря только для метания икры. Однако ладожский и онежский лососи представляют исключение и, подобно некоторым другим лососевым рыбам, находятся здесь на постоянном жительстве. Они, впрочем, несколько отличаются от морских лососей своим более темным цветом, расположением черных пятнышек на теле, которые у них находятся больше под боковой линией; кроме того, икринки этих озерных лососей приметно мельче, и сами они не достигают такого большого роста. Между тем как настоящий лосось в Западной Европе и северной России достигает иногда 24 кг веса и до 137 см длины, даже более, ладожский и онежский лососи редко доходят весом до 8—10 кг и только однажды был пойман в устье Вокши у Ладожского озера лосось в 13,5 кг.

Лосось исключительно европейская рыба: в Сибири и Туркестанском крае его уже нет; но он, или вид очень близкий к нему, встречается в Каспийском море и входит в некоторые кавказские и персидские реки. Главное местообитание его – моря Немецкое, Балтийское, Белое и Ледовитое (до р. Черной) и реки, туда впадающие. У нас семга ловится в большей части рек Финляндии, в Неве, Нарове (прежде и в ее притоках, напр. Плюсе), Луге, Пернове, Западной Двине, Виндаве, Немане, особенно в Вилии; на севере главный лов ее сосредоточивается в Печоре и ее притоках (Щугоре, Почереме), также в Варзухе; затем следует Мезень, Северная Двина, Онега и проч. реки, впадающие в Белое и Ледовитое моря. В Черноморском бассейне лососей вовсе (?) нет, но Кура, Терек, Ленкоранка и вообще реки, впадающие в южную часть Каспия, доставляют весьма значительное количество этой рыбы, и каспийский лосось заходит иногда даже в устья Волги, хотя и не доходит до Астрахани.

Лосось начинает входить в реки большей частью летом, поднимается по ним вверх иногда на огромные расстояния, так что доходит почти до истоков, мечет икру осенью и затем скатывается обратно в море. Смотря по времени хода, рыбаки отличают несколько разновидностей, которые разнятся в величине и цвете. Так, нарвские рыбаки отличают *лоха петровского*, или *земляничника*, *лоха успенского*, *лоха воздвиженского* и *лоха покровского*. Петровскому и успенскому лоху в Белом море, вероятно, соответствует *закройка*, которая начинает идти в реки вскоре после вскрытия льда, в конце мая и в начале июня, она преимущественно икраяная и икры в ней много, притом крупной и близкой к зрелости. Семга эта бывает средней величины и весит около 2,8 кг. Успенский лох здесь называется *межень*, или *тинда*, которая идет в реки в конце июня и в июле. Это преимущественно (?) самцы, также с близкими к зрелости молоками; они вообще мельче закройки и кругом не превышают 1,6–2,5 кг. Наконец, осеннему лоху в Нарве соответствует *осень*, или (в Онеге) *чистая семга*, которая начинает идти с первых чисел августа и продолжает свой ход до появления шуги, то есть мелких ледяных кристаллов, рыбаки говорят, что семга перестает тогда подыматься в реки, а вошедшая в них останавливается, и объясняют это тем, что шуга, проходя сквозь жабры, может их оцарапать. Между осенней семгой встречается и икраяная и молочная, но как икра, так и молоки очень мало развиты, так что она никак не может выметать их в тот же год, чего нельзя сказать относительно воздвиженских и покровских лохов Балтийского бассейна; оба, по Кесслеру, имеют крючок, и покровский только темнее и крупнее всех других. *Осень* также самый крупный и икраяный сорт семги.

Принимая во внимание наблюдения над семгой в Западной Европе, надо полагать, что петровский лох, или закройка, есть четырехгодовалый лосось, межень – трехгодовалая рыба, впервые мечущая икру, а чистая семга – это пятигодовалая и более старая рыба, которая уже мечет через год, будущей осенью, что доказывается тем, что икра у нее далеко еще не созревает и весной. Со вскрытием льда эта семга поднимается выше по рекам и мечет преимущественно в верховьях, между тем как закройка и межень нерестятся у нижних порогов рек,

через которые еще не имеют силы перескочить. Вообще следует заметить, что чем старше семга, тем выше она поднимается, и что нерест лососей, судя по наблюдениям в Шотландии, начинается с осени и продолжается всю зиму до февраля. У нас, сколько известно, нерест этой рыбы замечался только осенью, именно на севере, в Архангельской губ., около половины сентября, на юге – несколько позднее, а в Онежском крае – в конце сентября; то же в реках Балтийского бассейна.

В конце весны или в начале лета, следовательно, еще задолго до нереста, лососи покидают море и входят небольшими стаями в реки; они плывут обыкновенно близко от поверхности воды и иногда крайне быстро, так что производят сильное волнение. Едва ли найдется рыба, плавающая быстрее лосося: в минуту опасности или погони за добычей быстрота его невероятна и, по мнению западноевропейских наблюдателей, достигает 40 миль в час. Хвост лосося действительно могучее орудие для плавания, и сильные хвостовые мускулы позволяют ему перескакивать даже через небольшие водопады; лосось, сгибая тело в дугу и ударяя хвостом о поверхность воды, легко перепрыгивает через преграды в 2,1–3,4 м; по Jobey, лосось может прыгать даже на высоту $4\frac{1}{2}$ метра (?). Конечно, это очень часто вовсе не удается, но рыба настойчиво продолжает свои гигантские прыжки. Большой лов лососей производится у нас, напр., у Нарвского водопада, который составляет неодолимую преграду для их дальнейшего следования; несмотря на все их усилия, им не удается вспрыгнуть на водопад, и тут-то их бьют острогой. В 60-х годах, для того чтобы хотя бы часть лососей могла достигнуть мест, удобных для икрометания, Кренгольмской мануфактурой была устроена в обход водопада т. н. лососевая лестница, т. е. ряд бассейнов, расположенных уступами один выше другого настолько, чтобы рыба могла без труда перескакивать из одного бассейна в другой. В других местах, в Англии, Швеции, нередко во время этих прыжков ловят сачками лососей на лету.

Нерест лососей производится всегда на быстрине, на перекатах с каменистым или крупнопесчаным дном, иногда на глубине менее 35 см. Замечательно, что лососи очень часто возвращаются для нереста в то же самое место, где выводились и метали икру в прежние годы. По наблюдениям Жюрина в Англии, который отметил в апреле несколько тысяч молодых лососиков, эти последние пришли на то же самое место в июне. Впрочем, это правило справедливо, вероятно, только для незначительных рек Западной Европы; в больших реках чем старше и, следовательно, сильнее лосось, тем он поднимается выше и встречается даже в самых верховьях, которых более молодая рыба далеко не всегда может достигнуть.

Выметав икру, истощенные и исхудавшие лососи, уцелевшие от преследования рыбаков, скатываются в море. У нас этот обратный ход семги начинается с ноября (в Нарве около 8-го ноября), но в северных реках семга возвращается весной и всю зиму проводит в пресной воде; в Западной Европе, где главный нерест этой рыбы происходит гораздо позднее, чем у нас, лососи идут в море тоже в конце зимы, даже ранней весной. Возвращающиеся в море лохи известны у нас на севере под названием *вальчаков*; те же, которые провели уже некоторое время в море, но не совершенно еще приняли вид семги и сохранили на жаберных крышках красные точки, называются *карьяками*. И те и другие ценятся значительно дешевле чистой семги.

Яички лосося чрезвычайно крупны и сравнительно с величиной рыбы весьма немногочисленны, так как их редко бывает более 20 000. Количество икринок увеличивается с возрастом; в Англии вообще считают, что семга имеет столько тысяч икринок, сколько фунтов она весит, но это, конечно, вряд ли вполне справедливо. Яички весьма прозрачны и первые дни молочно-белого цвета, но затем принимают красно-желтый оттенок. Размеры икринок изменяются с возрастом, и у более старых лососей икра крупнее, чем у молодых, а у озерных лососей мельче, чем у настоящих проходных; обыкновенная величина икринок с крупную горошину или ягоду белой смородины.

Развитие икры лосося идет весьма медленно, но, впрочем, смотря по температуре воды, изменяется в довольно широких границах. По Ла Бланшеру, мальки лососей выклеваются через 40 дней, а по Бланшару – через 70, иногда даже, при нересте осенью, через 100–140 дней (!). Вообще, по наблюдениям рыбоводов, развитие яйца оканчивается в феврале или марте. Молодые рыбки, вылупившись из яйца, двигаются довольно быстро, несмотря на свой огромный желточный пузырь, который пропадает окончательно не ранее месяца. Вслед за этим мальки начинают вести уже более самостоятельную жизнь и начинают отыскивать себе пищу; но это во всяком случае самый критический момент для них: после окончания процесса всасывания пузыря погибает очень большое количество лососиков. Молодая рыбка весьма отличается от старой: она имеет немного более 2,5 см в длину, несоразмерно толстую голову; общий цвет тела ее палевый с легким зеленоватым оттенком и многочисленными темными поперечными пятнами на спине и боках: количество этих пятен изменяется от 15 до 18. Этот первый возраст лососей известен в Западной Европе под названием «Parr». Эти лососики держатся в верховьях рек и потому очень редко попадают рыбакам, а у нас даже и вовсе не известны. Они проводят здесь не менее года, обыкновенно два, иногда даже три года; тело их постепенно принимает более складную форму, голова удлинняется и представляется относительно меньшей, но цвет тела остается без изменения. Пища этих молодых рыбок сначала состоит из мелких, падающих в воду насекомых, затем икры других рыб и, наконец, самих рыбок (вероятнее всего, голянов); но здесь растут они очень медленно.

Рис. 39. Третий возраст

На вторую весну, редко третью, достигнув величины 12,5—20 см, молодые лососики быстро изменяются в цвете и делаются неузнаваемыми. Все тело их становится серебристым, спина принимает блестящий голубовато-стальной цвет, и на боках лежат 6—10 широких пятен того же цвета, между тем как промежутки имеют красноватый оттенок. Тогда лососики делаются весьма похожими на форелей, отличаются от последних почти только лучистыми жаберными крышками и вообще формой головы и называются «Smolt». Эти двухгодовалые лососики, в противоположность молодым лососикам первого возраста, которые живут в одиночку, собираются в небольшие стайки в 40–60 штук и начинают, весной же, скатываться в море. Впрочем, это движение вниз по реке совершается довольно медленно, со скоростью не более двух миль в час, и задерживается на перекатах, которые иногда несколько раз заставляют возвращаться всю стаю: как только рыбы почувствуют, что их уносит быстрым течением, они поворачивают назад, и это повторяется до тех пор, пока какой-нибудь смельчак из стаи не решится переплыть через стремнину.

В устьях реки, где вода уже принимает более или менее солоноватый вкус, молодая семга останавливается на несколько дней и собирается здесь большими стаями: она как будто привыкает здесь к морской воде и затем вдруг исчезает. Куда девается она – неизвестно, вероятно скрывается на таких глубинах моря, где ее уже не может достать сеть рыбака.

Но это исчезновение двухгодовалых лососиков весьма непродолжительно. Через два месяца они снова входят в те же самые реки и достигают тех же самых мест, где вывелись, но они настолько отличны от молодых рыб, входивших в море, что долгое время, так же как и эти последние, считались особыми видами. Только в тридцатых годах многочисленные опыты, произведенные главным образом в Шотландии и состоявшие в том, что делали различные пометки на Smolt'ах, показали положительно, что эти так наз. Grisles, или семги первого возраста, – те же самые Smolt, только почти принявшие цвет настоящей семги и

необычно увеличившиеся в своих размерах и весе. У них уже вовсе не замечается черных полос на теле, голова более удлинена и хвост только слегка вырезан (на рисунке форма его неверна); от настоящей семги Grisle отличается более тонким телом и бледной окраской. Всего же удивительнее то обстоятельство, что эта молодая семга весит уже не 100–150 г, как два месяца назад, а при 44–53 см длины достигает 1,2 и даже 1,6 кг веса. Такой необычно быстрый прирост, сколько известно, не замечается ни у какого другого рода рыбы и, вероятно, обуславливается громадным количеством пищи в местах их кратковременного пребывания в море. Вообще и более старая семга, побывав в морской воде, растет чрезвычайно быстро: на следующий год Grisles, перед своим вторичным возвращением в реки и принявши вполне вид семги, опять достигают в два месяца почти 70 см длины и весят 2,5–5 кг; даже эта — взрослая — семга иногда увеличивается в весе почти вдвое: всем известна четырехкилограммовая семга, выпущенная герцогом Атольским (в Англии), которая через 38 дней была поймана снова и весила восемь с половиной килограммов! Судя по этому, продолжительность жизни семги весьма незначительна и не должна быть более десяти лет.

Как самцы, так и самки семги третьего возраста способны к размножению и нерестятся без исключения. У самок же молодых лососиков первого возраста вовсе не замечается икры; у Smolt она находится в весьма неразвитом состоянии, но замечательно, что самцы и тех и других способны к оплодотворению. Это обстоятельство косвенным образом доказывает вероятную малочисленность самцов вообще. Способность молок Part и Smolt оплодотворять икру более старых семг не подлежит никакому сомнению и доказана многими наблюдениями при рыборазводных заведениях. Последние, как известно, предназначаются исключительно для искусственного разведения и воспитания молодых лососевых рыб, между которыми первое место, бесспорно, принадлежит лососю, давшему свое имя всему семейству.

Для рыбаков северной России и Европы лов семги имеет весьма важное значение, хотя, к сожалению, это значение постепенно уменьшается. Наибольшее количество семги добывается на побережье Белого моря и в впадающих в него реках, также в Финляндии; в северо-западной России улов семги уже менее значителен. Поэтому мы опишем здесь только способы ловли этой рыбы на северном побережье, тем более, что здешнее рыболовство весьма обстоятельно исследовано известным специалистом по рыбным промыслам г. Данилевским.

Орудия семожего лова весьма разнообразны, но мы назовем здесь самые главные.

В наибольшем употреблении лов семг *неводами и ставными сетями*.

Ужение лосося, рыбы, не имеющей равных по силе, скорости движений и неутомимости, бесспорно, самое трудное, тем более, что оно в большинстве случаев требует большой ловкости при закидывании удочки. По всем этим причинам в Западной Европе, в Англии по преимуществу, ловля лосося составляет высший рыболовный спорт, доступный далеко не всякому даже искусному охотнику, так как это ужение вместе с тем и самое дорогое и более, чем какое другое, обуславливается совершенством всех принадлежностей. Приняв это во внимание, а также и распространение лосося по северным и западным окраинам России, легко понять, почему ужение лосося почти неизвестно русским охотникам и почему не имеется о том почти никаких печатных сведений. Мы знаем только, что в Петербурге есть несколько охотников, которые ловят лосося в Неве, в Нарве около водопада, на Сайменском озере, выше водопада Иматра и в финляндских речках, где семги больше и удить ее много удобнее, чем в большой реке. По расспросам, в Финляндии ужение как форелей, так и лососей вообще более употребительно, чем в какой-либо другой местности России, и им занимаются не одни привилегированные лица, но и рыболовы-промышленники, причем достойно внимания то обстоятельство, что последние, кроме цельных (березовых) удильников, употребляют для этой ловли длинные удилища из тростника, привозимого на кораблях, и притом с самодельной катушкой. Это одно показывает, насколько реки Финляндии богаты

форелью и семгой. Недаром сюда ездят не только петербургские англичане, но и досужие лорды Великобритании, которые с той же целью посещают и далекую русскую Лапландию.

Как ловят петербургские рыболовы лосося на Неве – достоверно неизвестно, но нет никакого сомнения в том, что они употребляют английские снасти с катушкой, по всем вероятностям с лодки. Близ Иматры приезжие охотники и местные рыболовы-промышленники ловят, по расспросам, с легкого челнока вдвоем, причем один гребет одним веслом, а другой закидывает удочку (с живцом, мертвой рыбкой или искусственной, местного приготовления, из разноцветных тряпочек). По причине чрезвычайно быстрого течения плавание это весьма затруднительно и даже опасно, и немногие спортсмены, несмотря на искусство гребцов, решаются подвергнуться риску быть увлеченным в водопад. Гребут с одного берега на другой зигзагами, а закидывают с носа лодки вперед, беспрестанно перебрасывая удочку.

Весьма краткое описание ужения лосося в Западной Двине дает Терлецкий, и это единственный русский печатный источник о ловле семги удочкой, если не считать сообщения о том, что в Куре лососи (другого вида) изредка попадаются на донные удочки с крепчайшей леской и чрезвычайно тяжелым грузом (по причине быстрого течения). Всего интереснее то обстоятельство, что автор корреспонденции, поймавший огромного лосося (в девятнадцать килограмм), мог удержаться на берегу только при помощи нескольких лиц и что затем он изобразил из себя в некотором роде живую катушку, т. е. для того, чтобы подвести свою добычу, должен был накручивать леску на себя.

Судя по всему, ужение с катушкой неизвестно и на Западной Двине, так как Терлецкий говорил о ловле только на «растяжную» удочку. Последняя напоминает удочки, употребляемые в средней России для ловли шересперов на быстринах, но делается еще длиннее, а именно достигает 42 м. Через каждые 3,2–4,2 м прикрепляются к лесу (шелковой, вероятно) небольшие пробочки и одна около поводка (из 2–3 жилок, т. е. буйволовых волосков). Назначение их – поддерживать леску на поверхности воды. Поплавка и грузила нет. Удилище употребляется очень длинное, крепкое, т. е. гибкое и упругое, преимущественно березовое, разумеется цельное, тщательно завяленное и выправленное. Ловят с челнока, придерживаясь середины реки, и насадкой служит исключительно живец (елец?), который, вероятно, зацепляется за губу. Грубость снасти не допускает другой насадки; да к тому же ловля производится осенью. Лосось берет живца с размаха, налетая на него, как вихрь, но при виде малейшей опасности стрелой уносится вдаль, придерживаясь поверхности воды. По-видимому, он делается здесь добычей только немногих лучших удильщиков.

«Поймать лосося удочкой, – говорит Терлецкий, – составляет славу и гордость охотника; это все равно, что убить льва. Знание его ходов, необыкновенное терпение и осторожность, тишина около прикола (два вбитые в дно кола, к которым прикрепляется челнок; отсюда следует заключить, что ловят не на очень глубоких местах), надежная длинная удочка на гибком упругом удилище, с растяжной невидимой лесой и бойким живчиком составляют необходимое условие, чтобы лосось подошел и взялся. Затем, второе необходимое условие – это искусство вытащить его, не дав ему сорваться с крючка или порвать лесу. Бешено, как дикий конь, почувствовав первый раз во рту уздечку, кидается он в стороны, напирает со всей силы против течения или, опустившись ко дну и натянув лесу, кидается стрелой на поверхность и, выкинувшись, со всего размаха, ударяет по ней могучим хвостом, рассыпая во все стороны брызги и пену. Полчаса и более хладнокровный охотник, стоя на челноке, уверенной, твердой рукой сдерживает его порывы, то ослабив (?) лесу, то натянув ее на удилище, которое, то выпрямляясь и сгибаясь в *кольцо*, парализирует и ослабляет мало-помалу силы удалого противника. Не только поймать самому лосося, но и смотреть со стороны на борьбу охотника с этим силачом наших вод доставляет истинное удовольствие».

В Западной Европе удят лососей довольно разнообразными способами, хотя в общем ужение это мало отличается от ужения форели, особенно при ловле молодых, несовершен-

нолетних лососок (Grisles). Считаю не лишним дать краткое описание этих способов, которые без сомнения могут быть применены как для кавказских лососей, так и для тайменей северной и северо-восточной России.

Как уже было упомянуто, на западе ловят семгу преимущественно на удилища с катушкой. Это весьма понятно, если принять во внимание, что главной насадкой служит искусственная муха, требующая легкой лески, которая не топила бы ее, а при этом условии можно ловить без катушки только мелких лососей, да и то умеючи. Но как удилище, так и леска все-таки должны быть прочнее, чем для ужения форели. Вообще на всякую насадку здесь ловят большей частью поверху, на быстрине, без поплавка и грузила, менее распространено между спортсменами-рыболовами ужение с грузилом, тоже без поплавка и с катушкой. Еще реже ловят лососей (собственно дунайского лосося – *Salmo hucho*) на снасти, напоминающие наши жерлицы и не требующие непременно присутствия рыболова. Насадками служат, кроме искусственных мух, также живые крылатые насекомые (крупные мухи, бабочки), но последние не представляют удобств первых, тем более на быстром течении, а потому малоупотребительны. Затем, лосось берет на живца, на мертвую (и искусственную) рыбку и блесну, поддерживаемые в беспрестанном движении, реже на червей, пиявок, раковины и куски спинного бычачьего мозга.

Рис. 40. Искусственные семожи и муха

Искусственные мухи для ужения семги отличаются от форелевых мух своей величиной и пестротой. Замечено даже, что чем крупнее, красивее и оригинальнее эти мухи или, скорее, бабочки, тем они охотнее хватаются рыбой. Большой частью ловят на этих мух небольших лососей, так как крупные предпочитают рыбок, особенно осенью. Закидывают муху так же, как при ужении на нее форели; чаще с берега (на речках), чем с лодки (на больших реках).

Так же, как и на живых насекомых, за границей редко ловят семгу на живца, а преимущественно на мертвую рыбку, поддерживаемую в постоянном вращательном движении. Способ этот, называемый *spinning*, подобно другому, довольно сходному с ним – *trolling*, употребляемому преимущественно для щук, возник в Англии, этой классической стране охоты и ужения рыбы в особенности. Выгоды и преимущества этих двух способов перед ужением на живца очевидны. Во-первых, они требуют от рыболовов известной ловкости и постоянного движения; во-вторых, дают возможность закидывать приманку так далеко, как живца невозможно закинуть, не повредив его. В-третьих, ужение на мертвую рыбку позволяет удить на таком быстром течении, где живца скоро бы забило водой или сорвало с крючка, а в таких местах большей частью и держится семга. Наконец, при ужении на мертвую рыбку можно застаться насадкой на весь день, и неся ее в небольшом ящичке, наполненном отрубями, для того, чтобы рыбы не мялись, не обтирали бы чешую и дольше не портились.

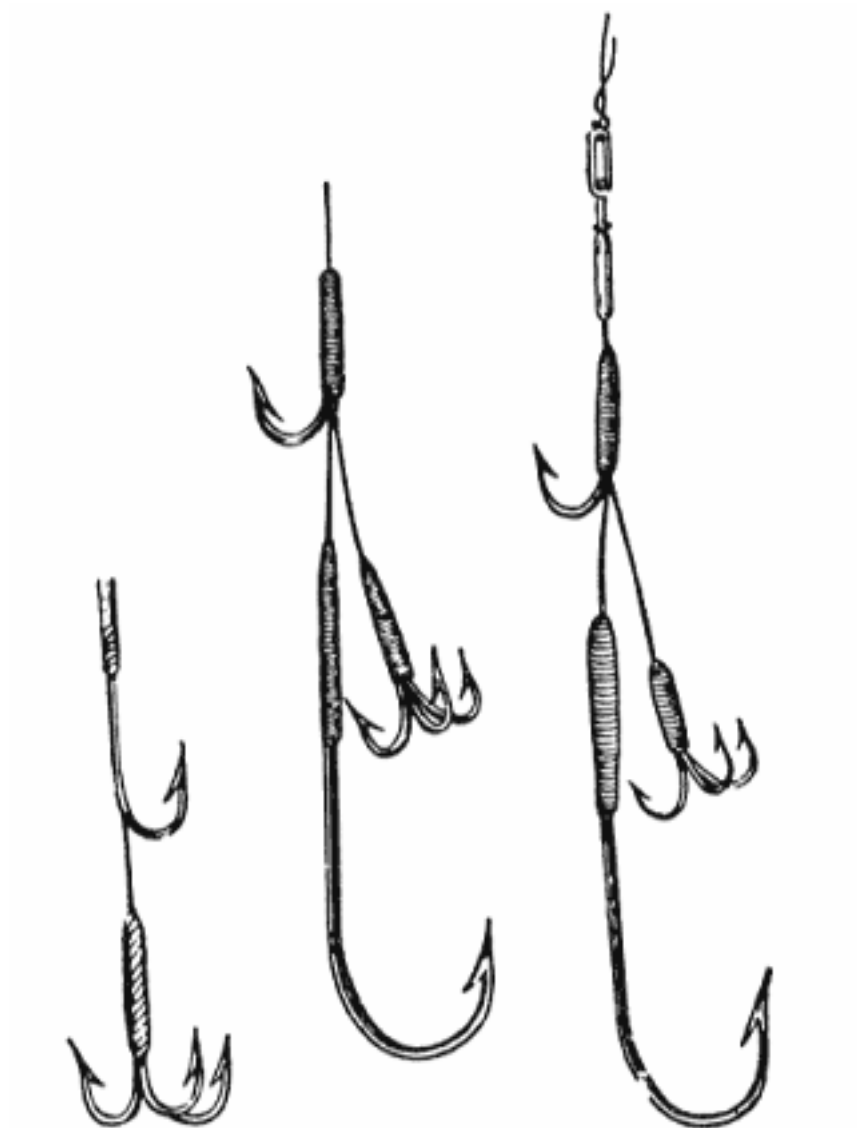

Рис. 41. Различные виды сэта

Рис. 42. Мертвая рыбка, насаженная на сэт

Для успешного применения обоих способов (spinning и trolling) необходимо, чтобы насадка постоянно вертелась и имела вид ослабевшей или больной рыбки, не могущей справиться с течением, — условия, при которых, как известно, охотно берут рыбку и не особенно голодные хищники. Плохо «играющую» в воде мертвую рыбку лосось почти никогда не берет, так как замечает, что приманка, предлагаемая ему, мертвая и что она покрыта крючками. При способе spinning вращательное движение придается насадке посредством так называемого spinning flight, или spinning set, системы крючков, на которые рыбка насаживается так, чтобы тело ее к хвосту было несколько изогнуто; для того чтобы вращательное движение насадки не скрутило катушечный шнурок, между последним и *сэт* находится так называемый *трэс* (trace), состоящий из жилок, соединенных между собой вертящимися карабинчиками, имеющими различную форму и величину. Трэс должен быть от 92 до 122 см длины. Над карабинчиком, к которому пристегнут сэт, находится (обыкновенно) грузило, тяжесть которого соразмеряется не только с быстротой (и глубиной) воды, но и с тем, на какой глубине должна играть насадка. Грузило это обыкновенно бывает цилиндрическое, спущенное к обоим концам, но так как такие грузила вертятся вместе с трэс и очень закручивают шнурок, то гораздо удобнее грузила, у которых центр тяжести находился бы ближе к одному боку. Такое грузило, будучи *крепко*, т. е. неподвижно, надето на трэс, для чего в отвер-

стие первого втыкают деревянную палочку, не дает вертеться той части трэс, на которой оно находится, и вследствие этого все вращательное движение сосредоточивается в насадке и той части трэс, которая находится между насадкой и грузилом. Поэтому при употреблении таких грузил необходимо, чтобы между насадкой и грузом находилось *не менее двух карабинчиков*. Лучшее из этих грузил – грузило Пэнэля. Грузило помещают обыкновенно не далее 25 см от насадки (так как чем оно ближе, тем насадка лучше играет) и часто окрашивают в зеленый цвет, через что оно делается менее заметным.

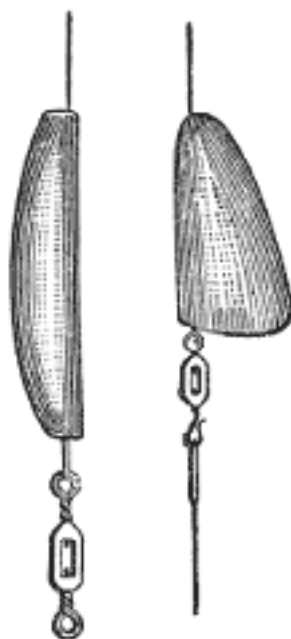

Рис. 43. Грузило Фрэнсиса, грузило Пэнэля

Рис. 44. Различные виды карабинчиков и способы их соединения с леской

Так как успех описываемого способа зависит от постоянного вращательного движения рыбки – ее игры, то для достижения этого придумано много различных сэтов. Последние должны удовлетворять следующим требованиям: 1) давать насадке по возможности лучшую игру, особенно в том случае, когда для успешного ужения необходимо, чтобы рыбка подтаскивалась (толчками) к себе довольно медленно, так как хищник может увидеть крючки на плохо играющей рыбе, 2) зацеплять наибольший процент клюнувших рыб, для чего крючки и якорьки сэта должны быть расположены так, чтобы они не мешали друг другу; 3) терять наименьший процент зацепленных рыб, т. е. быть устроенным таким образом, чтобы по крайней мере один якорек, как бы рыба ни взяла насадку, спереди, сбоку или сзади, при подсечке забрал как следует.

Самый простой сэт состоит из большого крючка и губного крючка, укрепленных на толстом жилковом поводке, к которому на коротком поводке привязан небольшой якорек. Расстояние между крючками зависит, разумеется, от величины насаживаемой рыбки, кото-

рая надевается на этот сэт с сильно изогнутым хвостом, но иногда верхний, т. е. губной, крючок, к которому прикреплен и тройничок, делается подвижным, на петлях; тогда один сэт пригоден для рыбок разных размеров. Таким образом, т. е. с якорьком у середины тела, ловят на этот сэт преимущественно шук, которые хватают рыбу чаще за туловище; для семги же, берущей с хвоста, якорек привязывается на более длинный поводочек, так, чтобы он висел свободно, немного позади большого крючка, или же к губному крючку привязывается другой якорек.

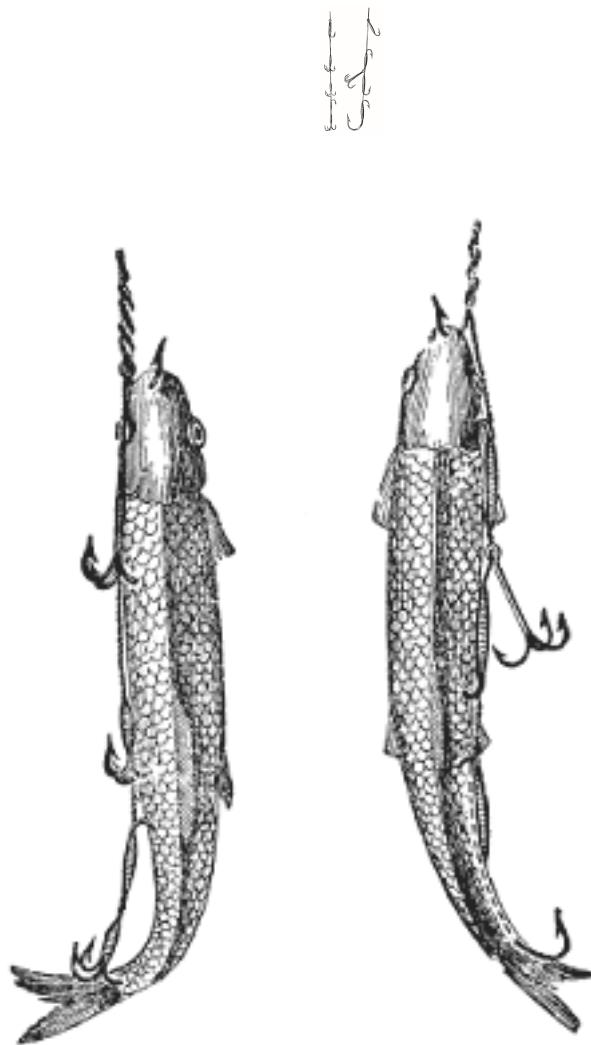

Рис. 45. Сложные сэты и насаженные на них мертвые рыбки

Более действительные сэты состоят из одиночного верхнего или губного крючка и известного числа якорьков и одиночных крючков. Для передвижения губного крючка с двумя петлями достаточно ослабить обороты жилки, обвитой вокруг завязки в два или три оборота; когда он будет поставлен на надлежащее место, обороты опять затягиваются. Губной крючок с одним колечком передвигается еще проще, но употребляется довольно редко. Как якорьки, так и одиночные крючки сэта должны быть полированы (т. е. не синеные и не крашеные). Иногда даже их серебрят гальваническим путем, шелк, которым они привязаны к жилке, должен быть белый или красный, причем очень полезно обертывать эти завязки узенькой полоской серебряной мишуры.

Рис. 46. Брусковатая рыба на сэте

Как рыба насаживается на эти сэты, легко можно понять из прилагаемых рисунков; следует только заметить, что жилки между крючками должны быть не слишком ослаблены, не слишком натянуты, так как и то и другое мешает бойкой и правильной игре насадки. Последней служат обыкновенно рыбы брусковатой формы (ельцы, голавлики, мелкие усачи, также пескари и гольяны), которые играют лучше плоских. За неимением первых можно употреблять, напр., плотичек, но в таком случае, вместо изгиба хвоста, ей дается изгиб спины, как это иногда делается и с брусковатыми рыбами.

Как сказано выше, сэт соединен при помощи карабинчика с трэсом, который в свою очередь скрепляется с катушечным шнурком. Последний должен быть плетеный, особенно крепкий, хотя и не толстый (этот сорт шелкового шнурка стоит очень дорого), длиной около 70 м, так что катушка, на которую он наматывается, должна иметь значительную величину, обыкновенно, при ловле семги, употребляют катушку с пружинкой, которая до некоторой степени задерживает движение катушки и дает возможность скорее утомить рыбу, при меньшей длине шнурка. Удилище должно быть значительно крепче и гораздо менее гибко, чем при ужении на искусственную муху, но почти такой же длины (458–610 см) и такой же легкости. Обыкновенно употребляют одни и те же удилища, но для ловли на рыбку вместо длинной верхушки вставляют короткую и, следовательно, более жесткую. Для того чтобы всадить как следует (т. е. ниже бородки) несколько крючков сэта в рот рыбы, понятное дело, требуется гораздо большее усилие, чем необходимо для того, чтобы настолько же вонзить один крючок, а чрезмерная гибкость удилища всегда значительно ослабляет подсечку. Кольца на удилище, в которые пропускается катушечный шнурок, обязательно делаются стоячими и довольно большими.

Закидывать мертвую рыбку довольно трудно, так как надо бросать ее на весьма значительное расстояние и притом возможно тихо, чтобы не испугать рыбы. Эта сноровка дается только практикой, и сначала следует забрасывать рыбку недалеко от себя. Самый удобный и употребительный способ закидывания заключается в следующем: шнурок, захватываемый между первым кольцом и катушкой, сматывается в известном количестве и по мере сматывания кладется широкими кругами у его ног. Если же есть опасность, что лежащий шнурок зацепится при закидывании, то при сматывании его собирают кругами в левой руке. Приготовив шнурок, правой рукой берут удилище над катушкой, прихватывая при этом и шнурок, а левой – под катушкой, между концом удилища и насадкой, пускают расстояние в 2,1–3,5 м, смотря по длине удилища. Насадка раскачивается, и когда она получит надлежащий импульс, то удилище подается вперед и вместе с тем приоткрывается правая рука и этим освобождается шнурок; последний, увлекаемый насадкой, быстро сбегает сквозь кольца, и если весь прием исполнен был удачно, то рыбка попадает именно туда, куда следует. Затем дают ей немного погрузиться в воду, удилище упирают в бедро и держат параллельно поверхности воды. Правая рука опять обхватывает удилище и шнурок выше катушки, между тем как левая его опять выбирает, складывая кругами в ладони или у ног. Во время потяжки, производимой левой рукой, правая открывается, чтобы дать ход вбираемому шнурку, затем снова открывается, прижимая его к удилищу, и вместе с тем поднимает конец удилища; этим достигается то, что рыбка находится в постоянном движении – вертится и мечется самым привлекательным образом. Доведя рыбку, *все время играющую*, почти до самого берега или лодки, вновь закидывают несколько в сторону и т. д., до тех пор, пока не найдут нужным

перейти или переехать на другое место. Закидывать следует не прямо по течению и не поперек его, а наискось, под углом градусов от 30 до 60. Подсекать надо весьма энергично.

Как было говорено раньше, для того чтобы рыбка хорошо играла, она должна быть хорошо насажена; между тем это не всегда удается, особенно пока не приобретется известный навык. Чтобы облегчить эту задачу, англичане придумали различные снаряды, spinner'ы, из которых лучший т. н. *Chapman's spinner*. Состоит он из двух медных лопастей, изогнутых по принципу архимедового винта; к ним припаяна медная проволока с крючком, верхняя часть которой облита свинцом; сквозь меднопроволочное ушко, находящееся между лопастями, пропущены накрест жилковые поводки, к которым привязаны якорьки. Проволока впускается в рыбку через горло до тех пор, пока нижние края лопастей не упрутся в угол ее рта; вместе с тем крючок, находящийся по середине проволоки, там, где начинается свинец, легким давлением руки на живот рыбки вонзается в него и не дает лопастям сдвинуться с места. По одному крючку от верхних якорьков вонзается в насадку, а третий якорек оставляют свободным.

В Австрии и Баварии ловят лосося (дунайского — *Salmo hucho*) тоже преимущественно на мертвую рыбку, насаживаемую в изогнутом положении на один двойной или тройной крючок, продаваемый или сбоку, под кожу (двойной крючок), или пропускаемый внутрь — тоже на коротком поводке, с карабинчиком и грузилом. Весьма оригинальна здесь ловля лосося на мертвую рыбку, на тычках, напоминающих наши жерлицы, и могущая заменить их там, где течение достаточно сильно, и при ловле другой хищной рыбы. Рыбке сгибается хвост, затем при помощи иглы пропускается, начиная от заднепроходного плавника, вовнутрь и в рот поводок с якорьком, два крючка которого несколько сближены и должны торчать наружу, тогда как третий находится в рыбе. Пеньковая бечевка, длиной около 20 м, оканчивается грузилом и карабинчиком, к которому пристегивается петля очень короткого поводка, так что грузило находится очень близко от рта рыбки. Свободный конец бечевки привязывается к колу, на берегу (преимущественно на мысу и вообще на быстрине), и укладывается кольцами, которые придавливаются небольшим камнем. В некоторых случаях необходимо бывает употреблять более или менее длинный тычок с развилиной, через которую пропускают конец бечевки с насадкой. Лосось, привлекаемый насадкой, поддерживаемой течением в колебательном движении, хватает ее, стаскивает камень и заглатывает рыбку, прежде чем успеет вытянуть всю бечевку.

В некоторых, впрочем довольно редких, случаях, ловят семгу на искусственных рыбках, металлических, стеклянных или гуттаперчевых, которым или придаются лопасти, или изогнутое положение, или же то и другое вместе, для того чтобы рыбка быстрее играла. Замечательно, однако, что лосось берет всего охотнее на т. н. *tue-diable*, представляющее из себя нечто среднее между рыбой и насекомым. Эта «чертова смерть», названная так, вероятно, потому, что снабжена двумя или тремя якорьками, имеет удлиненное, слегка согнутое туловище из олова или свинца, перевитое спирально разноцветным шелком и серебряной и золотой мишурой: хвост *tue-diable* сделан из жести. Очень редко также ловят семгу на больших земляных (2–3) червей, насаживаемых на большой крючок или на два крючка, из которых один привязан на поводке немного выше другого, т. н. стюартовский тэкл (*tackle*), или стюартовская снасточка, с грузом. Так удят только в тихих и глубоких местах, куда иногда лососи заходят в большом количестве на жировку, особенно после больших дождей и в мутную воду. Впрочем, в таких местах с гораздо бо́льшим успехом можно ловить их, подымая и опускающая живца, способом, называемым у англичан *sinking and drawing*, или на мертвую рыбку, подобно *spinning*, т. н. *trolling* (описание см. «Щука»).

Рис. 47. Chapman's spinner

Главным же образом ужение семги производится на быстрине, на сравнительно неглубоких местах, в порогах, ниже водопадов, обыкновенно посреди реки, почему на больших реках и в устьях ловят ее с лодок, укрепленных на якорь. Лосось держится почти всегда в верхних слоях воды и только при падении барометра ходит ближе ко дну и у берегов. Обыкновенно же он держится не на самой сильной струе, а там, где течение несколько слабее; в особенности любит он стоять в таких местах, где две струи от двух соседних больших подводных камней сливаются в одну. В небольших реках ловить его вообще много удобнее, так как он здесь дольше держится на одном месте и можно обойтись без лодки, но в устьях рек он берет жаднее, так как, входя туда из моря, он бывает и голоднее и менее осторожен, особенно молодой. Ловля начинается (в устьях) иногда очень рано (в Англии с февраля) и продолжается до поздней осени, причем большую часть добычи второй половины сезона составляют, кажется, молодые лососки, скатывающиеся вниз, в море, для того, чтобы в будущем году возвратиться в реку для икрометания. Весной самый лучший лов бывает с 10 часов утра до 5 пополудни, особенно в теплые дни или оттепель, после ночного мороза; поздней весной и летом – ранним утром до 10 часов и затем с 5 пополудни; в июне и июле, при низкой и очень светлой воде, удят семгу даже преимущественно ночью. При падении барометра семга берет плохо и ее можно поймать только на насадку, пускаемую на дно. Что же касается ветра, то он на ловлю не имеет влияния, помимо неудобств закидывания насадки.

Рис. 48. Искусственная металлическая рыбка

Теперь скажем несколько слов об ужении лосося на искусственную муху, которое в общем мало отличается от такового же ужения форели, подробно мною описываемого ниже, куда и отсылаю читателя.

Снасть, употребляемая при ужении на семговую муху, состоит из удилища, соответственного силе удильщика, длиной до 610 см, из катушки с трещоткой, катушечного шнура, длиной 106–122 м и жилковой леси 360–370 см длины: на этой лесе, в трех коленях ее, жилка должна быть скручена втрое, в двух коленях она должна быть двойная, а уж в остальном конце простая, обыкновенная.

Удить можно на одну и на несколько мух. В последнем случае прибавочные поводки делаются из жилки, в 7,5—10 см длины, и прикрепляются к главному поводку.

Забрасывают семговую муху так же, как и форелевую. Можно забрасывать через *правое плечо* и через *левое*. При забрасывании *через правое плечо* надо брать удилище так, чтобы правая рука держала его выше катушки, а левая ниже. Размах делается тот же, что и при обыкновенном ужении на мушку, с удочкой, забрасываемой одной рукой, но только шире; необходимо выждать, чтобы леска совершенно вытянулась после размаха назад, и только тогда уже можно делать размах вперед.

Нередко приходится забрасывать и *через левое плечо*; иногда это делается, чтоб ужение не так было утомительно, иногда же по соображению условий, как-то: направление ветра, изгиб берега. В данном случае удилище берут, наоборот, левой рукой выше катушки, а правой ниже, и все движения, которые в первом случае делались вправо, направляют теперь влево.

Дальность забрасывания насадки вполне зависит от опытности и практики. Начинающий рыболов должен сперва упражняться на коротких лесах и потом уже постепенно удлинять их. При забрасывании чрезвычайно важно уметь соразмерять силу, т. е. не расходовать

ее более того, сколько требуется. Мера эта определяется тоже опытом. Конечно, если приходится забрасывать на очень далекое расстояние, тогда необходимо большее или меньшее напряжение силы, но при забрасывании на обыкновенные расстояния не требуется ни малейшего напряжения, все равно, как бы сильно и в какую бы сторону ни дул ветер. Далеким считается расстояние в 2,7 м, от катушки до насадки; самый высший предел, которого можно достигнуть при забрасывании, – это 3,7 м, т. е. более 5 аршин, – обыкновенное расстояние выстрела дробью. При таких далеких забросах главная трудность заключается в том, чтоб при размахе назад уметь выждать, пока леса вытянется вполне, но так, чтоб насадка не касалась при этом земли. Вполне достаточно почти во всех случаях забрасывать на 2,1–2,4 м.

Если приходится забрасывать поперек реки, то мушку предварительно вытягивают на некоторое пространство вниз по течению и затем уже делают размах вышеописанным способом.

Как вести семговую муху. Когда муха уже заброшена, ее обыкновенно ведут против течения, в быстротекущих водах. Во все время, как она придвигается к рыболову, он беспрерывно шевелит удилицем, попеременно то поднимая, то опуская его кончик, вследствие чего мухе сообщается зигзагообразное движение, так как и она тоже попеременно то поднимается, то опускается. Когда муха выскакивает кверху, вода, стекая, производит давление на жилки ее крыльев и до известной степени сжигает ее; когда же мушка, при опускании кончика удилица, погружается в воду, то на воде ее крылышки расправляются, и она является во всем блеске своих красок. Вести муху нужно настолько медленно, чтоб крылышки ее действительно могли вполне закрыться и расправиться, потому что семга берет муху преимущественно в то именно мгновение, когда крылья мухи расправляются. Ясно, что в этот же миг нужно быстро ослабить шнур.

Если нахождение рыбы предполагается на каком-нибудь определенном месте, то муху нужно опустить на этом месте так, чтоб она показалась в своей полной красе.

Само собой разумеется, что выгоднее удить вверх по течению, но это почти никогда не удается, потому что в тех реках, где приходится применять семговую муху, течение бывает обыкновенно слишком сильно и быстро сносит муху со струи. Вследствие этого муху большей частью приходится вести вниз по течению.

Забрасывают также еще поперек реки, пуская муху на произвол течения; при этом постепенно опускают кончик удилица и сматывают по возможности больше шнура, чтоб захватить для ужения возможно большее пространство воды. Когда шнур течением натянется совершенно туго, тогда муху вышеописанным способом начинают вести вверх по течению.

Вести по воде муху приходится тоже иногда равномерно, покойно, иногда ее нужно заставить играть, метаться из одной стороны в другую, а то так медленно погружать в воду. Все это зависит от того, что найдет удильщик для каждого данного случая наиболее целесообразным.

При ловле на искусственную муху – самое трудное определить момент подсечки, так как первое время, видя такую большую рыбу около насадки, часто кажется, что она уже взяла ее. Надо подсекать лишь тогда, когда насадка, которую, конечно, не следует ни на секунду выпускать из поля зрения, исчезнет, около нее образуется как бы небольшой водоворот и шнурок начнет шевелиться. Если же около насадки замечено будет лишь волнение, то надо обождать и вообще лучше немного опоздать подсечкой, чем поторопиться, ибо лосось, прежде чем схватить муху, часто разглядывает ее – стоит ли ее взять, и если в этот момент подтянуть к себе насадку, то он обыкновенно уходит. Подсечка должна быть резкая, хотя и не такая сильная, как при ловле на рыбку; обыкновенно при этом удочку закидывают за плечо. Затем пойманную рыбу вываживают, спуская и укорачивая шнурок, до совершенного ее утомления. Если рыболов подсек крупную семгу, то он прежде всего должен выждать,

что намерена она предпринять. Надо дать ей волю сматывать шнурок с некоторым усилием и только стараться отводить ее от опасных мест; иногда она успевает смотать более 110 м шнурка, прежде чем удастся приостановить ее стремительное движение, в быстроте которого семга не имеет соперников. При ловле с берега всего лучше, когда она бросается вниз по течению, так как тогда рыболов может следовать за ней, спускает значительно меньшее количество шнурка и держит рыбу короче, что имеет весьма важное значение при резких и внезапных заворотах, так как ослабнувший шнурок, прежде чем будет намотан на катушку, легко может зацепить за камень. В общем держат удилище так же, как и при ловле форели. Иногда пойманный лосось ложится на дно или забивается под камень, так что его бывает трудно, если не невозможно, сдвинуть с места. В таком случае приходится или бросать в это место камни, или же спускают на нос рыбы особые раздвижные кольца, надеваемые на леску. Еще хуже, когда рыба начинает выпрыгивать из воды; так как семга делает почти двухметровые прыжки, то этот случай требует большой опытности и проворства; в момент прыжка необходимо спустить шнурок, сколько надо, и быстро намотать его при обратном падении. Но самый трудный случай, при котором рыба, б. ч. крупная, всего чаще срывается или обрывает леску, бывает, когда рыба начинает быстро мотать головой и трясет шнурок, так как тогда трудно решить, как надо поступать – спускать ли шнурок или его наматывать. Вообще ловля семги самая трудная из всех, и действительно немногие избранники могут назваться настоящими ловцами этой самой сильной, бойкой и вкусной рыбы.

Совсем утомившуюся рыбу вытаскивают или сачком, обыкновенно складным на длинной (2,1–2,8 м) рукоятке, или при помощи особого багорчика на шарнире, который позволяет пригнуть жало крючка к стержню; крюк этот ввинчивается в рукоятку. Английские спортсмены большей частью имеют для вытаскивания рыбы из воды особого помощника.

Если желают сохранить рыбу живой, то лучше всего посадить ее на пеньковый кукан, который продевается, однако, не через пасть под жабру, как обыкновенно, а через обе жабры, поверх языка; бечевка затем связывается у подбородка, и рыбу пускают в ту же воду, где она была поймана, но в затишье и в укромном месте, привязав свободный конец к кусту. В холодной ключевой воде лосось засыпает гораздо скорее, чем в обыкновенной речной. Этот способ сохранения рыбы живой самый лучший, так как она может гораздо свободнее дышать, чем на обыкновенном кукане.

Таймень *Salmo trutta* L

Рыба эта во многих отношениях составляет как бы переход от лососей к форелям. К первым она приближается своей величиной и образом жизни, ко вторым – общим складом тела. Тело у тайменя толще, брусковатее, нежели у лосося, нос короче и тупее; пятна на теле крупнее, резче и правильнее распределены, и, кроме того, спинной плавник бывает почти всегда усеян продолговатыми темными пятнышками, расположенными в несколько рядов.

От форели таймень отличается более заостренными парными плавниками, продолговатой, особенно у старых, формой чешуи, голубовато-серой спиной, серебристо-белым цветом боков и брюха и более мелкими черноватыми пятнышками на жаберных крышках и боках туловища и серыми плавниками; у взрослых тайменей, так же как у лосося, развивается хрящеватый отросток на кончике нижней челюсти. Кроме того, таймень, подобно лососю, достигает весьма значительной величины, до 8—12 кг, и живет в морях и больших озерах, откуда только подымается в реки, иногда, впрочем, на весьма большие расстояния.

Распространение тайменя, которого можно назвать *озерным лососем*, по-видимому, одинаково с распространением лосося, но, вероятно, его нередко смешивают с последним или же (более мелких) с форелями. Сколько известно достоверно, эта рыба встречается в финляндских реках, в Неве, Нарове; находится также на постоянном жительстве в Ладожском и Онежском озерах, откуда входит в Свирь, Волхов, Сясь, Шую и некоторые другие реки. Кроме того, таймень находится тоже в Чудском озере, куда был пересажен в 1852 году. Вероятно, он встречается и во всех наших северных реках, но, по мнению Миддендорфа, там встречается сибирский тальмень (*Salmo fluviatilis*), который отличается главным образом по красному цвету заднепроходного, жирового и хвостового плавников и очень большой величиной. По Палласу, *Salmo fluviatilis* перешел из рек Обского бассейна через Яйву и Косьву в Каму, но в другом месте (Пут. ч. III, пол. 2, стр. 49) он сообщает, со слов рыбаков, что *стрелневый линь* пришел через р. Мыкву (впадающую в верхнюю Каму), которая весной соединяется будто с каким-то притоком Вычегды, берущим начало из одного и того же болота. И то и другое объяснение, принимая во внимание то, что таймень встречается в самых верховьях речек, совершенно правдоподобно.

Красуля, лень, под названием тальменя, известна во всей Западной и значительной части Восточной Сибири, где также встречается как в больших реках, так и в речках, достигая здесь громадной величины – до 48 (в Оби, по Потанину, также на Лене) и более килограммов (в Енисее, по Кривошапкину, до 54 кг, а по Третьякову – до 80 кг). 1,4-метр. таймень, по словам Потанина, весит не менее 32 кг. Впрочем, длина его не всегда соразмерна тяжести и в более кормных реках (напр., Сосьве) он гораздо толще, жирнее и тяжелее, чем в Вагране и Какве (на Урале). Вообще же он относительно гораздо тяжелее щуки. Огромные красули встречаются также и в некоторых заводских прудах Пермской и Уфимской губерний. Мне рассказывал один охотник, вполне заслуживающий доверия, что когда прорвало пруд Нязе-Петровского завода, то под Сергинским заводом видели трех огромных красул, длиной в 2,1 м, коих поймали нарочно заказанной острогой в 7,4 кг весом, с привязанным на веревке ведром. На Сосьве и Лозьве «лень» нередко достигает веса 24 и 32 кг. Еще в 1886 г., по свидетельству Янишевского, в небольшой горной речке близ Златоуста была поймана красуля в 19,6 кг.

Рис. 49. Таймень, кумжа

Недавние исследования Смита в Стокгольме показали, что сибирские тальмени – *S. fluviatilis* Палласа – чрезвычайно близки к дунайскому лососю (*S. hucho*⁷), который держится среднего и верхнего течения Дуная, нерестуя в нем весной и никогда не выходя в море. Тальмень тоже, как давно известно, нерестится весной и всю свою жизнь проводит в реке. Каким путем он мог проникнуть в Дунай – объяснить совершенно невозможно.

Образ жизни европейского тайменя известен нам исключительно по наблюдениям в Западной Европе, где некоторые ихтиологи разделяют его на два вида – озерного и проходного (*Trutta lacustris* и *Trutta trutta* у Зибольда), из коих первый иногда постоянно живет в горных озерах Западной Европы; но это, вероятно, только разность обыкновенного тайменя, которая мечет икру в озере.

По Геккелю, озерный таймень держится большую часть года на огромных глубинах и только утром и вечером выходит на поверхность и ловит мелкую рыбешку. Икру мечет он в небольших речках, предпочитая самые каменистые, избегаемые лососями. Нерестится он, по-видимому, весной и имеет беловатое мясо. Морской таймень, напротив, имеет мясо красноватое, мечет икру в ноябре и декабре (у нас, по наблюдениям Кесслера, в октябре), входит в реки гораздо ранее этого срока – еще летом, иногда не достигнув веса в 400 г. Перед началом нереста они выкапывают себе длинные и глубокие борозды, в которых мог бы свободно уместиться самец, и кладут здесь свои желтые яички, величиной с горошину; ямки эти отыскиваются потом другими самками, нерестящимися позднее. Сравнительно с озерным морской таймень отличается большей живучестью и, будучи вынут из воды, снёт не так скоро.

Что касается сибирского тальменя, то благодаря наблюдениям Потанина на Алтае, моим на Урале и некоторым другим отрывочным сведениям имеется возможность составить себе довольно полную картину жизни этой рыбы, замечательной своей величиной, силой и вкусом мяса.

Из этих наблюдений видно, что тальмень – рыба чисто пресноводная, вряд ли даже встречающаяся в море. Она круглый год живет в реке, каждый раз поднимаясь для нереста, иногда на значительное расстояние, на сотни верст от своего прежнего местопребывания, а затем скатываясь обратно. Во всех сибирских реках, впадающих в Ледовитый океан, тальмень вполне заменяет семгу, здесь не встречающуюся, а в небольших, быстрых и холодных горных речках – щуку. За исключением зимнего времени, он всегда избегает второстепенных течений, а выбирает самую стрежь, откуда и его название. Разница только в том, что днем тальмень стоит в глубоких местах, а ночью выходит на мели и перекаты. В заводских прудах на Урале он редок, так как не любит теплой воды и, вероятно, только заходит сюда из верховьев реки, где живет по глубоким ямам и бочагам, опять-таки в русле, а не в заливах. Глубокие и тинистые ямы у самого берега, с нависшими елями, составляют, по моим наблюдениям, его любимое местопребывание. Редко в одной яме живет по нескольку рыб, конечно, почти одинаковых размеров, но иногда, когда их поднимается много, в Вагране напр., замечали летом до двадцати штук в одном бочаге.

В течение дня тальмень держится на дне, прячась под затонувшими деревьями, и редко выходит на поверхность, разве затем, чтобы схватить упавшую мошкарку. Весьма интересно показание рыбаков, что тальмень в яме иногда издает звуки, похожие на урканье и слышные на расстоянии нескольких сажен (1 сажень равна 2,1 м). Напротив, ранним утром, на сол-

⁷ Относится теперь к другому роду – *Hucho hucho* (L.), а упоминаемый *S. fluviatilis* называется *Hucho taimen*. Ред.

нежном восходе, или вечером перед закатом можно видеть очень часто, как он играет и плещется на перекатах, хватая мелкую рыбешку. Не думаю, однако, чтоб тальмень был вполне ночной рыбой, как полагает Потанин, которому передавали, что таймень не выходит на мели раньше заката, а в лунные ночи даже пока не скроется луна. Кормится тальмень круглый год, за исключением времени нереста, по крайней мере он ловится на удочки и зимой. Главной пищей его служат мелкая рыба, больше хариусы, налимы и мелкие тальмени, лягушки, а также мыши. Крупные экземпляры глотают не только утят, но и взрослых уток (чаще всего делаются его добычей крохали и хохлатые чернети), даже гусей (по Третьякову), также и белок, нередко переплывающих через реки. Мелкие тальмени (годовалые?) кормятся и червями. Весьма возможно, что эти хищники, подобно многим другим рыбам, кормятся периодически; Потанин говорит, что они больше всего попадаются в новолуние, во время жора, и что в последней четверти желудка тальменей всегда бывают пусты.

Рис. 50. Таймень (с рисунка Либериha)

Ход тальменей для нереста начинается ранней весной, но, кажется, многие остаются на прежних местах. Вероятно они, как и другие лососевые, мечут икру не каждый год. В это время года тальмени встречаются в самых верховьях, в таких местах, куда позднее и не могут пробраться; перекаты и мели не составляют для них препятствия, и они легко перепрыгивают через небольшие водопады и завалы, весьма обыкновенные в северном Урале, а на мели перебираются так, что видна половина спины. Самцы многочисленнее самок, отличающихся толщиной, и икра выметывается на камнях. Икринки – величиной с горошину, темно-янтарного цвета (по Черепанову и Кривошапкину) и весьма малочисленны. По словам Самарина (см. выше), 16-килограммовый тальмень содержит будто только 400 с небольшим грамм икры, но, вероятно, это было летом. В алтайских горных реках нерест совершается еще в апреле, в реках же северного Урала – в мае (на Вагране около 9 мая). По наблюдениям Малышева в Тагиле, лень выходит из р. Тагил в небольшие речки в конце апреля и, положив икру, в половине мая скатывается обратно в Тагил.

Выметав икру, тальмени скатываются обыкновенно вниз и занимают свои летние места. Весьма возможно, что часть уральских тальменей доходит до Иртыша, но вероятно скатывание совершается весьма медленно. Потанин говорит, что эта рыба идет вниз уже в мае, но до августа еще держится в нижнем течении горных рек (Чарыше), притоков Оби, пока здесь от дождей не прибудет вода, если прибиль воды запоздает, то тальмень остается на месте. По замечанию местных жителей, он катится вниз (в Обь) в туман и чем он сильнее, особенно в дождь и листопад (ветер), тем рыбы катится больше.

Рис. 51. Дорожка (сверху и сбоку в 1/3 наст. велич.)

Зимует тальмень в тихих, хотя глубоких местах, а не быстринах, по крайней мере на Урале его ловят зимой на крючки (см. далее) там же, где и щук, а в Западной Сибири (Потанин) зимой он попадает по перволедью в невода, в курьях (заливах), т. е. когда еще русло не замерзло, причем стоит подо льдом.

По силе, быстроте движений и уму тальмень не имеет себе соперников в сибирских реках. Шестнадцатикилограммовый тальмень стаскивает рыбака с лодки и не может быть вытащен без посторонней помощи. Более крупные экземпляры хотя и упористее, но уже далеко не так бойки и поворотливы. Челюсти тальменя, усеянные большими и острыми зубами, необыкновенно сильны, так что он нередко перекусывает ими пополам нельму одинакового с ним роста. При ловле неводами тальмень выпрыгивает из воды почти отвесно на значительную высоту или же мчится большое расстояние сверх воды, едва касаясь ее брюхом и рикошетируя, подобно брошенному камню. Крупные рыбы легко, впрочем, пробивают невод, бросаясь в него с разбега. Рассказывают, что застигнутые врасплох тальмени стараются разорвать сеть, для чего набирают в пасть сети.

Лень ловится различными способами. Приманкой служит или мелкая плотва, или же насаживают на крючок по три червяка, но самая лучшая насадка для этой рыбы – лягушка, до которой «лень» большой охотник. Клев его не особенно верен, и он плохо заглатывает, так что часто срывается, но если попадется, то причиняет очень много хлопот; крупные тальмени всегда обрывают бечевку и никогда не достаются в добычу рыбаку. Зимой, наконец, ловят тальменя на блесну из прорубей и на жерлицы.

Самая интересная и оригинальная ловля тальменей, однако, ловля на «дорожку». Севернорусская дорожка несколько напоминает обыкновенную блесну, но имеет и некоторые отличия. Она состоит из 9—22-сантиметровой железной, реже медной пластинки с небольшим выгибом на переднем конце, где просверливается небольшое отверстие; на другом конце припаян крючок и привязан кусочек красного сукна или другой материи. Приготовление хорошей дорожки, несмотря на всю простоту ее, требует, однако, большого искусства: при неверном центре тяжести она плывет не горизонтально-плашмя, крючком книзу, а несколько наискось и неверно колеблется – «играет»; поэтому хорошая дорожка ценится рыбаками весьма дорого, и счастливый обладатель таковой не продаст ее и за несколько рублей. Самая ловля производится всегда в лодке, на ходу, так как только тогда дорожка, поворачиваясь с боку на бок, принимает некоторое подобие рыбы. В переднее отверстие дорожки продевается длинная и крепкая бечевка, до 20 и более метров, смотря, впрочем, по быстроте течения, так как необходимо, чтобы она плыла не глубже 0,7 м. Рыбак садится в корму и тихо и мерно гребет, постепенно спуская веревку; затем, вытравив ее до надлежащей длины, захватывает конец зубами и закладывает за ухо. Осторожно, едва шевеля веслом, плывет он мимо бочагов и крутояров; мерно колеблется шнурок, передавая свое сотрясение уху – верный признак, что дорожка играет как следует. Тальмень, завидев ее, бросается стрелой, хватая с разбега и большей частью сам себя подсекает. Случается, что крупная рыба оставившая плывущий челнок и вырывает бечевку из зубов или же обрывает ее. Кроме того, тальмень часто срывается, особенно если крючок зацепил его только за губу; но это небольшая беда: стоит еще раз проехать тем же местом и можно быть уверенным, разумеется при хорошем клеве, что он еще раз бросится на приманку. Всего успешнее ловля на дорожку по утрам и вечерам, в конце лета и осенью в малую воду. По всей вероятности, тальменя можно ловить способами, употребляемыми для ужения семги, даже с большим успехом, так как он менее осторожен. Я не раз наблюдал, как он хватал падавших на воду насекомых.

Рис. 52. Насаженная животь

В Верхотурском уезде, Пермской губернии, ловят тальменей также зимой, как щук, способом, напоминающим волжские «дурилки» или зимние жерлицы, которые будут описаны далее (см. щука). Ловля эта, называемая *крюченьем*, начинается с ноября, как только

уральские реки покроются достаточно прочным льдом; но большинство местных рыбаков предпочитает крючить в конце января или в начале февраля, после сильных декабрьских и январских морозов, так как всего удобнее ловить в теплую и ясную погоду. Но еще прежде, до замерзания воды, ловцы запасаются «животью», т. е. живцами – ельцом, сорогой (плотвой), а в крайности мелким окунем, которых держат всю зиму в продырявленных ящиках, погружаемых с помощью камней на глубоких местах. Отправляясь на ловлю, рыбак берет с собой десятка 2–4 животи, крюки, мелкую сенную труху в мешке и пешню с лопатой. Животей стараются не заморозить и поэтому окутывают сосуд чем-нибудь теплым и по приезде на место немедленно продавливают т. н. ледянку (небольшую яму во льду, на дне которой делают маленькое отверстие – около 4,5 см диаметром – для свободного доступа свежей воды), куда и опускают рыбу, наблюдая за тем, чтобы ледянка не покрылась льдом. Затем, тут же, всегда в курях, т. е. ямах, делают 5—10 прорубей, диаметром от 25 до 33 см, цилиндрической формы с закругленными нижними краями, чтобы пойманная рыба не могла перерезать шнурка. Вынутый из проруби мелкий лед сгребают в пирамидальную кучу, в которую втыкают, под углом 45° к поверхности воды, тоненький гибкий прутик, длиной до 36 см, так, чтобы выставившийся конец был не более 18 см и согнувшись, при поклевке, не касался противоположного края проруби; если же время стоит теплое и прутик не держится в кучке, то употребляют надколотую деревянную плашку, вставляя прутик в надкол.

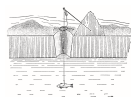

Рис. 53. Снаряд для ловли тайменя

Самая снасть состоит из мотылька – дощечки вершков 8 (около 33 см) длиной, мотушки голландского шнура, с движущимся по нем кусочком черного сукна и изогнутого крючка с ушком местного приготовления (из мягкой стали или телеграфной проволоки). Крюк этот вводят под кожу живца, начиная от хвоста почти до жабр, что делается весьма тщательно, чтобы не повредить мясо или внутренности. Измерив глубину, опускают наживленный крюк в прорубь, почти к самому дну. На шнуре делают петлю, придвигают к ней суконышко (чтобы видеть издали, когда клюнет рыба и сдернет шнурок с прутика), надевают на прутик петлю так, чтобы рыба могла сорвать его без малейшего усилия и не наколоться. Впрочем, тальмень так жаден, что хватает живца и несколько раз наколовшись. Затем прорубь засыпают слоем трухи, около пальца толщины, оставшийся шнур, спустив с мотылька, укладывают кольцами около проруби, так, чтобы попавшаяся рыба свободно могла стащить его в прорубь; оставляется он на том основании, что тальмень и особенно щука не сразу заглатывают живца, а, постепенно удаляясь от проруби, тащат и шнур за собой. Выбор момента подсечки и составляет трудность этого рода охоты. Расставив таким образом крюки, рыбак выбирает более подходящее место, с которого были бы видны все, и, разложив огонь (б. ч. в большом железном ковше), зорко наблюдает за своими снастями и как только заметит, что на одном из прутиков суконышка не видно, стремглав бежит к проруби и, выбрав время, подсекает рыбу.

Палья *Salvelinus lepechini* (Gmelin)

Эта рыба, еще недавно, лет 20 назад, исследованная проф. Кесслером, имеет весьма ограниченное распространение в России. Палья – рыба глубоких озер и встречается у нас только в некоторых финляндских озерах, в Ладожском, и то исключительно в северной его части, в Онежском и немногих других озерах Олонецкой губ. В Западной Европе она водится в горных озерах Тироля, Швейцарии, Шотландии и Швеции.

Большинство прионежских рыбаков отличает две породы этой рыбы, именно *палью лудожную*, или *лудную*, и *палью кряжевую*. Первая, по их словам, светлее, с красноватыми или беловатыми плавниками, отличается большой головой, имеет мясо мягкое, рассыпчатое, держится на меньшей глубине, нерестует осенью, по лудожьям и пескам, особенно по лудам, состоящим из мелких камешков, и доходит весом до 5,7 и даже до 7,4 кг; вторая, по их показаниям, бывает темнее, имеет серые плавники почти одного цвета с «корой» тела, сравнительно небольшую голову, отличается мясом более плотным и красным, живет на огромной глубине, нерестует весной, а иногда вовсе не нерестует, и весит наичаще от 800 г до 2 кг, очень редко до 4 или 5 кг. Лудожная палья местами называется также *мягкой*, *красной*, или *красноперой* пальей. Красной называется она не от цвета мяса (которое, напротив, у нее белесоватое), а от цвета брюха. Кряжевая палья, иначе *кряжевка*, названа так потому, что держится на глубине около каменных кряжей и нерестует также около каменных луд. Эти две породы палий, различаемые онежскими рыбаками, очевидно соответствуют двум породам, принимаемым также на севере Ладожского озера, только лудожная и более мелкая называется у ладожан *нериусом*, а онежская кряжевая палья именуется *ямной*. Первая держится здесь обыкновенно на глубине от 4,2 до 10,5 м, имеет брюхо и плавники красноватые и доходит весом до 4,5 кг, а т. н. ямная живет на глубине от 52,5 до 170, даже 315 м (смотря по времени года), имеет плавники серые или беловатые и редко доходит весом до 3,4 кг. Конечно, весьма возможно, что одна порода палий произошла от другой, но приведенных отличий, если принять во внимание то обстоятельство, что кряжевая палья, по показаниям онежских рыбаков, нерестует весной, а не осенью, достаточно для того, чтобы считать их особыми видами. Вопрос этот во всяком случае требует дальнейших исследований, так как настоящих кряжевых палий, которые ловятся значительно реже, не видел, по-видимому, и сам проф. Кесслер.

Рис. 54. Палья (по А. Либерику)

Вообще же палья подлежит весьма большим изменениям не только в цвете тела и плавников, но даже в форме головы. Бока туловища бывают голубовато-серого цвета, который на брюхе постепенно переходит в беловатый, желтоватый или красноватый, иногда даже в яркий розово-красный. Голова всегда темнее туловища. Непарные плавники почти всегда зеленовато- или буровато-серые, к вершине черноватые; спинной плавник притом часто с неясными темными пятнышками, заднепроходный с более или менее красным оттенком, а передний край заднепроходного почти всегда бывает белый или белесоватый. Парные же плавники всегда более или менее согласуются с цветом брюха. Судя по всему, самые красивые и самые краснобрюхие пальи встречаются не во время нереста, напротив, по показаниям онежских рыбаков, это бывают всегда холостые неделимые. Такая яловая палья называется некоторыми *простой*, или *красной*, попадаетея чаще и никогда не имеет икры. *Гонцами*,

вероятно, называют здесь яловых самцов; эти гонцы отличаются худобой тела, вследствие чего кажутся длинными и толстоголовыми. Самцы пальи – «мужики», как называют их онежские рыбаки, имеют притом относительно большую голову и бывают обыкновенно относительно крупнее (?) «маток». Впрочем, следует заметить, что вообще у пальи относительная величина головы не уменьшается с возрастом, как у других рыб, а скорее увеличивается.

Судя по многочисленности яловых неделимых, следует прийти к заключению, что не все пальи нерестуют каждый год, а проходит иногда два года и более от одного нереста пальи до другого. Кроме того, надо полагать, что икра этой рыбы не вся сразу достигает зрелости, так что нерест ее должен продолжаться весьма значительное время. Это можно заключить из того, что у пальи, пойманных в октябре, проф. Кесслер замечал зрелую, крупную икру и в то же время очень мелкую.

Нерестится палья около покрова, по каменным лудам и крупнопесчанистым отмелям. Икра ее относительно немногочисленна (от 10 до 30 тысяч, по Бенеке), но зато крупна, именно величиной с горошину (4–5 мм). Развитие ее должно идти очень быстро, сравнительно с икрой других нерестующих осенью рыб, и, по-видимому, кончается в том же году, так как молоденькие рыбешки, меньше пальца длиной, по показаниям рыбаков, ловятся зимой во множестве подо льдом.

Вообще палья любит холодную и стоячую воду, а потому живет исключительно на больших озерных глубинах, где температура воды почти во всякое время года остается одинаковой. Это чисто озерная рыба, которая только крайне редко и случайно замечается в реках (напр., в Суне, и то только один раз), и показание Лепехина, что она водится в горных потоках Олонецкой губ., вероятно, вызвано какой-либо ошибкой.

Главный лов пальи производится не в Ладожском, а в Онежском озере, где она распространена повсеместно и где даже два острова (Паль-остров и Пальяк) получили от нее свое название. Ловят ее с 15 августа до начала октября, главным образом во время нереста, – неводами, в другое время (летом) – на глубокие донные масельги, наживленные корюшкой.

Главную пищу пальи, даже мелкой, составляют различные рыбы, особенно ряпушка и корюшка, также водяные жуки и рачки, чаще всего различные виды бокоплавов (*Gammarus* – мормыш на уральских озерах), весьма многочисленные в Ладожском и Онежском озерах.

Как крупная, так и мелкая палья все лето держится на глубинах, очень редко выходя на мелкие каменистые места и то, по-видимому, только потому, что ее в это время года крайне беспокоят наружные паразиты, встречающиеся на палье чрезвычайно часто и в большом количестве. Почти нет пальи, у которой нельзя было бы найти несколько штук паразитных рачков из р. лернеоподов (*Lerneopoda salmonea*) на различных частях ее тела, на плавниках, на внутренней стороне жаберных крышек и на самых жабрах, даже на чешуе. Всего охотнее эти рачки присасываются к нижним плавникам, особенно к грудным, где их часто можно найти до десятка и более. Кроме того, к брюху и плавникам (б. ч. заднепроходному) присасываются рыбы-пиявки (*Acanthobdella pelidina*). Эти паразиты очень хорошо известны рыбакам, по свидетельству которых иногда совершенно разъедают плавники пальи. Рыбаки рассказывают, что палья, мучимая своими паразитами, нарочно поднимается из глубины, подходит к кряжам и старается всячески, посредством теплой (!) воды и трения, избавиться от них. Кроме того, многочисленные желудочные придатки пальи бывают набиты битком ленточными глистами (особенно *Bothrioccephalus proboscideus*, который водится и в других сродных рыбах – лососе и таймене). Без всякого сомнения этому обстоятельству следует приписать мягкость и непрочность мяса пальи.

Вообще мясо пальи всегда бывает мягче и рассыпчатее, нежели мясо лосося и особенно сига, а вследствие того менее прочно и пригодно для сохранения. По той же причине палья, по мнению знатоков, хороша для пирога, но не годится для ухи. Рыба эта привозится

в Петербург только осенью и зимой живой в садках или мороженой и, по-видимому, нигде не готовится впрок солением и копчением.

* * *

Что касается ужения пальи, то у нас, кажется, ее нигде не ловят на удочку, если не считать ручного лова ее на Выг-озере и Сег-озере, где, по свидетельству Гомилевского, ее удят на крючок в 22 см (?) длины, вделанный в оловянную лопаточку овальной формы и весом в 400 г. Леса, метров в сорок длиной, привязывается к отверстию, проделанному в лопаточке, и опускается на глубину, причем на крючок насаживается (?) ряпушка или корюшка: леску держат в руках, без удильника. В озерах Западной Европы палья (или очень близкий к ней вид) тоже ловится на удочку весьма редко, по той же причине, т. е. почти постоянному пребыванию на огромных глубинах. Только в ветер и дождь, когда палья выходит на поверхность, она попадает иногда на больших семговых мух; всего удобнее ловить ее на дорожку или на живую, тоже мертвую, рыбку, которую спускают в полводы или глубже, за лодкой, или же ловят на рыбку, как на блесну, опуская и приподнимая ее. Так как палья, в противоположность форели, держится большими стаями и вообще ведет более общественный образ жизни, чем другие, близкие к ней виды, то ловля эта может быть довольно добычлива. В горных баварских озерах, по словам Бишофа, палью (собственно *Salmo umbla*) ловят преимущественно на плавающее подпуск с бочонком вместо поплавка, к которому прикреплена крепкая бечевка до 210 м длины; на расстоянии каждых 6,3–8,4 м этой бечевы привязываются, когда опускают подпуск в воду, короткие (в 30,5 см) поводки с двойными крючками; поводок предварительно продевают, при помощи иглы, рыбке через рот в задний проход, так, чтобы крючок торчал изо рта. Верхняя насадка должна быть на 12,6 м от поверхности. Весь этот снаряд пускается на волю ветра, причем бечева принимает косвенное положение. При другом способе насадкой здесь служит живая рыба, пускаемая на очень длинной бечевке, привязанной к доске, бочонку или пузырю; рыба насаживается на двойной крючок без бородки, который продевается с поводком за жабрами, сбоку, при помощи иглы, под кожу, так что поводок выходит наружу у заднепроходного плавника тоже сбоку туловища.

Несмотря на то что палья живет почти исключительно в глубоких озерах, в последнее время ее стали содержать во многих ключевых прудах Австрии и Баварии, и здесь она очень легко уживается, чрезвычайно скоро откармливается мясом рыб и млекопитающих, изрезанным на кусочки, но почти никогда не плодится, почему ее приходится разводить искусственно, доставая племенные экземпляры или оплодотворенную икру из больших озер. Палья – рыба общительная и смирная, далеко не так хищна, как лосось и форель, и потому может жить везде с рыбами других пород и разных возрастов. Ублюдки пальи с форелью и лососем отличаются превосходным вкусом и растут чрезвычайно быстро.

Форель

Salmo trutta morpha fario L

Эта рыба имеет в Европейской России гораздо большее распространение, нежели предыдущий вид. Впрочем, распространение форели заметно суживается: возрастающее население мало-помалу вытесняет ее, и она исчезла уже из многих речек, где еще не так давно была довольно обыкновенна, или удалилась в самые верховья.

Рис. 55. Форель

На рисунке изображены, кроме общего вида рыбы: небо, кошник, поперечный разрез тела и чешуя (увелич.)

Пеструшка очень красива, и это название дано ей весьма удачно: она вся испещрена красными, черными и белыми крапинами, так что вообще гораздо пестрее тайменя. Кроме того, она сложена заметно плотнее и кажется шире и плосче последнего; нос у нее тупой и только у очень крупных самцов, отличающихся своим более удлиненным рылом и более ярким цветом тела, образуется на кончике нижней челюсти небольшой хрящеватый крючок; парные плавники приметно более закруглены, чем у тайменя, и чешуйки всегда имеют кругловатую форму. Наконец, пеструшка никогда не лошает, живет постоянно в реках и, несмотря на бесчисленные изменения в цвете, всегда бывает темнее тайменя: спина у нее большей частью бурая или буровато-зеленая, бока туловища желтые или желтоватые, плавники желтовато-серые, красные пятна на туловище наичаще находятся вдоль боковой линии или по сторонам ее и нередко имеют голубую каемку. Впрочем, случается иногда, что красных пятен совсем недостает или, наоборот, не бывает черных и остаются только красные крапины. Спинной плавник также почти постоянно бывает усеян черными и красными пятнышками.

Вообще же цвет форели находится в очень большой зависимости от цвета воды и почвы, от пищи и даже времени года, так как во время нереста он бывает значительно темнее. Замечено, что в известковой воде форели всегда светлее и серебристее, а в речках, текущих по илистому или торфяному дну, они бывают очень темного цвета. Первые у немцев известны под названием каменной форели (*Steinforelle*); к этой разновидности принадлежит, напр., известная гатчинская форель (из р. Ижоры), светлая, почти совершенно серебряная, с светло-коричневой спиной и белым, слегка желтоватым брюхом. Мясо этих форелей почти совершенно белое, только у крупных светло-розовое, тогда как у ямбургских темное, а у мелких розовое. Ямбургская форель гораздо темнее цветом, и пятен на ней меньше, и расположены они неправильно. По наблюдениям английских рыбоводов, форели, питающиеся насекомыми, имеют красноватые плавники и больше красных пятен, а форели, питающиеся мелкой рыбой, — большее число черных пятен. Считается также за правило, что чем сытее форель, тем она одноцветнее, пятна менее заметны, спина становится толще, голова меньше, а мясо принимает желтоватый или красноватый оттенок. Из опытов известно, что мясо форели краснеет с уменьшением количества кислорода в воде. В одном из торфянистых шотландских озер водятся даже форели с темно-красным мясом. Самцы отличаются от самок относительной величиной головы и бо́льшим числом зубов; у старых самцов конец

нижней челюсти иногда загибается кверху, как у семги. Кроме того, самки всегда сравнительно крупнее.

Что касается величины форели, то хотя последняя никогда не достигает размеров семги и тальменя, но при исключительно благоприятных условиях вырастает до 1 м длины и 12,3, даже более, килограммов веса. Вместе с тем во многих горных речках и в ручьях, текущих на большой высоте, форели бывают ростом не свыше 20 см, так что едва ли найдется другая порода рыб с такими значительными колебаниями в росте. В большинстве случаев форель имеет в длину около 25–38 см и весит 400–800 г. Вообще же величина форели находится в зависимости от величины обитаемого ею бассейна, обуславливающего обилие пищи. При благоприятных условиях, т. е. при обилии корма, форель растет очень быстро и 2-х лет достигает половой зрелости.

Коренное местопребывание форели – Западная Европа. Здесь она встречается почти всюду, кроме больших рек. У нас же форель имеет сравнительно весьма ограниченное распространение и встречается, можно сказать, спорадически, т. е. местами. Всего обыкновеннее она в северо-западной России, в родниковых речках бассейна Балтийского моря; в Черноморском бассейне она встречается в немногих ручьях Подольской и Волынской губерний (напр., в ручье, впадающем в р. Ушицу при с. Кужелеве) и во всех крымских и кавказских речках. В Каспийском бассейне (кроме кавказских и персидских рек) форель всего известнее в притоках Камы и очень редка в притоках собственно Волги. В северной России, т. е. в реках, впадающих в Белое и Ледовитое моря, а также во всей Сибири форели нет вовсе, и она появляется только в Средней Азии, начиная с верховьев Амударьи.

Причина ограниченного распространения форели в России, по моему мнению, заключается в том, что форель, собственно говоря, жительница горных, притом почти незамерзающих речек с холодной водой, где не могут жить никакие другие хищники, с которыми она никоим образом конкурировать не может. Наши русские реки и речки текут медленно, воды их мутны и весной разливаются на огромное пространство, унося выклюнувшуюся, еще не окрепшую молодежь, а зимой, в то время, когда форель только начинает метать икру, покрываются льдом. Налим и щука водятся у нас чуть не в ручьях, так что для форели остаются только самые верховья немногих чисто родниковых, никогда не замерзающих речек, где еще нет щук и окуней. С такими плодовитыми хищниками форели не под силу бороться за существование. А так как у нас очень мало таких вод, где бы не было щук, налимов и окуней, то это следует иметь в виду и не особенно увлекаться культурой форели, т. е. не разводить ее напрасно, в качестве дорогого корма для дешевой рыбы. Хотя западноевропейские рыбоводы и уверяют, что форель совершенно не чувствительна к мутности воды, даже может жить в родниковых ямах, наполненных навозной жижей, что они выносят очень теплую воду (до 26° R), но тем не менее, быть может в силу упомянутой конкуренции, эта рыба у нас может жить или в верховьях родниковых речек, или в нарочно для нее выкопанных родниковых прудах. Точно так же и за границей всем известно, что форель тем изобильнее в данной речке, чем последняя изобильнее ключами; поэтому речки, текущие в меловых и известковых формациях, отличающихся богатством подпочвенных вод, всегда богаче форелями, по наблюдениям английских рыболовов, только в таких речках не замечается уменьшения форелей. Очень холодная вода, заключая в себе мало пищи, именно червей и насекомых, правда, сильно задерживает рост форели, но они тут по крайней мере в совершенной безопасности. Американские рыбоводы считают температуру (летнюю) в 9°R неблагоприятной для роста форели, а самой выгодной для нее – температуру до 16° и не свыше 18°. Во всяком случае форель не любит резких перемен температуры и это, вместе с продолжительностью наших зим, одна из причин ее редкости в русских водах. Ранняя зима заставляет форель нереститься ранее, чем в Западной Европе, – в октябре, даже сентябре, так что разви-

тие икры сильно замедляется и неминуемо уменьшается процент благополучно выведшейся молоди.

Образ жизни форели, благодаря значению ее для рыбоводства и для ужения, а также прозрачности вод, ею обитаемых, довольно хорошо исследован. Зимой, после нереста, форель скатывается вниз и держится поблизости родников, в глубоких местах реки – бочагах, на самом дне, и, по-видимому, питается больше мелкой рыбой, именно гольянами – постоянными ее спутниками, вместе с гольцом и подкаменщиком. Впрочем, мелкая форель, не достигшая 400 г веса, редко бывает хищной и, кажется, подобно особям, не достигшим зрелости, кормится икрой, выметанной взрослыми рыбами, разыскивая ее в хряще, на перекатах. Весенняя мутная вода, так же как и паводки, заставляет форель держаться крутого берега и даже забиваться под него; в это время главную пищу ее составляют земляные черви, вымываемые из почвы ручьями. Но едва оденется лес, появятся крылатые насекомые, форели занимают свои летние места. Самые крупные экземпляры держатся под водопадами, в омутах, под мельничными колесами или в омуточках, лежащих на поворотах реки, где течение ударяет в берег, образуя водоворот, также близ впадения ручьев; эти форели живут здесь оседло иногда до глубокой осени, притом в одиночку и питаются главным образом мелкой рыбой, выжидая ее под каким-либо прикрытием: корягой, камнем, под корнями деревьев. Мелкие форели держатся каменистых перекатов, стоя здесь небольшими стайками, они постоянно кочуют с одного места на другое, большей частью поднимаясь вверх по течению, особенно после сильного дождя и, следовательно, паводка. Чтобы не утомляться, форель стоит здесь иногда за большим камнем, где течение менее сильно.

Главную пищу форелей составляют крылатые насекомые: мошкара, различные жуки, мухи и кузнечики, падающие в воду, также личинки. Проворство и ловкость, с которыми они ловят насекомых, достойны удивления: они часто хватают их на лету, прежде чем упадут в воду. Ловля эта продолжается почти весь день, кроме середины дня и середины ночи. Кормятся форели главным образом ранним утром и под вечер или, вернее, в это время они бывают всего голоднее. Самую обильную пищу доставляет им ветер, стряхивающий с прибрежных деревьев и кустов массу насекомых. По той же причине форель, обыкновенно держащаяся в полводы, в грозу всегда плавает на поверхности. Только град заставляет ее уходить в глубину, ложиться на дно и не выходить из своего убежища еще несколько часов после того, как пройдет градовая туча. Для форелей, более чем для какой-либо другой рыбы, необходимо, чтобы река не текла в голых берегах, тем более, что деревья доставляют им крайне необходимую тень и прохладу. В сильные жары, если вода нагревается свыше 15°, все форели держатся около ключей, родников и у устьев мелких ручьев или же забиваются под корни, камни, в норы, приходя в некоторого рода оцепенение. В это время их нетрудно ловить руками, как налимов и пр. рыбу; рассказывают даже, что она любит, когда ее гладят рукой, и не делает никаких попыток к бегству. В такую погоду форель, по-видимому, ничего не ест; говорят, что она также не бродит и не кормится в лунные ночи, но это еще требует подтверждения.

Вообще же она ест почти круглый год и может быть причислена к самым прожорливым и быстро растущим рыбам, с самым быстрым пищеварением. Один из досужих французских рыбоводов вычислил, неизвестно каким методом, что для того, чтобы достигнуть веса одного килограмма, форель должна съесть 10 кг мелкой рыбы. Между тем достоверно известно, что форель, при благоприятных условиях, съедает в день количество пищи равное $\frac{2}{3}$ веса ее тела. Во время нереста гольянов форели поедают их в таком множестве, что кажутся набитыми ими. Jourdeuil рассказывает, что им была поймана на гольяна форель немного более 200 г, в желудке которой было найдено 47, частью уже переварившихся, гольянов! Последние исследования американских рыбоводов показали, однако, что всего быстрее растут форели, в изобилии питающиеся мухами, вообще летающими насекомыми, а не рыбой.

К концу лета, а в сильные жары при нагревании воды, и ранее форель, особенно мелкая, начинает понемногу подниматься все выше и выше по реке. В притоках Кубани начало подъема, по-видимому, совпадает с группированием форелей в стайки в половине августа; общественную жизнь они ведут здесь до половины октября, т. е., вероятно, до окончания нереста. При своем подъеме эти сильные рыбы легко преодолевают такие препятствия и стремнины, которые совершенно не по силам всякой другой рыбе, кроме лосося и тайменя. Они делают прыжки до 1,4 м; согнувшись в дугу и оперевшись хвостом о камень или какой другой твердый предмет, форель в несколько приемов, выбрав место сбоку, потише, взбирается на водопады до 4,2 м высотой, при падении в 45°. При этом они выказывают изумительную настойчивость и при неудачной попытке возобновляют ее несколько раз. В это время они бывают так заняты своей задачей, что теряют обычную осторожность и их легко поймать простым сачком.

Время нереста различно, смотря по широте местности, абсолютной высоте над уровнем моря и температуре воды. Вообще чем севернее местность и чем холоднее вода, тем нерест начинается ранее, иногда в половине сентября; в Западной Европе он иногда замедляется до зимы, до конца января, даже (во Франции) до конца февраля (нов. стиля). У нас форели в притоках Кубани нерестятся б. ч. в октябре: в Петербургской губ. т. н. гатчинская форель мечет икру с половины сентября до конца октября, тогда как ямбургская гораздо позднее – в декабре и до половины января (Либериx). В одном и том же определенном районе все форели как мелкие, так и крупные выметывают икру в продолжение месяца с небольшим, причем каждая особь нерестится в несколько приемов в течение 7–8 и более дней. Замечено, что форели трутся главным образом начиная с заката солнца до совершенной темноты, затем утром перед рассветом, но уже не так энергично. По некоторым наблюдениям, форели выбирают для нереста преимущественно лунные ночи.

Половой зрелости достигает форель обыкновенно в 3-летнем возрасте, но очень часто двухлетние самцы заключают в себе зрелые молоки; икряники же этого возраста встречаются только при исключительно благоприятных условиях роста и питания. Последние исследования показали, что пеструшки мечут икру не ежегодно, как думали прежде, а через год; по-видимому, холостые молошники встречаются реже холостых икряников. Холостых форелей не следует смешивать с бесплодными, т. е. яловыми, которые отличаются сильно укороченным туловищем и небольшой головой.

Количество икры у форели сравнительно незначительно и только у очень крупных экземпляров достигает нескольких тысяч. Обыкновенный восьмьсотграммовый, т. е. 4–5-летний, икряник заключает до 1000 яиц; 3-летний – около 500; 2-летний – 200. В горных, малокормных речках, находящихся на большой высоте, встречаются форельки, вероятно 3-летние, в 12 см длиной и с 80 икринками. Во время нереста и, кажется, до его наступления пеструшки в значительной мере утрачивают свою красоту, именно получают темный, грязно-серый цвет, не исключая живота, а красные пятна теряют яркость и у иных даже совершенно исчезают.

Самый нерест производится на перекатах, иногда настолько мелких, что видны спины трущихся рыб, однако не на самой стреже, а где течение слабее, т. е. большей частью ближе к берегу. При этом форели выбирают перекааты с каменистым дном, именно: усеянным гравием – галькой от лесного ореха до куриного яйца; реже нерестятся они в крупных камнях или плитняке, также на хрящеватом, а тем более на мелкопесчаном дне. Это предпочтение гравия обуславливается самым способом икрометания, почти таким же, как у семги. Самка хвостом и, частью, грудными плавниками выкапывает предварительно неглубокую продолговатую ямку, отгребая в сторону голыши, вместе с этим переворачиванием она очищает последние от грязи и водорослей, вредных для икры. В реках с плитняковым дном работа самки заключается только в этой очистке от травы и плесени; в р. Ижоре, например, место

нереста форели поэтому узнается по большому белому пятну, диаметром около 1,4 м, резко выделяющемуся на темном фоне. Там, где нет гальки, также во избежание дальнего подъема рыбы в места, более удобные для нереста, полезно сваливать на перекатах несколько возов голышей, устраивая таким образом искусственные икрометни, не тратясь на разные приборы, аппараты и приспособления для искусственного вывода икры.

Рис. 56. Молодая форелька (увелич.)

Хотя за каждой самкой следует по несколько самцов, вообще более многочисленных, и на удобных для нереста местах замечаются целые стаи этих рыб, но оплодотворение совершается всегда одним молошником с наиболее зрелыми половыми продуктами, а прочие самцы отгоняются. Едва только самка сложит несколько десятков икринок, как самец оплодотворяет их; вслед за этим самка заваливает ямку или, вернее, рытвинку, голышами, прикрывая ими икру, чем предохраняет последнюю от хищников и от опасности быть снесённой течением. Замечательно, что первое время яички крепко прилипают ко дну и теряют свою липкость по прошествии 30 минут, т. е. когда они прикрыты. Величина их весьма значительна — с мелкую горошину, на которую они походят и цветом. Впрочем, у форелей с красноватым мясом икринки бывают оранжевого или красноватого цвета.

Несмотря на то что икра так хорошо защищена, большая часть ее пропадает бесплодно. Главным образом истребляется она рыбами же, усердно ее разыскивающими, самые опасные враги ее — налимы и хариусы, а также сами форели, преимущественно молодые, еще не достигшие совершеннолетия; хотя нерестящиеся форели вовсе не принимают никакой пищи, т. е. около недели, но еще не выметавшие икру рыбы также охотно подбирают икру других форелей, нередко разгребая гальку, ее прикрывающую. Всего губительнее продолжительность срока развития икры, из которой молодь выклеывается не ранее как через 40 дней, а иногда через 2, даже 3 месяца. Кроме того, молодая форелька, обремененная громадным желточным мешком, который заменяет ей недостаток корма ранней весной, в течение 3–5 недель почти не двигается и избегает опасности только тем, что прячется между камнями. Убежища свои молодь оставляет, только уже несколько окрепнув, кажется, в середине или в конце весны она скатывается вниз, на более кормные и тихие места. Пища ее состоит главным образом из падающих в воду комаров, мелких личинок и затем поденок. При благоприятных условиях форель поздней осенью вырастает до 7–9 см, а в год, т. е. к весне, 9—14 см, иногда попадаются 22-сантиметровые двухлетние форели.

* * *

Форель относительно роста, бесспорно, самая сильная и бойкая из наших пресноводных рыб, а потому ужение ее требует большого искусства и навыка. Можно положительно сказать, что сила и осторожность этой рыбы, осторожность, зависящая, впрочем, от прозрачности вод, обитаемых форелью, послужили к изобретению ужения с катушкой и вообще ко всем многим усовершенствованиям в рыболовном спорте. Несомненно, что крупная и даже средняя форель не может быть поймана на муху и насекомое иначе как на тонкую леску, обуславливающую катушку, которая дает возможность с большим или меньшим сопротивлением отпустить рыбе количество шнура-лески, достаточное для ее утомления. Но и при других способах ужения, требующих несколько более грубой и крепкой снасти, катушка тоже не бесполезна. Вот почему там, где форель и лосось являются обыкновенными рыбами,

катушка, хотя иногда в весьма упрощенном виде, употребляется рыболовами. Финляндцы, например, ловят семгу, а иногда и форель, приделывая к цельному (березовому) удилищу с кольцами деревянную катушку. У нас же, собственно в России, тоже нельзя сказать, чтобы катушка вовсе была неизвестна и безусловно отвергалась рыболовами, так как блоки, прикрепленные к лодке (на Дону) для ловли крупных сомов, та же катушка.

Тем не менее последняя никогда не приобретет у нас полного права гражданства и никогда не будет настолько необходима, как за границей, прежде всего потому, что форель и семга редки и встречаются в немногих местностях; во-вторых, потому, что крупная рыба вообще у нас менее напугана и живет в крепких местах, где без расчистки ужение с катушкой немыслимо. Главное назначение катушки – в тот критический момент, когда леска близка к разрыву, дать рыбе хоть несколько аршин (один аршин равен приблизительно 71 см) – у нас в большинстве случаев выполняется гибким натуральным удилищем, волосяной леской, обладающей, если она свежа, по крайней мере вдесятеро большей растяжимостью, чем несмоленные, тем более смоленные шелковые лески, исключительно употребляемые для ужения с катушкой. А москворецкие рыболовы, едва ли не самые искусные в России, на свои усовершенствованные русские снасти с превосходными волосяными лесками ловят на четыре волоса рыбу, напр. шересперов, до 3-х, даже 4 кг весом, т. е. такую, которая могла бы оборвать малорастяжимую шелковую леску, выдерживающую втрое больший мертвый вес. Шелковые лески безусловно незаменимы только при катушке; при ужении без нее они хороши, когда очень крепки и не путаются; для ночной ловли на донную с коротким удильником хороши и правильно свитые или сплетенные, а потому не крутящиеся волосяные лески, бесспорно, пригоднее шелковых.

Независимо от высокого качества употребляемых у нас волосяных лесок мы имеем еще одно, весьма остроумное приспособление, отчасти заменяющее катушку и замечательное по своей простоте и целесообразности и еще ожидающее разработки, – это жерлица или, вернее, жерличная рогулька, совершенно не известная в Западной Европе. Хотя настоящая рогулька еще не употребляется для ужения, но принцип ее уже применен в мотыльках – зимних удильниках, при ловле подо льдом в отвес. Как мы видели, рыболов, если попалась крупная рыба, постепенно спускает с крючков мотылька запас лески, намотанной восьмеркой.

Все известные способы ужения форели могут быть разделены на три главные вида: 1) ужение на червя, 2) ужение на рыбку и, наконец, 3) ужение на насекомых.

Ужение на червя самый легкий, сподручный и, у нас в особенности, самый распространенный способ. Смотря по обстоятельствам, ловят с поплавком, но чаще без него, так как большей частью приходится ловить на мелких и быстрых местах. Ловля на червя, где река не замерзает, может производиться почти в течение целого года, кроме времени нереста, но всего удачнее бывает она в холодное время, весной и осенью; летом же форель хорошо берет на червя только в мутной воде, после дождей, однако не во время прибыли воды, а когда она начнет очищаться и сбывать. Но прежде чем перейти к описанию ужения форели на червя, рассмотрим снасти, при этом употребляемые.

Рис. 57. Стюартовская снасточка

Удилище может быть цельное, натуральное или складное, но во всяком случае оно должно быть крепко и гибко при небольшой тяжести (не более 400 г), так как приходится ежеминутно перебрасывать насадку. Поэтому длинных удильщиков стараются избегать, употребляя их только в крайности, напр. при ловле в более широких речках, с открытыми бере-

гами. Во Франции обыкновенно удят на цельные тростниковые удилища, от 3,5 до 6,3 м длиной, которые для большей крепости и ради предохранения от продольных трещин обклеивают очень тонкой ленточкой. Лучше, конечно, если удильник, цельный или складной, будет снабжен кольцами и приспособлением для прикрепления катушки, но если в данной местности нет крупной форели, то можно обойтись и без этих усовершенствований и усложнений. При ужении из-за деревьев и кустов достаточно, если удочка имеет в длину 2,1–2,8 м. Во всяком случае она не должна быть жидка, и хлестообразные удочки, употребляемые для ужения той же форели нахлыстом, здесь вовсе не годятся.

При ловле без катушки леска обыкновенно, для удобства закидывания, не должна много превышать длину удилища и может быть волосяной, но за границей употребляются только шелковые, преимущественно плетеные, очень тонкие при ловле с катушкой и довольно толстые при ужении без нее. К леске привязывается обыкновенным способом поводок с навязанным на него крючком. Поводок этот делается из одной жилки иногда толстой отборной, т. е. семожей, а там, где водятся крупные форели и ловят без катушки, даже из трех; лучше, иногда даже необходимо, чтобы он был окрашен под цвет воды, т. е. в серо-голубой, когда она прозрачна.

Размеры крючков зависят обыкновенно от величины рыбы и насадки; в этом отношении, как и в форме крючков, существует большое разногласие: одни советуют употреблять крупные (№ 00) крючки Кирби, а другие средние (№ 5 и 6) Лимерик без загиба, признаваемые первыми негодными. В последнее время для ловли форели стали употреблять луженые (или посеребренные), а также бронзированные крючки, менее заметные в прозрачной воде, чем обыкновенные. По всей вероятности, крупные крючки всего целесообразнее при ловле на выползка, а средние при ловле на навозного червя. Не так давно в Англии стали ловить форель на т. н. стюартовскую снасточку из 2 мелких крючков (№ 9—10), привязанных на одном поводке, в небольшом расстоянии один от другого. Поводок из баска, несмотря на зубастость форели, совершенно излишен, так как зубы эти, по своей величине, не могут перекусить или, вернее, перетереть поводка.

Грузило бывает различной тяжести, смотря по тому, как ловят, и сообразно глубине воды и силе течения. При ужении с поплавком оно должно, конечно, соответствовать последнему. Если же ловля производится на мелких и быстрых местах, а следовательно, без поплавка, то, как кажется, всего удобнее ловить с мелким грузом на песчаном, хрящевом или мелкокаменистом ложе и с тяжелым сквозным (пуля или обыкновенное оливкообразное просверленное грузило), когда на дне находятся большие камни и вообще задевы, не позволяющие ловлю с движущейся насадкой.

Поплавок, как сказано, удобен только в более глубокой и тихой воде или в водоворотах, под шлюзами. Во всяком случае, при осторожности форели и прозрачности воды, он не должен быть велик и окрашен в яркие цвета; лучше, если это будет кусочек пробки с закругленными углами или даже камыша и палки, чем красивый продажный поплавок. По всей вероятности, форель на перекатах можно ловить с большим успехом с самоогружающимся поплавком, как голавлей (см. далее), или (особенно на очень каменистых местах, где без поплавка крючок будет беспрестанно задевать) с очень легким поплавком, почти без груза (см. язв; ловля на пробочку), так, чтобы насадка шла по дну далеко впереди поплавка. При обыкновенной ловле поплавков ставится таким образом, чтобы насадка, т. е. червяк, плыла несколько выше дна, в глубоких же местах, где форель держится в полводы, иногда на 0,7 м от него.

Черви для насадки выбираются смотря по местности. Иногда форель лучше берет на мелкого червя, иногда на крупного, но вообще следует заметить, что по глухим речкам лучше ловить на обыкновенного земляного червя, живущего тут же в берегах и хорошо знакомого рыбе, которая здесь вовсе не знает красного навозного, а тем более большого червя

(глист, глистовка, выползок, бертыль, росовой, дождевой червь), который водится преимущественно в садах и огородах. Есть местности, где никакая рыба почти не берет на выползка. Насаживается червь на крючки соответственной величины, крупные на № 0 или 1–2, а простые земляные и навозные на 3–6, пониже головы, отпуская длинный хвостик, если форель не объедает червя. В последнем случае удобнее насаживать червя на стюартовскую снасточку из 2–3 небольших крючков. Червь предпочитается очищенный, т. е. лежалый и с пустыми внутренностями, так как такой крепче сидит на крючке и рыба охотнее его берет. В мутной воде, однако, по мнению многих иностранных авторов, лучше насаживать свежего, неочищенного и более вонючего червя, потому будто, что форель дальше его чувствует. Обоняние у рыб вообще гораздо сильнее развито, чем обыкновенно думают.

У нас, в России, большая часть форелей выуживается на червя и лишь небольшая часть на мушку. На Кавказе, именно в притоках Кубани, а также почти по всему Черноморскому побережью, казаки ловят форелей главным образом на куриные кишки (или разной дичи), обыкновенно в мутную воду, чуть ли не за недостатком червей. Кишечки, вероятно, могут служить хорошей насадкой и в других местах. В Западной Европе, местами, именно там, где форелей подкармливают (в форелевых прудах) всякой всячиной, эти рыбы делаются такими же всеядными, как карп или усач-мирон, и отлично берут на картофель, сало и т. п. Последнее время в Германии и Бельгии быстро распространяется один вид американской форели, т. н. радужной (*arc-en-ciel*), которая, превосходно уживаясь в теплой прудовой воде, предпочитает растительную пищу червям и насекомым и превосходно ловится на различные зерна.

Общие правила ловли форели на червя те же, как и для ужения на мушку. Главное, надо стараться прятаться за кусты или какую-нибудь защиту, во всяком случае избегать ярко цветных костюмов и не становиться таким образом, чтобы тень падала на воду, т. е. спиной к солнцу, а также не стучать и не шуметь, ходя по берегу. Надо всегда иметь в виду, что всякая рыба лучше слышит шум шагов через сотрясение берега, чем голос и другой шум. Понятное дело, когда вода очень мутна, нет такой надобности прятаться, а в ветреную погоду – соблюдать безусловную тишину. Так как форель рыба пугливая и не стайная, то, поймав на одном месте несколько штук, иногда 2–3, необходимо переходить на другое место, так что и эта ловля почти такая же ходовая, как и ужение нахлыстом: обудив известный район во всех направлениях, если не было поклевки, необходимо спуститься ниже по реке. Ловят почти всегда с берега, почти никогда с лодки и редко с мостов, плотин и шлюзов, под которыми форели, однако, очень любят держаться и бывают всего многочисленнее. Забрасывать насадку надо всегда немного выше того места, где замечено или предполагается присутствие рыбы.

Собственно говоря, существует три способа ловли форели на червя: без поплавка с легким грузилом, так, чтобы насадка волочилась по дну или плыла недалеко от него; без поплавка, опуская и поднимая насадку, и с поплавком. Первый способ употребляется на перекатах, остальные два в более глубокой и тихой воде – в ямах, под шлюзами и в омутках в извилинах реки. При ловле с берега и на мелком месте закидывают червя взмахом кисти, придерживая крючок с насадкой пальцами левой руки немного выше того места, где стоят; ужение в отвес производится большей частью из-за кустов (см. голавль) и в небольших речках или даже в ручьях. В озерах на червя (с поплавком) форель ловить не стоит, так как для успешной ловли надо закидывать очень далеко от берега.

Что касается *времени* ужения, то у нас, в России, форель берет на червя почти круглый год, кроме периода нереста и вскрытия рек. За границей же, напротив, клев форели на червя летом почти везде совершенно прекращается, и она в это время ловится только на муху (натуральную или искусственную). Всего лучше повсеместно форель идет на червя в апреле и мае, затем поздней осенью после нереста. В Петербургской губ. форель в конце августа собирается в бои, на перекаты, и перестает брать. Местами форель хорошо ловится и зимой,

из прорубей (на ямах), но зимнее ужение ее малоизвестно и малоупотребительно. Кажется, она лучше ловится ночью, с фонарем, в отвес и со дна. В Англии форель ловят поздней осенью и зимой на икринку лосося, насаженную на небольшой крючок. Ранней весной и поздней осенью форель также берет лучше со дна и в более глубоких и тихих местах, почему удобнее ее ловить с поплавком.

Как и следует ожидать, лучшее время для ужения форели на червя у нас – раннее утро до восхода и сумерки после заката. За границей и на юге вообще, где летние сумерки очень коротки, вечернее ужение непродолжительно и начинается часа за два до заката; точно так же утренний клев иногда продолжается до 10 ч. пополудни. На севере России, в мае и июне, форель, кажется, берет всю ночь, кроме полуночи.

Погода и состояние воды, как и всегда, имеют очень важное значение при ужении форели. Всего удачнее бывает оно в пасмурные, тихие дни, а также после дождей, но когда муть уже начинает проходить. Вообще в мутную воду можно ловить только на червя или на рыбку, а удить на муху поверху не стоит. Во время сильного дождя, когда вода очень мутна, форель держится под самым берегом, в заводях, и берет плохо. Когда же идет град, она впадает в оцепенение, забивается в норы и под камни и ее можно ловить руками. Весьма возможно, что это бывает с нею и при очень сильных ударах грома, но замечу кстати, что во время грозы она большей частью плавает на поверхности, имея обильную жатву в снесенных ветром на воду насекомых. По наблюдениям западноевропейских рыболовов, при сухих и холодных ветрах форель держится на дне, при влажных и теплых – на поверхности.

Поклевка форели на червя передается различно, смотря по местности и времени года. На перекатах и быстрине, также там, где форель не напугана и голодна, она хватается червя сразу, причем топит поплавок, а при ловле без него передает руке довольно сильный толчок; поэтому подсекать должно сейчас же. При более вялом клеве руке передается сначала более или менее резкий толчок, затем следует 2–3 удара и потяжка; при первом толчке удище необходимо поддать вперед или опустить; подсекать лучше не дожидаясь потяжки, потому что последняя означает, что форель совсем заглотала червя. При ловле на стюартовскую снасточку необходимо подсекать при первой же поклевке. Сытая и напуганная форель, особенно в речных омуточках и в прудах, берет гораздо осторожнее, чем на быстрине, и хватается насадку сбоку, зачастую, особенно при тяжелом поплавке, объедая ее. Подсекать тогда лучше всего, как только дрогнет поплавок.

Подсечка, при ловле на поплавок, должна быть довольно энергична; при ужении же без поплавка, особенно на быстрине, достаточно небольшого движения кисти, а при более резкой подсечке можно оборвать и крепкую леску. Не следует забывать, что форель самая сильная из наших рыб и что даже двухсотграммовая пеструшка оказывает весьма сильное сопротивление. Некоторые считают, что двухсотграммовая форель ходит на удочке так же бойко, как 1,2-килогр. хариус, т. е. вшестеро сильнее рыбы, тоже не из слабых. Подсеченная форель бросается стремительно в противоположную сторону и выскакивает из воды. Эти маневры особенно опасны бывают на перекатах, а потому ловля даже средней форели, около 400 г, на быстрине, без катушки, требует большого умения и сноровки. Приходится сплошь да рядом заменять катушку ногами, т. е. бегать за рыбой, а иногда даже и входить в воду. Нередко, кроме того, пойманная форель забивается под камень или запутывается в траве и тогда хлопот с ней бывает еще больше.

При ловле на каменистых быстринах крючок, задевая за камни, очень быстро тупится, а потому необходимо от времени до времени его подтачивать и для этого брать с собой мельчайший подпилоч (часовой) или брусочек, в карандаш шириной, из аспиды. Жилковые поводки тоже быстро здесь изнашиваются и мшятся.

Ужение на икринку лосося очень добычливо и теперь, кажется, в Англии запрещено. Всего употребительнее был этот способ в Шотландии. У Стоддарта (а у фон дем Борне в

извлечении) имеется очень подробное описание ловли форелей на лососевую икру. Автор советует заготавливать лососевую икру заблаговременно и впрок (солить), вырезывая ее осе- нью из самок лососей, незадолго до нереста, и очищая от пленок. Из раздавленной икры делается также нечто вроде теста, на которое форель идет очень хорошо, отчасти благодаря содержанию соли, которую очень любят все рыбы. Такая смесь вместе с тем служит пре- восходной притравой, на которую форель приходит с очень больших расстояний. Тесто это (величиной с конский боб) насаживается на небольшой крючок (№ 6–8), и так как оно плохо на нем держится, то закидывать его надо весьма осторожно.

Ужение на рыбку – живую, тем более искусственную – распространено у нас, пожа- луй, еще менее, чем ужение нахлыстом на насекомых. К тому же не везде форель и берет на эту насадку. Мелкая редко бывает хищной, а крупные форели водятся не везде и всегда редки. Но там, где их много, а пищи мало, напр. в Ропшинских прудах, они берут превос- ходно даже на кусочки рыбы. На искусственную или мертвую рыбу форель попадает еще реже и только в том случае, если приманка находится в сильном вращательном или колеба- тельном движении, т. е. или на очень сильном течении, напр. под шлюзами, или когда заки- дывают ее далеко от себя на глубине и потом притягивают к себе легкими толчками, т. е. способом, называемым *spinning*, описанным выше (см. «Лосось»). Ужение форели на искус- ственную металлическую рыбку со шлюзов производится так же, как и ужение шересперов (см. шереспер). Поэтому прибавлю только, что в большинстве случаев форель попадает на искусственную рыбку весной и осенью (поздней) и притом или в мутную воду, или же когда совсем стемнело, даже ночью. Кроме того, форель берет только на небольших искус- ственных рыбок, никак не более 9 см, притом на легкие лучше, чем на металлические. Всего жаднее она хватается пестренькие шелковые рыбки, изображающие голянов.

У женеvских рыболовов существует оригинальный способ ловли, несколько напоми- нающий ужение шереспера со шлюзов: они ловят с моста (вероятно, в истоках Роны из Женеvского озера), имея только большой блок, на котором намотано 300–400 м (т. е. до 560 аршин) бечевки. Насадку (искусственную рыбку или живца) спускают по течению, затем снова наматывают бечевку и т. д. По всей вероятности, ловят с поплавком. Впрочем, женеv- ские форели отличаются от обыкновенной «ручьеvвой» своей огромной величиной и другими особенностями.

Об ужении на живую рыбку тоже не стоит особенно распространяться. Живцом могут быть голян, пескарик и голец, иногда подкаменщик. Лучше всех голян, который хотя и не так крепко сидит и не так долго живет на крючке, но бойчее ходит и не забивается под камнями, как прочие. Местами форель недурно берет на небольшую уклею, но последняя очень хлипкая и гораздо скорее снет, чем голянычик. Насаживают большей частью за губу, на одиночный крючок № 1–4, привязанный к крепкому, но нетолстому жилковому поводку на карабинчике. Иногда, при неверном клеве в особенности, употребляют Джардиновскую снасточку с двумя двойниками и добавочными третьими крючками. Ловят на живца почти всегда с катушкой, и удилище должно быть довольно жестко, а шнурок толще, чем при ловле на червя, тем более на мушку. Можно удить с поплавком, но лучше без него, опуская и при- поднимая живца (в глубоких омутках) или пуская его по течению (на перекатах, под шлю- зами). При ловле с поплавком рыбку пускают в полводы и никак не глубже как на 18 см от дна. При ловле на одиночный крючок надо выждать, чтобы форель забрала живца; при Джардиновской снасточке подсечка должна следовать немедленно за поклевкой. В общем, ужение форели на живца мало различается от таковой же ловли лосося.

Рис. 58. Джардиновская снасточка

Перейдем теперь к описанию самого главного и наиболее интересного способа ловли форели – *ужению нахлыстом поверху* на живых и искусственных насекомых. Большая часть рыб очень лакомы до насекомых, падающих на поверхность воды, но из всех рыб форель, бесспорно, самая насекомоядная, так как большую часть теплого времени года держится в верхних слоях воды и кормится исключительно насекомыми. Рыболовы, конечно, давно заметили, что рыбы очень жадно хватают падающих в воду мух, кузнечиков, поденок и бабочек, а потому ловля поверху на насекомых практиковалась с незапамятных времен. Но ужение на легкую нетонущую насадку требовало тонкой и легкой лески. Обыкновенные речные рыбы, лакомые до насекомых, – голавль, язь и другие – сравнительно небойкие, легко могли быть вытаскиваемы на тонкие волосяные лески, без всяких приспособлений: но такие сильные рыбы, как форель, а тем более лосось, при первых же порывах легко рвали тонкие лески, волосяные и шелковые, особенно на быстрине. Следуя, в воде или берегом, направлению движений рыбы, можно было до известной степени ослабить сильные порывы ее и утомить добычу, но так как этот способ не всегда удобоприменим, то с давних времен, много столетий назад, рыболовы-удильщики Северной Европы, Великобритании и Скандинавии, изобилующих лососевыми, стали употреблять небольшое приспособление, которое давало возможность ловить рыбу на самые тонкие лески. Приспособление это – катушка, на которую наматывается более или менее значительный запас лески, так что последняя, по мере надобности, может удлиняться и укорачиваться, до совершенного утомления рыбы. Последняя, бросаясь стремглав после подсечки, сматывает с катушки леску, а так как на это сматывание требуется, смотря по обстоятельствам, более или менее значительное усилие, то рыба, раньше или позже, истощает свои силы и останавливается. Этим моментом усталости и пользуется рыболов, чтобы подтащить рыбу к себе, до нового ее порыва после передышки. До некоторой степени катушка представляет аналогию с нашей русской щучьей жерлицей, т. е. собственно рогулькой, на которую наматывается восьмеркой запас волосяной или бечевочной лески. Та и другая имеют одинаковое назначение – истощить силы рыбы сматыванием лески и этим предохранить последнюю от разрыва.

Рис. 59. Катушки

Первобытная *катушка* была очень груба и несовершенна. Такие катушки, в виде катушки из-под бумажных ниток, но большого размера и с приделанной сбоку рукояткой и теперь еще встречаются у английских рыболовов-простолюдинов и у финляндских крестьян. Спортсмены же употребляют преимущественно медные, реже – очень дорогие, но зато очень легкие, алюминиевые катушки; деревянные же преимущественно для одного способа ужения, называемого нотингэмским, который будет описан далее (см. мирон-усач). Обыкновенная катушка состоит из медного станка, прикрепленного к удилищу планкой; планка эта прикрепляется недалеко от комля удилища, большей частью вставляется в желобок и закрепляется здесь кольцами. Иногда вместо планки катушка снабжена кольцом, которое можно сузить или расширить посредством винта и надеть на толстый конец удилища. В станок вложена медная же шпулька, приводимая в движение рукояткой. Форма и величина катушек весьма разнообразна; есть катушки с трещоткой, тормозами, мультипликаторами и задвижками, но описание их заняло бы слишком много места.

Рис. 60. Форелевые мушки

Изобретение катушки послужило ко многим дальнейшим усовершенствованиям удочки. Прежде всего к удилищу стали приделывать кольца, через которые пропусклась леска; кольца эти прикреплялись на известных расстояниях и имели целью облегчить правильное сматывание лески с катушки и дать возможность рыболову вполне воспользоваться гибкостью удилища. Позднее, уже, кажется, в текущем столетии, удилища приняли более изящный вид и вместо натуральных цельных начали употребляться, главным образом ради удобства перевозки, складные удильники, требовавшие для своей фабрикации столяров и токарей. В настоящее время фабрикация удилищ английскою образца, т. е. для ужения с катушкой, в Западной Европе, особенно в Англии, родине рыболовного спорта, достигла высокой степени совершенства. Лучшие удилища делаются из чрезвычайно упругих и вязких сортов деревьев тропического происхождения, а потому очень дороги и стоят нередко несколько десятков рублей.

В настоящее время катушка и английское складное удилище с кольцами нередко употребляются охотниками и для ловли всякой рыбы, ввиду удобства укорачивания лески по мере надобности и возможности удить очень крупную и осторожную рыбу на очень тонкую и малозаметную леску. Но там, где рыба еще проста, где очень много хлама и коряг, как в большей части русских вод, там катушка, за редкими исключениями, излишня, а зачастую и вовсе не применима. Поэтому катушка приносит у нас пользу и даже необходима в довольно редких случаях, а именно: во-первых, при ловле форелей и лосося на мух – безусловно, вообще при ловле нахлыстом других рыб, как, например, голавлей и язей, хотя далеко не всегда и везде; при ловле крупных хищников – лососей, форелей, шересперов – на искусственную рыбку на быстрине или со шлюзов; при ужении крупных сазанов, миронов и вырезубов на чистых плесах, наконец, в тех случаях, когда приходится закидывать или спускать леску очень далеко. Надо всегда иметь в виду, что удобства катушки не всегда выкупаются ее неудобствами и что хороший рыболов на хорошую и свежую четырехволосную леску должен ловить довольно крупную рыбу без всякой катушки.

Вернемся к ужению форели нахлыстом. Первое время, без сомнения, ловили нахлыстом только на настоящих, хотя и не всегда живых, насекомых. Но так как их не всегда можно было достать, а, главное, насекомые плохо держались на крючке и часто сбивались течением, то на сильной быстрине, где рыбе некогда разглядывать быстро плывущую насадку, стали употреблять подобию насекомых, делаемые из птичьих перьев. Эти «искусственные мушки», имеющие очень давнее происхождение не только в Англии, но даже у нас в Новгородской губернии, теперь употребляются чаще настоящих, и приготовление их достигло высокой степени совершенства. Выгода искусственной мушки несомненна: она прочнее, может быть дальше закинута, сподручнее, ибо нет возни с ловлей и насаживанием живых насекомых; наконец, она служит для поимки чуть не десятков рыб. Но зато закидывание ее труднее, и рыба берет на нее менее охотно, чем на настоящих насекомых, вернее сказать, чаще успевает выплюнуть ее, так как имеет очень тонкий вкус. Между тем как на настоящих насекомых можно ловить форелей и другую рыбу на тихой воде и не на поверхности, а давая насадке тонуть, на искусственную мушку ловят почти всегда на быстрине и на самой поверхности и подсекают, не ожидая потяжки, а на глаз и без всяких промедлений, так как рыба в то же мгновение выбрасывает насадку. Следовательно, ужение на искусственную мушку есть действительно настоящее ужение поверху.

Так как ужение на искусственную мушку у нас, в России, применяется исключительно для ловли форели и, хотя реже, лосося очень немногими рыболовами и малоизвестно, то

считаю уместным дать подробное описание этого способа, тем более, что оно может принести большую пользу всем удящим нахлыстом поверху не только на английские, но и на обыкновенные удильные снасти.

Прежде всего необходимо заметить, что ужение на мушку составляет один из любимых видов спорта англичан и доведен последними до высокой степени совершенства. Это самая трудная и самая утомительная рыболовная охота, так как требует очень верного глаза и постоянного передвижения, иногда по подводным камням. Для успеха ловли действительно необходимо закинуть мушку как можно дальше и притом в определенный пункт. Это своего рода стрельба в цель, и в Англии и Америке уже несколько лет существуют особые состязания удильщиков на искусственную муху, вроде садов, причем главный приз получает тот спортсмен, который попал в цель диаметром менее 35 см, далее всех, т. е. выкинул наибольшее количество лески. Некоторые артисты-семголовы могут закинуть мушку на расстояние недалекого выстрела дробью.

Обыкновенным натуральным нахлыстовым удильником, употребляемым у нас для ужения голавлей, язей и других рыб на насекомых, преимущественно кузнечика, вряд ли можно будет закинуть насадку и на вдвое меньшее расстояние, во-первых, по несовершенству снасти, а во-вторых, по той причине, что живая насадка легче сбивается с крючка, чем искусственная. Простое нахлыстовое ужение на насекомых будет описано далее (см. «Язь»), а теперь перейдем к подробному описанию ужения нахлыстом на искусственную мушку при помощи английских складных удилиц. Цельные удилица (б. ч. тростниковые), с кольцами и помещением для катушки, употребляются сравнительно редко, преимущественно рыболовами-промышленниками (во Франции, в Финляндии) и имеют только одно удобство – сравнительную дешевизну.

Английские нахлыстовые удилица отличаются от других складных удилиц, употребляемых большей частью для ловли с поплавком и грузилом, своей гибкостью и легкостью. Эти качества необходимы – первое для закидывания легкой насадки без груза, второе потому, что беспрестанное перебрасывание лески сильно утомляет рыболова. Хорошее нахлыстовое удилице должно гнуться дугой, на три четверти своей длины, так, чтобы кончик не доходил до комля примерно на 0,7 м. Следует заметить, однако, что для ловли на искусственных мух оно должно быть немножко жестче, чем для ловли на живых насекомых, а потому для последней ловли надо или выбрать самые гибкие складные удильники, или же привязывать недалеко от кончика тонкого колена небольшую тяжесть в виде свинцового прутика, который придает снасти требуемую гибкость.

Что касается веса английского нахлыстового удилица, то он находится в прямой зависимости от размеров и материала, из которого оно сделано. Обыкновенно для ужения нахлыстом употребляются 3-коленные удильники от 3 до 4,2 м длины. Такими удильниками, если они (без катушки) весят немного более 400 г, можно забрасывать леску одной рукой. Разумеется, длинное удилице имеет то огромное преимущество перед коротким, что дает возможность дальше закинуть, притом с меньшим риском, что мушка при этом заденет за траву на берегу. Поэтому сильному человеку лучше ловить на длинные 4,2-метров. удилица. При большей длине, в 4,5–6 м, удилица бывают уже двуручными, т. е. приходится их закидывать уже обеими руками. Такие употребляются сравнительно редко или, когда необходимость заставляет закидывать далеко от берега, главным же образом для ужения лосося. Эти «семговые» удилица делаются обыкновенно 4-коленными (б. ч. из очень крепкого и тяжелого ост-индского дерева, т. н. гринхарта) и значительно тяжелее (от 1¹/₂ до 2¹/₂) «форелевых». Последние могут весить до 128 г, именно те нахлыстовые удилица, колена которых склеены из продольных осколков ост-индского тростника; деревянные же делаются большей частью из американского белого ореха (хикори) с кончиками из лансвуда и весят от 214 до 426 г. В

последнее время начали входить в употребление легкие нахлыстовые удилища с утолщенной рукояткой, в которую клеено первое колено, которое иногда бывает тоньше мизинца.

Кольца у обыкновенных нахлыстовых удилищ обыкновенно делаются откидными и состоят из штампованного металлического колечка, прикрепленного к удилищу посредством металлической же пластинки. Стоячие кольца, однако, много удобнее, так как леска ходит в них свободнее и ровнее, а потому они предпочтительнее. П. Г. Черкасов советует не только заменять лежащие кольца стоячими (стальными, лакированными), но даже навязывать два ряда колец, друг против друга, с той целью, чтобы по очереди пропускать шнур то сквозь один ряд, то сквозь другой и этим уравнивать погиб, полученный волокнами дерева как при закидывании, так и при вываживании рыбы. Но так как всякие кольца имеют и очень важное неудобство – в ветреную погоду леска может на них захлестнуться, то совет этот непрактичен, и гораздо целесообразнее при вытаскивании рыбы перевертывать удилище, т. е. если обыкновенно держать удилища кольцами и катушками вниз, то вываживать рыбу катушками и кольцами вверх. Обыкновенные кольца составляют слабую сторону английского удилища и способны привести в отчаяние неопытного рыболова – это не подлежит никакому сомнению. В последнее время, впрочем, круглые кольца стали заменять трубками (на дорогих склеенных удилищах) и изогнутыми наискось дужками.

Для нахлыстового удилища всегда употребляется небольшая медная, легкая *катушка*, диаметром от 5 до 7 см для одноручного и от 7,5 до 10 см – для двуручного – лососевого. Вообще размеры катушки находятся в зависимости от длины шнурка и его толщины. Для ловли лосося, например, требуется иногда толстый шнур до 105 м длины. Катушка должна быть или с трещоткой, или, еще лучше, с глухим «тормозом». Назначение трещотки или тормоза – скорее утомить рыбу, сматывающую шнурок, а также не дать шпулке перевертеться, т. е. остановить ее вращение тотчас же, как рыба остановилась. В противном случае катушка, развертевшись, начинает наматывать ослабнувший шнурок в обратную сторону.

Катушка закрепляется, как и всегда, близ комля, между двумя кольцами – глухим и подвижным. У одноручных удилищ она помещается в расстоянии 5—10 см, а у двуручных в 12,5—22,5 см от комля. Вес катушки с намотанным на нее шнурком бывает иногда (у семговых удилищ) весьма значителен, но вообще он должен быть в полном соответствии с весом удилища, так чтобы катушка служила *противовесом* и *облегчала* бы труд закидывания. Центр тяжести удилища должен быть немного выше места прикрепления катушки, именно на 30,5 см; у двуручного вдвое дальше, чем у одноручного, т. е. на 61 см. Если же центр тяжести будет далеко впереди катушки или очень близко от нее, то дальнейшее закидывание становится совершенно невозможным, а потому в обоих случаях центр тяжести необходимо выверить добавлением свинца.

Леска, или, правильнее, шнур, имеет очень важное значение для успеха ловли, так как от него требуется очень многое. Шнур должен соответствовать удилищу, т. е. не быть слишком толстым или чересчур тонким, должен быть упруг, непромокаем, гладок, прочен и довольно тяжел, так как тогда его легче закидывать. Очень толстую леску трудно закинуть легким удилищем, и наоборот. Все поименованные качества лески совмещаются только в плетеном шелковом шнурке, покрытом непромокаемым составом. Волосяные лески, сплетенные без узлов, имеют большую упругость и растяжимость, чем шелковые, но для ловли нахлыстом с катушкой почти никогда не употребляются, так как их очень трудно наворачивать на катушку и, кроме того, волосяная леска, давно навернутая на катушку, при забрасывании ложится кольцами. Сколько известно, волосяные лески употребляются только в Финляндии, где ловят семгу и форель на цельные, березовые или тростниковые (желтого японского тростника) удилища с кольцами и с деревянной самодельной катушкой. Не так жестки шнурки, сплетенные (редко скрученные) из волоса и шелка (иногда бумаги), но так как кончики волоса выбиваются наружу и цепляют за кольца удилища, а шелк в воде садится,

т. е. волокна его укорачиваются, тогда как волос в воде не сокращается, то преимущества упругости не выкупаются его меньшей гладкостью и прочностью.

Шнур для ужения нахлыстом делается или ровным, т. е. одинаковой толщины, или же спущенным, т. е. к концу он постепенно утончается, так что шнур на одном конце в несколько раз тоньше, чем на другом. Преимущество такого шнура кнутиком очевидно, так как им легче закидывать мушку. Говоря об ужении нахлыстом на волосяные лески и цельные удилица без катушки (см. язв и лещ), мы еще вернемся к рассмотрению удобства постепенно утончающейся лески.

Поводок для ужения на искусственную муху должен отличаться своей прочностью и тонкостью, а потому должен быть сделан из самой лучшей и ровной жилки. Обыкновенные искусственные мушки продаются с навязанными поводками, но гораздо практичнее мушки, сделанные на крючках, с колечком, так как тогда ничего не стоит заменить износившийся или надломившийся поводок другим, свежим или требуемой толщины. Так как большей частью приходится удить в прозрачной и синеватой воде, то поводок должен быть непременно синеватого цвета; обыкновенная же белая «жилка» очень заметна, и осторожная рыба пугается ее и не хватается мушки, так что рыболов, удящий с тонким и малозаметным на воде поводком, всегда поймает гораздо больше рыболова, ловящего с толстым и белым поводком. Такие синеватые поводки у нас достать нетрудно, хотя они большей частью продаются с навязанными на них крючками; но было бы заблуждением полагать, что такие жилки пригодны для всякой воды и всякой рыбы. Там, где вода мало прозрачна и желтовата, т. е. в большей части наших рек, не говоря о таких, как Ока, Волга, Дон, поводок должен быть не синеватым, а желтоватым; окраска эта достигается крепчайшим чайным настоем.

Искусственные мушки, как известно, составляют одно целое с крючком, к которому привязываются. За границей, особенно в Англии, фабрикация их достигла высокого совершенства и необыкновенного разнообразия. Об искусственных мушках и их приготовлении домашним способом из перьев, шелка и канители написаны целые трактаты – это целая рыболовная энтомология, весьма своеобразная, так как большинство мушек довольно фантастичны и в редких случаях напоминают какую-нибудь муху, бабочку или перепончатокрылое насекомое. В Англии, где форель весьма осторожна, при выборе мушки для ужения соображаются не только со временем года, но и временем дня и состоянием погоды; в Шотландии же и на материке Европы рыболовы менее педантичны и ограничиваются ловлей на нескольких мух, похожих на наичаще встречающихся в данной местности насекомых. Этим правилом следует руководствоваться и русским рыболовам, не имеющим к тому же большого выбора мушек. Наши рыбы берут, впрочем, недурно на грубые подобию искусственных мушек, приготовляемых местами в Финляндии и в Новгородской губернии.

Главные отличия искусственных мушек заключаются в их величине и форме. Самые большие мушки, размеров обыкновенной бабочки, употребляются большей частью для ловли семги или очень крупных форелей; средние – для форелей, мелкие – для форелей и хариусов. Большая часть искусственных мух имеет крылья, но делаются и мохнатые, бескрылые мухи, напоминающие ежа, почему и называются ежами или пауками. Последние считаются менее прочными, но вообще надо заметить, что редко и на крылатую мушку удастся выудить более 12 рыб.

Вообще надо принять за правило, что в верховьях рек, где течение быстрее и рыба голоднее и не так напугана, можно удить форель на всяких мушек; чем ниже спускаешься по течению и чем оно становится тише, тем более искусственные мушки должны походить на натуральных насекомых. Затем, что касается цвета и величины мушки, то в мутную воду и пасмурную, ветреную погоду, а также после заката следует употреблять крупных мух, и наоборот. В ясную погоду и в прозрачной воде ловят большей частью на темных мушек, а в пасмурные дни и в мутной воде – на мушек светлых или ярких цветов.

Величина *крючка* находится, конечно, в зависимости от размеров мушки: для самых крупных мушек употребляются крючки № 1 и крупнее; для самых мелких № 10. Лучшие мушки теперь, как сказано, делаются на крючках с колечками; колечки эти для удобства отогнуты под углом в 45°. Крючки у мушек всегда бывают прямые, без загиба, только со слегка повернутым в сторону жалом, самого высокого достоинства и самые острые. Обыкновенно стержень крючка занят мушкой, а изгиб и жало остаются свободными и изображают как бы хвост насекомого, но в Америке приготавливаются искусственные мушки, у которых нижняя часть крючка с жалом скрыта в крыльях. Иногда для искусственных мушек употребляются бронзированные крючки или посеребренные, а в последнее время, кажется, начали входить в употребление легкие крючки из алюминия (?).

Прежде чем удить нахлыстом (нахлестом, как говорят в Москве), необходимо выучиться *закидывать*. Техника этого ужения самая сложная и трудная, и для того чтобы совершенно правильно, т. е. прямо, выкинуть леску и тихо положить искусственную мушку или живое насекомое на воду, требуется большая ловкость и, главное, большая практика. На эту науку надо употребить немало часов, причем нет надобности проделывать все манипуляции непременно на воде, а гораздо удобнее обучаться закидыванию во дворе, на лугу, в большом сарае или большой зале. Всего легче и скорее можно выучиться закидывать от опытного рыболова, но так как удильщиков нахлыстом у нас очень мало, то приходится учиться по описанию, которое никогда не может заменить примера и живого слова. Во всяком случае присутствие другого рыболова, хотя бы малоопытного, весьма полезно, так как он может следить за движениями удилища и шнура и делать замечания и поправки.

Главное, что требуется от хорошего закидыванья, — это чтобы шнур выкидывался совершенно прямо, чтобы насадка, живая или искусственная, падала плавно и без шума и чтобы движения удилища не были слишком резкими, так как в противном случае легко можно отщелкнуть искусственную мушку, т. е. переломить поводок у крючка или сбить кузнечика или другую натуральную насадку. Что же касается расстояния, на которое закидывают, то на практике редко когда встречается надобность выбрасывать шнур длиннее 14 м, т. е. вдвое длиннее удилища. Обыкновенно же мушку приходится закидывать не далее 15 шагов от себя, что может быть достигнуто простым (цельным) нахлыстовым удилищем с волосистой леской, особенно если она спущена, т. е. имеет вид длинного пастушьего кнута.

Для того чтобы легче и скорее выучиться закидывать леску без поплавок и груза, необходимо начать это закидывание с небольших расстояний, постепенно их увеличивая, причем должна быть какая-нибудь цель, в которую следует попадать. Такой «мишенью» может служить или лист бумаги, или фуражка. Затем, при обучении, лучше употреблять более тяжелый и грубый шнур (иногда даже пеньковый), так как его легче закидывать и, наконец, закидывают сначала только леску без поводка и мушки, так как крючок может задеть за платье или за траву и ближайшие предметы. Полезно, однако, привязывать к кончику шнура небольшую тряпочку.

Само собой разумеется, что обучение на воздухе должно совершаться в тихую погоду.

В общем, закидывание лески, или, вернее, хлестание, имеет большую аналогию с хлестанием пастушьего кнута или длинного кнута, употребляемого при езде гусем по зимним проселкам. Как тут, так и там те же самые движения, только с кнутом более резкие. Отличие заключается в том, что кнут имеет короткую, негибкую рукоятку, а удилище гораздо длиннее и очень гибко, но эта гибкость облегчает закидывание и заменяет утолщенную часть кнута.

Закидывание лески одноручным удилищем должно совершаться следующим образом. Прежде всего собирают удилище, т. е. вкладывают колена одно в другое, так, чтобы кольца находились бы на одной линии, закрепляют катушку в гнезде и, смотав потребное количество шнура, сначала не более 4,2 м, пропускают его через кольца и привязывают лоскуток. Затем становятся саженях в трех (6,3 м) от цели, почти прямо против нее, берут удилище

правой рукой *над* катушкой, повернутой *книзу*, так, чтобы большой палец лежал сверху на удилище и чтобы остальные пальцы легко обхватывали рукоять удилища без всякого напряжения. Удилище держат почти вертикально, слегка наклоненным вперед, причем кисть руки находится на уровне лица, на расстоянии 15 см от него, а локоть опущен свободно и не приподнят. Затем большим и указательным пальцами левой руки берут лоскуточек, заменяющий мушку, и оттягивают его подальше от туловища, так, чтобы леска висела совершенно свободно, не прилегая к платью.

Второй и главнейший прием заключается в том, что рыболов делает удилищем взмах *назад и немного вверх и вбок* (влево). Этот взмах не должен быть сильным и резким, а напротив, очень плавным. Вообще для хорошей закидки требуется очень мало силы, и чем меньше ее тратится, тем правильнее ложится кончик лески. Выше локтя рука должна быть совершенно неподвижной, а *работать* должны только *кисть и мускулы предплечья*.

При этом движении удилища леска, одновременно выпущенная из пальцев левой руки, летит назад. Когда шнур вытянется назад во всю длину, что при небольшом навыке ощущается осязанием, то рыболов, сравнительно резким движением кисти и мускулов предплечья, посылает шнур к мишени. Последнее движение напоминает до известной степени щелканье бича, но только гораздо более плавное.

Ввиду того, что мушка должна падать на воду очень тихо, необходимо целить не в самую мишень, а от 1 до 1,4 м выше ее. Кроме того, чтобы еще более ослабить падение мушки и достигнуть того, чтобы в цель (или на воду) падал только кончик шнура, в тот момент, когда последний будет над мишенью, надо вдруг подать конец удилища на 30,5—61 см кверху или же резко остановить его движение. Неопытный рыболов первое время всегда будет задевать кончиком за землю или воду, между тем как конец шнура еще находится в воздухе. Поэтому, во избежание риска сломать удилище, необходимо помнить, что при движении удилища вперед последнее должно составлять с туловищем угол не более 45°.

Главные условия успеха: работать только кистью и предплечьем, не делая усилий; при взмахе удилища назад усиливать это движение равномерно, т. е. сначала плавно и несколько ускорять его до поворота; не посылать шнур вперед, прежде чем он не вытянется позади во всю свою длину; взмахивание удилища вперед и выбрасывание лески совершать с возможной быстротой, уменяя это движение перед его окончанием.

Рис. 61. Положение удилища при взмахе назад

Рис. 62. Предельное положение удилица при взмахе вперед

Так как вначале, от непривычки и чрезмерного напряжения, рука очень скоро утомляется, то упражнение в закидывании не должно продолжаться более 5 минут подряд. Прибавлять длины следует только, когда в разбрасывании более короткого шнура достигнута безукоризненная чистота, т. е. насадка (кусочек тряпочки) падает плавно, прежде шнурка, а самый шнур ложится на землю (или на воду) прямо, стрункой. Весьма полезно, именно когда устанет правая рука, учиться закидывать левой, хотя бы и на меньшее расстояние.

Точно так же закидывается и двуручное, семговое удилице, о котором уже говорилось выше (см. лосось). Разница только в том, что при закидывании с правого плеча правая рука обхватывает удилице выше катушки, а левая под катушкой, при закидывании же слева положение рук обратное. Само собой разумеется, что двуручное удилице требует больше навыка, силы и ловкости, чем легкое одноручное, а потому учатся закидывать двумя руками, только когда уже выучились закидывать одной рукой.

Что касается *перезакидывания*, то оно значительно облегчается тем, что при этом имеют дело не с висящим, а вытянутым шнуром. Манипуляции в сущности остаются прежними, только перед взмахом назад кончик удилица немного приподнимают. Затем шнур равномерно ускоренным движением отбрасывается назад, и в то самое мгновение, когда леска вся вытянется назад, рыболов сильным движением кисти и мускулов предплечья посылает кончик шнура в воображаемое место выше мишени. Это движение, как сказано, очень напоминает хлопанье английского бича, но только менее резко.

Постепенно увеличивая длину выбрасываемого шнура, будущий рыболов нахлыстом на искусственных и живых насекомых может добиться того, что будет закидывать совершенно чисто и правильно, т. е. прямо, леску вдвое длиннее удилища, следовательно, от 6,3 до 8,4 м шнура при одноручном и до 12,6 м при двуручном. Если прибавить к этой длине по крайней мере половину длины удилища, то выйдет весьма приличное расстояние, которое оказывается вполне достаточным на практике. Можно, конечно, выучиться разбрасывать шнур втрое длиннее удилища, но при этой длине трудно добиться чистоты и, главное, *меткости* – качества, совершенно необходимого для ужения поверху всех рыб, а тем более для ужения форели.

Основательно выучившись забрасывать леску на сухом пути, можно уже практиковаться в закидывании искусственной мушки и на воде, а затем уже ловить. Учиться ужению нахлыстом на рыбе, как это делает большинство, неблагоприятно, так как неопытный рыболов только пугает рыбу, и неудачи могут отбить у него всякую охоту к этому высокому спорту.

Параллельно с обучением закидыванию лески в тихую погоду или в закрытом помещении еще лучше, уже вполне усвоив себе, что такое закидывание нахлыстом, можно учиться разбрасывать шнур в ветреную погоду. Это необходимо по той причине, что всякая рыба, в особенности форель, всего охотнее и смелее хватается мушек с поверхности воды во время ветра, когда на воду падает много настоящих мушек и рябь мешает ей видеть рыболова. Очень сильный ветер составляет, однако, почти непреодолимую помеху, так как, при неосторожности, очень легко сломать удилище, особенно когда он дует прямо в лицо, т. е. противный; но при некоторой сноровке очень часто можно даже пользоваться ветром в качестве пособия при закидывании, хотя о меткости нечего и думать. При боковом ветре, если он не очень силен, забрасывают точно так же, как и в тихую погоду, но метятся, конечно, правее или левее цели, т. е. того пункта, куда должна упасть мушка. Понятно, что ветер, дующий вдоль реки, по течению, мешает закидыванию, а потому, если можно, лучше перейти на другую сторону. Замечу здесь кстати, что вообще ловля на левом берегу *текущих* вод гораздо удобнее, чем на правом, потому что на левом берегу подсекают вправо, а на правом необходимо подсечку делать, поворачивая кисть (правой руки) влево и приближая ее к лицу, т. е. совершать более трудное и непривычное движение.

Что касается ветра, дующего в спину или, наоборот, – в лицо, то оба они делают большие затруднения рыболову, так как первый мешает вытянуть леску назад, а второй выбросить ее вперед. В обоих случаях необходимость заставляет укорачивать леску и забрасывать мушку на более короткие расстояния. Противный ветер всегда, однако, будет противным и неудобнее попутного, так как при последнем достаточно бывает выпустить из рук кончик шнура, легким движением махнуть удилищем вперед и немного кверху – и мушка летит вперед и совершенно плавно ложится на воду. Поэтому обычный способ закидывания, т. е. взмах назад и вперед, применяется при ветре, дующем в спину, только тогда, как он довольно слаб. Точно так же и при переакидывании не следует выхватывать леску с воды и относить ее назад, а благоразумнее приподнять удилище, так, чтобы насадка взлетела на воздух, и опустить ее, где требуется; иногда, впрочем, леску приходится перехватывать, брать кончик ее (т. е. мушку) пальцами левой руки и повторять закидывание сызнова. Наоборот, ветер, дующий в лицо, облегчая откидывание лески назад, так как он относит мушку, сильно затрудняет выбрасывание лески вперед и требует более сильного взмаха, что очень опасно. Если ветер очень силен, то неопытному рыболову благоразумнее или не ловить вовсе, или перейти на другую сторону, так чтобы ветер сделался попутным. Общие правила забрасывания против ветра следующие: выпустив мушку (или заменяющую ее тряпочку) из пальцев руки, дают ветру отнести ее назад, делая легкий взмах удилищем; затем, когда шнур *совершенно* вытянется, посылают мушку вперед; совершенно так же, как бы желая стегнуть длинным английским бичом в лицо неподалеку стоящего человека. При переакидывании

достаточно легкого взмаха удилища, чтобы мушка полетела назад и шнур вытянулся бы в прямую линию позади охотника.

На практике нередко приходится иметь дело с другими помехами, кроме ветра. Так например, очень часто, в очень удобных для рыбы местах, сзади рыболова находятся кусты, деревья или крутой берег, которые не допускают откидывания лески и взмаха удилища назад. В таких случаях закидывают мушку также наподобие хлопанья бичом, при каждом перебрасывании осторожно подтаскивая к себе леску и перехватывая мушку левой рукой. Само собой разумеется, что при таких условиях, так же как и при противном ветре, нечего и думать о том, чтобы разбросить шнур вдвое длиннее удилища. Иногда также встречается необходимость ловить под нависшими над водой ветвями. Такие места очень любит всякая рыба, особенно форель, хариус и голавль, но обычный способ ловли нахлыстом здесь уже совершенно не применим. Надо укоротить леску в полдлины удилища, стать на колени и, держа удилище горизонтально, ладонью вниз, боковым движением кисти послать мушку на воду.

Форель хорошо берет на искусственную мушку по верху воды только в определенное *время года*, именно летом, когда главную ее пищу составляют насекомые, падающие на воду с прибрежных деревьев, кустов и трав, и рыба держится поэтому в верхних слоях воды – «плавится». Впрочем, форель не везде берет на мушку и там, где много другой пищи, червей, моллюсков и мелкой рыбы, а насекомых мало, например на озерах, на многоводных реках с голыми берегами, ее скорее можно поймать на червя или на рыбку, чем на мушку. Можно даже принять за правило, что форель успешно ловится на искусственную мушку только в ручьях и речках, берега которых поросли древесной растительностью, дающей приют многочисленным крылатым насекомым всевозможных родов и видов. К тому же и ловить здесь гораздо легче, так как на больших реках и на озерах необходимо закидывать мушку очень далеко от берега.

Продолжительность сезона ловли на искусственную мушку бывает различна: там, где, как, например, на многих речках Великобритании, ловят только на мушку, форель берет на нее с ранней весны до осени, почти до начала нереста. Лучшие месяцы для ловли – май и июнь, но изобилие падающих в воду насекомых вредно отзывается на ужении форели, так как она тогда сыта, а потому во время валового вылета поденок (метлы) и других насекомых, личинки которых живут в воде или в берегах, можно поймать лишь очень мало форелей, а то и ни одной.

Что касается *времени дня*, наиболее удобного для ловли, то об этом еще труднее сказать что-либо определенное, так как тут играют роль климат, характер местности, привычки рыбы и, наконец, погода. Местами форель хорошо берет и среди дня, в полдень, но все-таки главный клев ее чаще бывает под вечер или ранним утром. В некоторых случаях ловля прекращается с восходом; на материке Западной Европы (кроме Скандинавии), где летние ночи темнее, чем в сев. России, напр. в Петербургской, Новгородской губ. и в Финляндии, форель лучше всего ловится до заката и на восходе; у нас же, напротив, – после заката и до восхода и, кроме того, хорошо берет и ночью. Вообще можно сказать, что на быстрине и на мелкой воде можно ловить на искусственную мушку во всякое время дня, если настолько светло, что форель может увидеть насадку. На глубине же, в бочагах, омутах, под мельницами и под мостами, форель можно успешно ловить на мушку, только когда она кормится и плавает ближе к поверхности, выскакивая по временам из воды. В большинстве случаев это бывает вечером или утром.

Состояние погоды имеет для этого рода ловли едва ли не большее значение, чем для других способов ужения форели. В тихую и ясную погоду форель обыкновенно берет плохо, главным образом потому, что лучше видит рыболова и леску, и потому, что падающая на воду мушка внушает ей подозрение. Поэтому ловля в такое время может производиться с успехом только на некоторых речках, притом так, чтобы тень рыболова не падала на воду,

и вдобавок специалистами по забрасыванию. По весьма понятным причинам форель всего лучше ловится в ветреную погоду, когда по воде идет мелкая рябь и с прибрежных деревьев падают живые насекомые. Впрочем, на быстрине, на перекатах, опять-таки можно ловить при всякой погоде и ветер почти необходим только при ловле в тихой и глубокой воде. Замечено, что форель очень жадно начинает брать при начале бури или грозы, когда в воду падает множество насекомых. Этим кратковременным моментом надо всегда пользоваться, так как в начале грозы нетрудно поймать несколько штук подряд одну за другой, хотя бы перед этим вовсе не было клева. Направление ветра не имеет никакого влияния на интенсивность клева, т. е. безразлично, будет ли ветер северным, южным; важно только, чтобы он не был холодным, а потому при градовых тучах и при южном ветре прекращается клев; к тому же град заставляет всех рыб укрываться в глубине.

Переходим к описанию самого процесса ловли на искусственную мушку. Сколько известно, везде, кроме, быть может, Финляндии, ловят нахлыстом форель всегда с берега, реже в забродку; с лодки же и в Финляндии (на Воксе, напр., близ Иматрского водопада) удят форель и семгу, большей частью или исключительно, на рыбку. Лодка действительно очень редко бывает применима и полезна на узких, мелководных, быстрых речках – главном местопребывании форели, но весьма вероятно, что в некоторых более глубоких водах форель можно ловить на искусственных мушек или живых насекомых – «плавом», т. е. спускаясь вниз по течению и забрасывая насадку далеко впереди лодки, так, чтобы мушка некоторое время плыла по течению. Описание этого оригинального и очень трудного способа ловли нахлыстом будет помещено далее (см. голавль).

Рыболову нахлыстом, однако, сплошь да рядом по необходимости приходится лезть в воду и ловить в забродку. *Ловля в забродку* имеет очень многие преимущества перед ловлей с берега: леска откидывается назад, ни за что не задевая; рыба менее боится человека, стоящего в воде, чем стоящего на берегу; наконец, район действия рыболова значительно расширяется и ужение более добычливо. Разумеется, в забродку можно ловить с удобством только тогда, когда вода не глубже 0,7 м; ужение по пояс в воде почти невозможно. Летом еще можно некоторое время ловить разувшись или в обыкновенном нижнем одеянии и худых сапогах или штиблетах, но так как форель живет в холодной воде, то это время не может быть продолжительным. Настоящий рыболов в забродку, если имеет возможность, должен удить или в очень высоких болотных сапогах, или же надевать особые рыболовные чулки или чулки-штаны из материи, пропитанной гуттаперчей. На скользких камнях и на быстрине в обыкновенных сапогах, впрочем, трудно удержаться. Настоящий английский спортсмен-рыболов на искусственную мушку имеет также особое верхнее платье и шапку, как бы форму. Необходимые принадлежности составляют: портфель-бумажник с различными мушками, складной сачок на довольно длинной рукоятке, которая пристегнута с левого бока, и, наконец, плетеная корзина на ремне – через плечо, в которую кладется пойманная и сейчас же прикалываемая форель.

Прежде чем приступить к описанию различных подробностей ужения на искусственную мушку, необходимо сказать, что до сих пор существует *два метода ужения*. Рыболовы старой школы ловят форель на несколько мушек – редко на две, чаще на три и более, причем конечная и самая крупная называется «грузовой мухой», а последняя «попрыгунчиком», так как предполагается, что первая должна тонуть, а крайняя, поддерживаемая в постоянном движении, прыгать. Эти побочные мушки привязываются на коротких (в 5–7,5 см) поводках к жилковому подлеску, иногда на расстоянии в 0,7 м одна от другой. Прежние спортсмены думали, что чем больше и разнообразнее будет выбор мушек, тем больше шансов, что рыба возьмет на какую-либо из них. Но, не говоря о том, что невозможно уследить даже за двумя мушками и вовремя подсечь, закидывание нескольких мушек производит больше шума, мушки чаще задевают, и воображаемые удобства ловли на несколько мушек не выку-

пают ее неудобств. Поэтому последний метод употребляется теперь немногими рыбаками, и большинство спортсменов ловит на одну мушку, не давая ей погружаться в воду. Эта *унитарная система* ловли гораздо рациональнее и удобнее, так как форель сравнительно редко берет мушек под водой, а сплошь и рядом хватает их на лету, выпрыгивая из воды, чего карповые рыбы почти никогда не делают. Для того чтобы мушки дольше не намокали и не тонули, их необходимо было делать более легкими и из ненамокающего материала и, кроме того, просушивать перед каждым забросом. Это просушивание совершается несколькими плавными взмахами удилица взад и вперед, напоминающими очень легкие удары бича.

Правила закидывания уже были описаны, а потому не стану повторяться. Скажу только, что, прежде чем закидывать, необходимо высмотреть место, где выпрыгивает или «плавится» форель. Это сохранит очень много времени. До начала ловли необходимо тщательно выпрямить поводок, к которому привязана мушка, а также и жилковый подлесок, если он имеется. Это выглаживание совершается при помощи резины, которую с этой целью спортсмены носят в петличке. Затем, не надо забывать, что форель не ищет добычи, подобно карповым, а стоит на одном месте, ведет вполне оседлую жизнь, избирая свою постоянную резиденцию за каким-нибудь камнем, где струя разбивается на две, и ждет, куда мушка не приплывет к ней на самое близкое расстояние, чуть не в рот. По правилам надо стараться закинуть на 0,7 м выше того места, где была замечена форель, так как она всегда стоит головой против течения. Мушку, плывущую очень далеко в стороне, форель не возьмет, так как, держась близ поверхности воды (иногда на 5 см), вряд ли видит дальше 2,1 м, на быстрине к тому же всегда бывает рябь или даже волна. Закидывать потому необходимо в «струю», которая несет все попавшее в реку, и прежде всего надо это проверить бросанием соломинок и прутиков. Где струи нет, т. е. в стоячей воде, ловить на искусственную мушку совершенно не стоит.

Большинство рыбаков закидывает мушку *вверх по течению*, становясь в пол-оборота, против течения, причем, повторяю, удобнее закидывать на левом берегу. Затем, дав мушке проплыть несколько аршин (один аршин – около 71 см), ее снова перезакидывают. Другие, напротив, закидывают почти прямо против себя, дают ей плыть вниз по течению, пока ее не прибьет к берегу или не станет забивать течением, при ловле в забродку. Но последний способ менее правилен, так как мушка, плывущая по течению, съезживается, а закинутая вверх, напротив, растопыривается. А потому следует прибегать к этому способу в очень редких случаях, например, когда быстрота течения или ветер препятствуют закидыванию вверх. Некоторые удильщики тянут плывущую муху против течения и при этом ее подергивают, но это движение неестественно и нецелесообразно. Лучше в таком случае дать мухе затонуть в полводы и тогда уже подергивать ее толчками. Рыба принимает мушку за водяное насекомое или личинку, и попадаются крупные форели. Иногда, впрочем, на очень большой быстрине, равномерно спуская (левой рукой) шнурок с катушки, отпускают мушку на 30–40 шагов, вроде как при ловле нотингэмским способом (см. «Усач»). Но и при закидывании вниз по течению чем чаще перебрасывают мушку, тем лучше. Впрочем, уже десятка-другого забросов бывает достаточно для того, чтобы убедиться в том, что тут форели нет или она не берет и что следует переходить на другое место, причем лучше спускаться вниз по реке, чем подыматься. Нечего ждать, что форель рано или поздно подойдет: это не голавль, а тем более язь, которые, сравнительно с форелью, могут назваться бродягами.

Ужение на мушку может быть с некоторой натяжкой разделено на ловлю в тихой воде и на ловлю в быстротекущей, на перекатах. Последняя легче, потому что не требует ни такой осторожности, ни такого чистого забрасывания, как первая, ибо плохо выброшенная леска скоро натягивается течением; кроме того, мушка дольше поддерживается на поверхности течением, чем в тихой воде. В обоих случаях правила ловли почти одинаковые, но на быстрине часто приходится ловить в забродку, по колено или выше в воде. Если течения нет, то

можно ловить здесь только в ветер. На быстрине всегда надо стараться забросить туда, где лежит большой камень и струя как бы раздваивается, образуя позади препятствия небольшой водоворот. Это любимое местопребывание форели. Точно так же на шлюзах надо закидывать между двумя течениями.

При ужении в бочагах сначала обуживают свой берег, потом стараются закинуть к противоположному, а так как крупная форель держится на глубокой воде, то стараются стоять у мелкого берега. В маленьких речках всего лучше закидывать мушку на противоположный берег и затем осторожно стащить ее в воду. В большинстве случаев, при ловле на бочагах, мушку бросают вверх, став в пол-оборота, даже в 3/4 оборота, дают ей потихоньку проплыть 0,7–1,4 м, стараясь, чтобы часть шнура, находящаяся на воде, отнюдь не шевелилась. Лучше, если мушка все время будет на поверхности, но большой беды в том, что она затонет, нет, так как форель иногда недурно берет мушку, затонувшую на несколько дюймов (дюйм – около 2,5 см). При этом постепенно приподымают кончик удилища, чтобы леска была натянута и касалась воды только концом. Несоблюдение этого правила затрудняет подсечку, да и форель пугается лежащей на воде лески. Когда мушка проплывет 1,4 м, ее опять перезакидывают, если же волнение покажет присутствие рыбы, то закидывают 6–7 раз подряд в одно и то же место (на 0,7 м и выше предполагаемой стоянки), перебрасывая леску немедленно после того, как мушка коснулась воды, так как форель всего охотнее хватается насекомое в момент его падения.

При ужении в тихо текущей воде, не волнуемой ветром, как только мушка упала на воду и движение лески остановилось, необходимо сейчас же потихоньку подтаскивать ее к себе, чтобы мушка не переставала двигаться, иначе рыба замечает обман. Впрочем, иногда, когда мушка намокнет, необходимо бывает подергивать ее и на быстром течении. Подергивание мушки делается с той целью, чтобы мушка более походила на живую. Оно совершается различно, смотря по тому как выскакивает рыба и как в данное время прыгают на воде живые насекомые. Иногда надо дергать равномерно и плавно, а иногда заставлять ее прыгать на поверхности, подобно мошкаре, комарам-толкунчикам и др. Некоторые рыболовы могут даже заставить мушку как бы летать в нескольких дюймах от воды.

В некоторых случаях полезно бывает, бросив мушку, оставить ее без движения секунд 30, давая ей постепенно погрузиться в воду, затем подтягивают ее к себе очень короткими подергиваниями, с необходимыми промежутками. Этот способ ужения на тонущую мушку имеет много общего с ужением на кузнечика в тихой воде москворецкими рыболовами нахлыстом.

На глубокой воде, под нависшими ветвями обыкновенно стоят крупные форели и голавли, на глубине 2,5–5 см от поверхности, и хватают падающих и приплывающих насекомых. Поэтому, заметив предварительно направление струи, стараются забросить муху именно в эту струю и дают мушке доплыть до места стоянки рыбы. Можно также, о чем было уже сказано, забрасывать мушку на короткой леске непосредственно под ветки, став для этого на колени.

Форель берет мушку на воде бесшумно, высывая морду, при повертывании часто показывая хвост и спинной плавник. При этом она не булькает и не пускает пузыря, подобно голавлю. *Поклевка* на течении передается непосредственно руке, и на быстрине ощущается очень резкий толчок. В тиховодье поклевка почти незаметна, а потому надо подсекать в самый момент исчезновения мушки. Медлить нельзя ни на одно мгновение, так как искусственная мушка не насекомое, и форель сейчас же выбрасывает ее из рта как предмет несъедобный. Поэтому для ужения на искусственную мушку требуется большее проворство и зоркость, чем при какой-либо другой ловле. Подсекать в то время, когда видишь волну, уже поздно, так как волну эту делает рыба при повороте, уже выплюнув мушку. Странно, что в Петербургской губернии, да и почти везде в Западной Европе, клев форели считается более

верным и решительным, чем клев хариуса, тогда как в Уфимской и Пермской губерниях – наоборот: форель как на червя, так и на насекомое (живое) берет очень слабо и неверно.

Уже из того, что *подсечка* должна следовать немедленно за поклевкой, можно видеть, что крючок искусственной мушки в редких случаях может зацепить за глотку, а почти всегда бывает в губе форели. Поэтому ловить такую сильную рыбу, не рискуя оборвать ей губы, можно только на удильник с катушкой, а простое нахлыстовое удище, хотя бы и с крепчайшей леской, годится только для ужения форели на живых насекомых, которые часто даже заглатываются рыбой. Не знакомому с ловлей форели даже трудно себе представить, сколько хлопот и возни доставляет небольшая форель менее 400 г весом, особенно на сильном течении. После подсечки она стремглав бросается в бой, выскакивая примерно на 1,4 м кверху, и, уносимая течением, плещется на поверхности, делая невозможные сальто-мортале. Стараюсь освободиться от крючка, форель бьет хвостом по леске и если не подавать ей шнура, то она легко может перешибить его или поводок. Обыкновенно, спуская катушку, вместе с тем идут берегом или по воде; для крупной форели это даже необходимо. Диагональное движение к противоположному берегу показывает, что взяла крупная форель.

Само собой разумеется, что чем быстрее течение, тем труднее вываживаются рыбы. Но и совершенно утомившаяся рыба, особенно крупная, часто прячется за камень, уткнув под него нос, вероятно от боли, причиняемой крючком. Случается, что пойманная форель до получаса и более упорно стоит за камнем, несмотря на энергичные подергивания лески. Но рано или поздно она выходит из засады и становится добычей терпеливого и хладнокровного рыболова. Иногда форель прячется в траву и водоросли, растущие по перекатам, и бывали случаи, что, запутавшись в них, от страха замучивалась до смерти. Если форель забилась в траву, надо также выждать ее выхода оттуда, изредка подергивая леску в разных направлениях, чтобы перерезать травы и расширить отверстие в них.

Совершенно утомившуюся рыбу потихоньку подтаскивают к себе, постепенно наматывая леску на катушку, и подхватывают сачком. Опытные рыболовы, впрочем, вытаскивают форель без сачка, спуская по леске большой и указательный пальцы и хватая ими рыбу снизу, под жабры. Если берег пологий и мелкий, то можно выволочить ее подальше от воды.

Форель, раз сорвавшаяся с крючка, очень долго не берет на искусственную мушку, и ее скорее можно поймать на живое насекомое.

Рис. 63. Мошкара

Что касается ловли нахлыстом *на живых насекомых*, то она почти не отличается от такого же ужения голавлей и язей, к которому и отсылаем. Катушка при этой ловле уже не составляет необходимости, потому что риск оборвать губу меньше. Удильник должен быть гибче, чем для ужения на искусственную мушку, почему иногда приходится подвязывать к кончику свинцовый прут. Ловить можно и поверху и под водой, даже со дна. Грузило (небольшая дробинка) употребляется лишь на большой глубине, когда насадка иначе не доходит до дна или когда ветер настолько силен, что мешает закидыванию. Общие правила закидывания те же, как и для искусственной мушки, только надо стараться забрасывать как можно осторожнее, чтобы не сбить насадку. Жало крючка должно быть совершенно свободно, и крючки выбираются возможно более крупные, насколько позволяет насадка. Отнюдь не следует торопиться подсечкой и иногда благоразумнее дать рыбе заглотать. Первый признак поклевки – некоторая задержка лесы, которая как бы за что-то задела. Поэтому леску слегка натягивают, а если осязание покажет, что рыба берет насадку, т. е. подергивает леску, подсекать, на тихой воде сильнее, на быстрой – только приподнимая кончик удища.

Обыкновенно форели дают вернуться на свое прежнее место, вниз, и тогда уже подсекают. Закидывать следует вверх по течению и ловить на насекомых по течению еще неблагоприятнее, чем на искусственную мушку, так как они течением скоро сбиваются с крючка.

Лучшая насадка из насекомых для форели – мошкара, или ручейник (*Phryganea*), которой несколько видов. Это любимая мушка форели, в изобилии летающая над речками и ручьями летними вечерами. Добывают для ловли мошкару утром до солнца, пока воздух не согрелся, отыскивая ее в тростнике и высокой прибрежной траве. Только надо хватать ее сразу, возможно быстрее, так как она сейчас же падает вниз и быстро скрывается в траве. Насаживают с головы на крючок №№ 5–6 и ловят на нее большей частью на перекатах. Лучший лов на мошкару – с заходом солнца и почти всю ночь; в августе форель берет на это насекомое и в течение дня. Голавли, язи и другие карповые, наоборот, предпочитают мошкаре кузнечиков и больших мух.

У нас ловля форели на искусственных насекомых практикуется только в некоторых местностях северо-западной России. В мелких речках Камского бассейна пеструшку удят на червя или на живых насекомых; на Кавказе же, а вероятно, и в крымских речках, ловля на насекомых совершенно неизвестна: даже англичане, живущие по Черноморскому берегу, удят форель на червя, на кишки или на мясо и считают ловлю нахлыстом совершенно здесь неприменимой.

Главное ужение форели на Кавказе бывает весной, с марта, вообще в мутную воду; в мелкую и светлую воду форель стоит в бочагах и берет почти исключительно ночью. Черви (простые земляные, а не выползки) насаживаются обыкновенно на 3 № крючка, до 4–5 вместе.

Форель имеет чрезвычайно нежное *мясо*, белого или розоватого цвета, смотря по качеству воды и корма. Вкусом она напоминает стерлядь, но имеет какой-то особенный, ей одной свойственный запах, немного похожий на запах свежих огурцов, но более слабый. Заснувшая форель уже через сутки теряет вкус и начинает портиться, даже на снегу. По словам рыболовов (уральских), если пронести заснувшую форель 5–6 км, то она теряет в весе – «истекает» – на целую четверть (!). Зная это, старые рыболовы кладут ей в жабры крапиву, которая, по их словам, не дает ей уснуть. Трудно поверить, чтобы уснувшая рыба могла потерять четвертую часть веса, и скорее это может случиться с живой рыбой. По крайней мере за границей все рыболовы, чтобы сохранить вкус пойманной форели, немедленно прикалывают ее и кладут в корзинку, выложенную сырой травой. Иногда форель убивают особым молоточком, а в случае необходимости ударяют головой о камень.

Хариус *Thymallus thymallus* (L.)

Название это, употребительное во всей северной России, очевидно, нерусское и имеет финское происхождение. В восточной России оно чаще заменяется башкирским – *кутема*, что, по-видимому, означает светлый, блестящий.

По многим признакам своим хариус составляет как бы посредствующее звено между лососями и сигами. К первым он приближается образованием своей пасти, усаженной более крупными зубами, чем у сигов, также широким языком, своим образом жизни и местопребыванием, к последним – небольшим ртом, формой тела, довольно крупной чешуей в меньшими изменениями по возрасту и полу, которые столь значительны у рыб собственно лососевого рода.

Рис. 64. Хариус

Хариуса очень легко отличить от всех других рыб по огромному спинному плавнику, который иногда, будучи сложен, почти достигает (у самцов) языковидного жирового плавника, характеризующего все *семейство* лососевых. Туловище его менее брусковато и более сжато, чем у лососей, форели и тальменей, и покрыто довольно крупными, плотными и крепко держащимися чешуями; только на груди и на брюхе до брюшных плавников находятся чрезвычайно мелкие чешуи, да при основании грудных замечаются более или менее развитые голые площадки.

По своему цвету хариус – одна из самых пестрых и красивых наших рыб. Спина его обыкновенно серо-зеленая, усеянная более или менее многочисленными и ясными черными пятнышками, бока туловища светло-серые с продольными, иногда, впрочем, малозаметными буроватыми полосками; брюхо серебристо-белое. Парные плавники обыкновенно грязно-оранжевые, а непарные – фиолетовые с темными полосками или пятнышками. Молодые хариусы всегда бывают окрашены менее ярко и в Западной Европе обыкновенно имеют темные поперечные полосы. Цвет хариуса, впрочем, подвержен большим изменениям: в водах быстрых он гораздо светлее; хариус, живущий в омутах, более стального цвета. Усмотреть хариуса в воде очень мудрено, так как его трудно отличить от грунта и камней. Североуральский хариус, по-видимому, несколько отличается от обыкновенного; именно он никогда не имеет большого количества пестрин, и продольные полосы на нем весьма неясны. Кроме того, в некоторых речках Пермской губ., напр. в р. Ирени, отличают особую разность (или вид) хариуса более темного цвета и с более горбатой спиной, почему его зовут *горбачом*. В Сибири несомненно водятся несколько видов хариусов.

Хариус редко достигает величины 45–46 см и 1,2 кг веса и в большинстве случаев бывает гораздо менее. Только в реках северного Урала, принадлежащих к Обскому бассейну, он бывает значительно больших размеров – 53 см длины и 2 кг веса, а по свидетельству некоторых лобвинских рыбаков, даже 70 см и 4 кг, но такие гиганты и там являются редким исключением.

Хариус главным образом живет в гористых местностях и вместе с форелью составляет главное рыбье население холодных и быстро текущих речек почти всей Европы, северной и северо-восточной России и всей Сибири, где он встречается и в озерах (Марка-Куль, Байкал и др.); в огромном количестве хариусы ловятся в Ангаре (несколько миллионов шт.). В

реках, впадающих в Черное море, он встречается только в горных притоках Дуная и Днестра; в крымских же и кавказских реках и в Туркестане хариуса нет вовсе, так что распространение его в России представляется довольно ограниченным. Он водится, однако, почти во всех как больших, так, особенно, малых реках, впадающих в Балтийское море, весьма обыкновенен в Финляндии, Олонецкой губ., тоже в Петербургской, отчасти в остзейских губ.; кроме того, распространен по Ладожскому, Онежскому Пейпусу и, вероятно, многим другим озерам северо-западной России. Также обыкновенен хариус и в наших северных реках, впадающих в Белое и Ледовитое моря, весьма многочислен во всех притоках Камы, Уфы и Белой, особенно в верховьях как этих, так и небольших, второстепенных рек; но собственно в притоках Волги, а тем более в самой Волге хариус является уже довольно редкой рыбой. В средней и нижней Волге его даже нет вовсе, но встречается постоянно в верховьях, откуда изредка заходит в Селигер и, вероятно, другие озера Тверской губ. В правых притоках Волги, по крайней мере начиная с Ярославской губ., хариуса нет, что зависит от большей густоты населения и сопряженной с тем меньшей чистоты воды этих рек.

Хариус вообще отличается большим проворством и живостью и в этом отношении несколько не уступает форели. Французы недаром называют его *l'ombre*, так как он скрывается мгновенно, как *тень*. В солнечный день он очень часто выскакивает из воды, ярко блестя радужными цветами своего широкого плавника, и хватает упавших насекомых. Прыжки его при этом бывают иногда изумительны; но тем не менее он, по-видимому, скоро утомляется, что замечается и при ловле его на удочку. Хариус ведет почти дневной образ жизни и кормится исключительно днем; главную пищу его составляют, по-видимому, насекомые, падающие в воду с ветвей нависших над рекой деревьев, почему он и любит держаться в таких местах, также мошкара (*Phryganea*) и поденки (*Ephemera*), личинки водяных насекомых и водяные улитки, для чего часто тыкает головой в камни, почему и называется в некоторых местностях Онежского оз. *кузнецом*. Кроме того, он истребляет икру других рыб, что очень может быть бывает причиной того, что в тех речках, где хариус многочислен, все карповые рыбы, несмотря на огромное количество своей икры и при достаточном количестве тихих заливов и старых или побочных русл, встречаются уже очень редко. В северных и северо-западных реках хариус истребляет и хорошо укрытую икру лососей, а в Онежском озере весной кормится икрой корюшек, осенью – икрой палы (Salmo salvelinus L.). Изредка он ест также молодь рыб и гольянов, последних, кажется, больше осенью, при недостатке своей главной пищи – насекомых.

Большую часть времени года хариусы живут небольшими стайками, которые бывают тем менее, чем большего возраста они достигли. Есть некоторые основания предположить, что до своей возмужалости стая молодых хариусов составляет, так сказать, как бы одну родную семью; но и взрослые особи в известное время составляют небольшие стайки, тоже б. ч. одинакового возраста. Молодые хариусы обыкновенно живут в более мелких местах и на перекатах, а крупные уже предпочитают более или менее глубокие ямы, где все-таки им уже не предстоит никакой опасности от хищного тальменя и крупной форели.

Любимые места хариуса – выше и ниже порогов и перекатов; на последние он часто выходит жировать. С половины сентября (в Петерб. губ.) хариус уже не держится на быстринах и уходит в ямки и заводи на зимовку. По замечанию некоторых рыбаков (именно нарвских), хариус в теплое время идет на плитняковое дно, то есть б. ч. на мелкие места, а в холодное время отыскивает песчаные и более глубокие места. Местами осенью он собирается в многочисленные стаи и иногда спускается с верховьев рек в большие реки и озера, где весной и летом не встречается вовсе, и весьма возможно, что на зиму уходит из Немана и Луки в Балтийское море, как говорят Терлецкий и Либериш. По всей вероятности, в больших озерах, как Ладожское и Онежское, он не встречается круглый год, разве у самых устьев или истоков рек.

Вообще это одна из самых оседлых рыб. Замечено даже, что в течение всего лета хариусы стоят днем постоянно на одних и тех же местах, покидая их только к вечеру, когда выходят на перекаты или к порогам, где вода еще течет ровной струей, так что рыбе удобно высматривать на ней падающих насекомых. Днем хариусы обыкновенно держатся в местах более глубоких, в траве и за камнями, приближаясь для корма к мелкому берегу, где течение сильнее и травы нет. Здесь хариус стоит на одном месте, беспрестанно выскакивая на поверхность за плывущими мимо насекомыми. Иногда – говорит Либериx – на каменистой отмели их собирается несколько десятков, но не рядом, а врозь, и каждый занимает особую позицию, с которой удаляется только при виде плывущего насекомого; хариус выплывает к нему навстречу, бросается на него или же, завидя издали в стороне, догоняет его, схватывает и затем немедленно возвращается на свое место. Движение же его, вызываемое течением, ограничивается кругом на более 0,7 м в диаметре. Что действительно каждый хариус держится известного пункта, доказывается тем, что самый крупный или самый мелкий всегда замечается на одном и том же месте, а также тем, что место, которое занимал выуженный хариус, несколько дней остается вакантным; затем оно занимается, по всей вероятности, новым пришлецом.

Очень крупные хариусы, по наблюдениям Либериxа, выходят из ям на отмели-быстрины только ночью, редко днем. Они предпочитают стоять (в реках Петерб. губ.) в коридорах, образуемых травой, или под обрывистыми берегами, где им легче скрыться. Тут они тоже всегда держатся на одном месте и поодиночке, и местные рыболовы знают, где и какой величины крупные хариусы держатся.

Ранней весной, иногда еще до вскрытия рек, хариусы выходят из мест, где зимовали, и с низовьев рек поднимаются кверху. В это время они встречаются б. ч. поодиночке и бывают всего ярче окрашены, особенно самцы, которых, по-видимому, более, нежели самок. Иногда, впрочем, встречаются и бесплодные – яловые особи, отличающиеся менее короткими плавниками и менее яркой окраской, но зато очень жирные.

Самый нерест имеет место на небольших глубинах и даже перекатах и в общих чертах (кроме времени) имеет большое сходство с нерестом других лососевых рыб. Он начинается в более южных местностях еще в апреле (в Западной Европе даже в марте), но на севере обыкновенно в мае, даже в начале июня. Нерест длится иногда очень долго – почти целый месяц; так, например, в 1872 г. в речках Богословского округа он продолжался почти весь июнь. В Иркутской губ. хариусы мечут икру с половины апреля до середины мая. В Петербургской губ., по Либериxу, нерест начинается в конце марта (?), еще подо льдом, что, по моему, очень рано. Вероятно хариусы, как и другие близкие ему рыбы, выпускают свою икру в несколько приемов, но это может зависеть и от того, что, как замечено мною в уральских речках, сначала играют самые крупные хариусы. Обыкновенно все это время они встречаются попарно – самка с одним самцом, редко с двумя или тремя. Тогда их часто можно видеть трущимися брюхом о камни, отчего почти все брюхо обнажается от чешуи и краснеет. Для помещения своих, не особенно, впрочем, крупных яичек, самки, как говорят, выкапывают хвостовым плавником (?) небольшие ямки в хряще и икринки, по оплодотворении, прикрывают мелкими камешками. По словам рыбаков Петербургской губернии, хариус мечет икру будто бы между корнями от сгнившей за зиму травы, а в бойких местах не нерестится. Икра эта в большом количестве истребляется рыбами, особенно сибирскими нельмами, которые в это время бывают битком набиты хариусовой икрой (Потанин).

Икра развивается довольно быстро; молодые рыбы имеют небольшой желточный пузырь, поднимаются к поверхности воды, вскоре после того как выклюнутся; растут очень скоро. При благоприятных условиях хариус уже через 2 года достигает веса 400 г, даже более, и вообще уже на третьем году достигает половой зрелости.

После нереста хариусы снова собираются небольшими стайками и, в противоположность лососям и форелям, очень скоро отъедаются.

Хотя промысел этой рыбы не имеет особенной важности, но тем не менее в верховьях уральских рек, где хариус составляет главную породу рыб, а также и во многих реках и речках севера России ловля хариуса не лишена значения и по крайней мере удовлетворяет местным потребностям.

Искусственное разведение хариуса довольно затруднительно, так как он мечет икру в довольно теплое время, когда пересылка икры и икреной рыбы очень неудобна, потому что половые продукты рыб, содержащихся в садках, не развиваются. Сколько известно до сих пор, хариуса не удавалось еще ни разу с успехом содержать и откармливать в прудах, где, однако, хорошо прижилась форель. В тех самых садках, в проточной холодной воде, где форели живут летом по несколько месяцев, хариусы, при самом тщательном уходе, не выдерживают более недели; на них показываются белые пятна с опухолью; они поднимаются на поверхность, затем переворачиваются вверх брюхом и, покрываясь желтоватой слизью, засыпают. Зимой, впрочем, хариусы живут в петербургских садках очень долго.

Ужение хариуса в большей части европейской части России совершенно неизвестно, но в северных, северо-восточных и северо-западных губерниях и в большей части Сибири оно весьма распространено и пользуется почти таким же уважением, как и ужение форели, которая в европейской части России встречается почти там же, где и хариус. Это весьма понятно, так как ловля обеих рыб, почти одинаково вкусных, гораздо труднее и требует большего искусства, чем ловля других рыб, хотя, разумеется, в глухих речках и форель и хариус берут на удочку гораздо смелее, чем там, где их часто преследуют.

Об ужении хариуса до последнего времени у нас имелось очень мало печатных сведений. Как ловят его на удочку в северо-западной России, нам неизвестно; вероятно, подобно форели – на насекомых и изредка на искусственную мушку. Терлецкий говорит, что только в притоках Немана его ловят на длинную «ходовую» удочку, с длинной лесой и без грузила, которую закидывают с берега, меняя места.

В северных уездах Вологодской губернии в лесных речках, куда ездят специально для ужения хариуса, его ловят (летом) в большом количестве. По замечанию Арсеньева, хариус берет только на перекатах; в омутах же, куда уходит после грозы, в ненастье, после дождя, когда вода очень мутна, в полдни, вероятно и на ночь, почти никогда не хватает насадки, хотя бы стоял тут массажи. На переборы хариус выходит здесь *большими, густыми стаями* – «плотом», почти поверху, «плавится». Главный лов начинается с половины июня и продолжается до августа, а самый лучший клев бывает здесь в конце июня. Берет он с раннего утра до 11 часов, причем, чем ближе к полудню, тем больше «плавится»; затем снова начинает брать с 5 часов до заката, но уже не так жадно, как утром. Ловят на легкую длинную удочку с волосяной лесой, без поплавка и грузила, на обыкновенного навозного червя или на овода, причем закидывают насадку прямо туда, где рыба плавится, почему иногда приходится заходить в воду. Здесь хариус считается очень жадной рыбой, так как, во время жора по крайней мере, берет очень верно, нередко хватает насадку на лету, прежде чем она коснулась воды, ловится зараз по паре, на два крючка, и очень смелой, так как не боится шума.

Вообще у нас ужение хариуса считается более легким, чем ужение форели, тогда как в Западной Европе, наоборот, принимается, что первый гораздо чаще срывается, чем форель. Курбатов также говорит, что хариус берет вернее форели (красули) и не объедает так часто насадку. Это странное противоречие трудно объяснимо и вероятно обусловливается тем, что наша форель значительно отличается и по внешности, и по образу жизни от западноевропейской. Янишевский замечает, однако, что хариус берет с налета и что его тотчас же надо подсекать и выкидывать на берег, следовательно, для ловли его требуется немало ловкости и проворства. Здесь, на Чусовой, хариуса тоже ловят нахлыстом, на стрекоз (?), закидывая

удочку на средину реки, в самую быстрину, почему большей частью удят стоя по колени в воде, в лаптях, чтобы предохранить ноги от острых камней.

На р. Ваге, в Вельском уезде, по словам Пospelова, ловят хариуса на хлеб (?) и на таракана-прусака, непременно на переборах, т. е. на быстрине. Удочка легкая, с леской без грузила и с маленьким поплавком. Ловят стоя в воде или с лодки. В Вельске и не знают другой насадки, кроме таракана.

Об ужении хариусов в Олонецкой губернии Воронин сообщает следующее.

Удят хариусов со вскрытия рек до 15–20 сентября, т. е. до заморозков. Удилище ореховое или березовое, редко длиннее 2,8 м, леса волосая, в 3–4 волоса, белая, наплавков – круглая пробка не более волошского ореха; поводок в один волос. Крючок маленький, вероятно настоящий 12 номер, без грузила. Лучшее время ужения – утром и вечером, в омутах вблизи горных ручьев, которые в изобилии вливаются в Аять. Насадка ранней весной – маленький красный навозный червяк, притом только такой, который при прокалывании выпускает желтую массу, потом шитик (кажется, что личинка комара), а затем почти до конца ужения – личинка мясной мухи (сальник или опарыш). Самой поздней осенью лавливали на крупные, сушеные муравьиные яйца, которые перед употреблением ошпаривали кипятком. В полдень и в жаркое время ловили в середине реки, стоя на отмелях и камнях, иногда по пояс в воде, на малого кузнечика или на серую вонючую бабочку, иногда на крупных мух. С берега ловили, выбирая прикрытием куст, или ловили с того берега, где тень от человека не падала на воду. В реке ловили с длинной лесой, пуская наживку по течению, причем в большинстве случаев хариус подсекался сам. Самые крупные экземпляры не превышали 600 г.; чаще всего попадались двухсотграммовые. Лучший клев бывает после ночного дождя. Водить рыбу избегали, а тотчас старались подсачить, так как пойманный хариус сильно плещется, отчего временно прекращается клев. В ясный жаркий день самым добычливым был полуденный лов. Клев хариуса своеобразен: на быстрине он берет с налета, а в омутах клюет очень осторожно – поплавок как будто всасывается (как клюет рак), потом сразу появится, точно подскочит, и опять начнется всасывание; затем, уже не погружаясь, движется медленно в какую-нибудь сторону. Рыбу сохраняли, зарывая в речной песок под водой.

Самые подробные сведения об ужении хариусов дает нам Либериx, удивший преимущественно в Петербургской губернии и притом на удилища с катушкой. Его описания ужения хариуса на червя, а в особенности на искусственную мушку, помещенные в январской книге «Природа и охота» за 1891 год, полнее и подробнее всех иностранных, так что требуют лишь немногих дополнений из заграничных источников.

Ловля на червя производится главным образом весной, когда вода еще мутна и хариус после нереста очень голоден. Летом берет на червя сравнительно плохо, а иногда и не берет вовсе; в это время он питается, по Либериxу, мелкими черными улитками, раковинками (моллюсками), также крошечными серыми червяками, живущими на водяных растениях, особенно на тростнике, а главным образом падающими на воду насекомыми; поэтому его всего лучше ловить нахлыстом на живых или искусственных насекомых. Осенью, в сентябре и октябре, он опять начинает хорошо брать на червя, особенно после дождей. За границей его ловят и зимой, причем лучший клев бывает в ясные, теплые и тихие дни после ночного мороза; у нас же зимняя ловля хариуса из прорубей, кажется, совершенно неизвестна; по крайней мере о ней еще никем ничего не сообщалось. При ловле на червя нет необходимости в удилище с катушкой, если только в данной местности не водятся хариусы крупнее 800 г. В силе и бойкости хариус хотя и превосходит почти всех наших карповых рыб одинакового с ним роста, но значительно уступает в этом форели. Катушка нужна больше потому, что крупный хариус, если не заглотал червя, обрывает губы, которые у этой рыбы очень слабы, кроме того, она дает возможность быстро укорачивать и удлинять лесу, что при уже-

нии хариуса приходится делать нередко. Следует напомнить, что весной попадаются самые крупные хариусы, какие очень редко ловятся летом.

По Либериху, на червя можно ловить тремя способами: с поплавком, в наметку и на донную. Насадкой во всех случаях служит небольшой (навозный) червь, а еще лучше два, три. Черви должны быть, особенно при ловле в наметку, очень крепки и довольно долго выдержаны во мху. *Притравы* никакой не употребляется, так как она недействительна. Можно только бросать в струю, во время ужения, червей, но и это не имеет полезных результатов, потому что хариус, как и форель, стаями не встречается, по крайней мере в Петербургской губ., и бросается на наживу из засады, опять в нее скрываясь. Немецкие авторы (Moerbe) советуют, впрочем, при ловле хариусов на червей (и личинок) класть насадку на несколько часов в пахучую смесь из яичного желтка, шафрана, богородской травы и нескольких капель анисового масла, но, по тем же причинам, едва ли это даст возможность поймать большее количество рыбы.

Ловят с *поплавком* преимущественно, иногда даже исключительно, в омучках, со слабым или водоворотным течением. Можно, впрочем, ловить с поплавком и на течении, закидывая червя в струю между травой, т. наз. коридор, – любимое местопребывание хариусов, причем берегом проходят шагов 20, возвращаясь обратно по 2–3 раза. Червя пускают так, чтобы он не задевал за дно. Проплывая мимо засады хариуса, он привлекает внимание рыбы – она бросается на червя с разбега и берет верно. Клев на червя сходен, по Либериху, с клевом окуня, и хариус заглатывает глубоко, почему не следует торопиться подсечкой. Впрочем, почувствовав крючок, хариус сейчас же выплевывает червя, а потому поплавок должен быть очень чувствителен и огружен как следует. Лучше всего перьяной, с небольшой дробинкой в качестве грузила. В тихой воде можно ловить и без грузила, так как червяк все равно, хотя и медленно, опустится на дно.

На неглубоких местах с каменистым неровным дном и более или менее сильным течением всего удобнее ловить в «наметку» – на длинную леску без поплавка, с небольшим грузилом. Этот способ ужения довольно оригинален и применяется для многих других рыб, кроме хариуса, поэтому приведу описание его дословно.

«Подойдя к реке, закиньте червяка прямо против себя как можно дальше или даже возьмите несколько выше: затем, подтянув немного лесу, движением удилица заставьте ее попасть в самую середину струи или, лучше сказать, между двумя струями; ослабляйте лесу с тем, чтобы грузок погрузился примерно на 35 см и шел со струей далее. Секунд через пять опять поддерживайте леску, с целью приподнять или поддержать грузок, – действуйте таким образом до тех пор, пока его течением подведет к самому берегу; поддернув его еще раз под самым берегом, где часто стоит рыба, забрасывайте снова выше и т. д. Глаз здесь при клеве не играет никакой роли, а только ощущение в руке, которое объяснит вам, задевает ли грузок или нажива за дно или камень, и тем побудит вас делать движения рукой чаще. Частым движением руки вы поддерживаете наживу выше, редкими же она будет идти ниже. На этом основано все ужение в наметку».

«Насадка ваша, рыба или червяк, должна обойти все место, находящееся против вас, обойти каждый камень, побыть в ямках и водоворотах; хороший рыболов, умением своим вовремя поддержать, заставляет насадку на проходимом ею пространстве опускаться, где глубже, или в ямки; поддернув ее, когда она подходит к камням, заставляет идти между ними так, чтобы крючок нигде не задел; миновав камни, внезапным наклоном удилица спускает лесу и дает возможность грузилу снова опуститься в воду».

«Клев рыбы выражается довольно сильным чувством в руке: это не есть мелкое дерганье – даже маленький хариус вам покажется большой рыбой. Почувствовав толчок в руке, рыболов делает самое легкое содрогание удилицем, чего уже слишком достаточно, чтобы вогнать жало крючка или даже проколоть насквозь губу рыбы; если это произошло в бою,

то бывает великолепная сцена: испуганная рыба бросается в бой; почувствовав сопротивление в губе, выскакивает наверх и, уносимая сильным течением, плещется на поверхности, кувыркаясь. В этих случаях рыболов должен быть крайне осторожен: при поимке крупной рыбы, увлекаемой таким образом течением, колесо (катушку) должно пускать свободно, но все-таки придерживая лесу пальцем; сам же рыболов должен, не медля, спуститься вниз по берегу и следовать за рыбой».

Ловля в наметку удобнее тем, что рыба берет с разбега жаднее и живость червя не играет никакой роли, так как он, поддерживаемый удищем, находится в постоянном движении. Но зато он должен быть очень крепок, ибо, задевая за дно и траву, часто рвется. Лучше всего насаживать двух на крючок с лопаточкой, чтобы первый был пропущен на леску. На быстрине хариус берет на червя смелее, охотнее и раньше, чем в омутах.

На *донную* ловят хариусов сравнительно редко, что весьма понятно. При ловле в омутах груз должен отстоять от червя по крайней мере на 54 см, чтобы наживка, увлекаемая течением, могла описывать большие круги. Величина грузила зависит от течения: если в омуте кружит, достаточно 1–2 дробины № 1, тогда крючок будет и ходить по дну и выступать к поверхности. Кроме того, с тяжелым грузилом клев всегда неверен. При ловле на донную в сильной струе, а также с лодки, когда леса вытягивается течением, груз должен быть гораздо более. Хариус на быстрине хватает жаднее и часто подсекается сам. Поэтому в омутах надо дать заглотать после поклевки, а на течении подсекать немедленно.

Во всяком случае при ловле хариуса на червя, как и при ловле на мушку, приходится часто менять место, так как хариус *стоит* на месте, а не гуляет по реке для отыскания пищи. Поймав в омуте 2–3 рыбы, надо выждать полчаса и переходить на другое место. Вот почему хариусов очень редко удят с лодки, а почти всегда с берега. Полагаю, однако, что хариусов можно было бы весьма удобно ловить на насекомых (живых и искусственных) с лодки на ходу, *плавом* – самым интересным и добычливым способом, который будет описан далее (см. «Голавль»).

Самой благоприятной погодой для ужения хариусов считается за границей (вероятно, и у нас) несколько пасмурная, при западном ветре, особенно после продолжительного ненастья; в сильную жару, когда солнце очень печет, и при восточном ветре клев бывает всегда хуже. Вообще, чем холоднее, тем хариус берет лучше. Удят на червя преимущественно по утрам и под вечер.

В Западной Европе ужение на тонущую насадку практикуется весной, в начале лета, в конце осени и зимой. Сначала ловят на червя, затем на опарыша и различных личинок; осенью на живого (с оторванными ногами), а позднее на искусственного кузнечика с грузом в туловище, также на искусственных личинок, которые нетрудно приготовить самому, облив длинный крючок с колечком свинцом или оловом, которому придается форма очень крупного опарыша; свинец этот обматывают зеленой шерстью, предварительно сделав на нем зарубки, чтобы она не скользила. В Англии поздней осенью и зимой весьма удачно ловят хариусов на икру семги. Крючок (за исключением последней насадки) должен быть несколько крупнее, чем при ловле поверху, именно № 8–9; грузило употребляется не всегда, но во всяком случае небольшое, так как удят больше в тихой воде и с легким перьяным поплавком. Леска лучше всего жилковая (в одну жилку, длиной около 2,8–3,5 м), которая пристегивается к тонкому непромокаемому катушечному шнуру. Насадка не должна касаться дна, а должна стоять по меньшей мере на 30,5 см выше, так как хариус неохотно опускается вниз за добычей, а хватает ее, поднимаясь вверх. При ловле на кузнечика поздней осенью употребляют более крепкие снасти, так как в это время нет расчета долго возиться с одной рыбой. На искусственного кузнечика удят большей частью без поплавка, беспрестанно слегка приподнимая (кистью руки) и опуская насадку.

На рыбку (гольяна, гольца) и раковую шейку хариус берет очень редко и на эти насадки ловят его случайно, при ужении других рыб. На живца обыкновенно попадает крупный хариус и б. ч. осенью, во время ловли форели.

Перехожу теперь к описанию самой главной как по добычливости, так и по интересу ловли хариусов – на живых и искусственных насекомых, причем всего более буду пользоваться наблюдениями Либериha.

Прежде всего следует заметить, что ловля хариусов на *мушку* за границей и у нас, между рыболовами на искусственную муху, считается более трудной, чем ловля форели. Хариус – самая капризная рыба при ужении – сегодня ловится отлично, завтра, при тех же условиях, не берет вовсе, хотя ловит падающих мушек. Он также весьма прихотлив на величину и цвет мушки: самые крупные хариусы иногда берут только на самую маленькую мушку. Главное же затруднение составляет то обстоятельство, что хариус хватает мушку гораздо осторожнее, чем форель, притом губами, а так как губные хрящи у него очень мягки, то очень часто обрываются. Очень хороший рыболов на искусственную мушку вытаскивает не более трети попавшихся на крючок хариусов: большинство же уходит наколотыми и с оторванными губами. Ловить без катушки на искусственную, даже на живую мушку можно только там, где хариусов очень много и никто их не удит. Кроме того, надо иметь в виду, что это рыба очень бойкая: пойманный крупный хариус бросается во все стороны, выскакивает из воды и бьется на поверхности, норовя хвостом отбиться от лески, что ему нередко и удается.

Ловля на мушку, *нахлыстом*, начинается с весны, когда установится теплая погода, и продолжается все лето и половину осени. Весной хариус берет, однако, на мушку хуже, чем на червя; летом же выходит в места бойкие и быстрые и гоняется за мушкой только ночью, так что в июне и июле редко удастся поймать его днем, преимущественно перед грозой или переменой погоды. Летом хариус сыт и на искусственную мушку идет гораздо хуже, чем на живую, особенно когда по воде много плывет мушки (мошки); в этом случае, чтобы поймать его, надо насаживать живую мушку. Вообще летом он берет плохо, и главная ловля начинается с августа и продолжается весь сентябрь, а иногда и октябрь.

Ловят нахлыстом поверху почти исключительно на течении; в омутах со слабым течением ловят на мушку очень редко, притом большей частью из-за кустов, на короткую леску и на живое насекомое. Насадив на крючок (№ 9—10) бабочку, мошкарку, поденку и т. п., осторожно опускают насадку в воду; если промежутки между ветвями слишком малы для того, чтобы пропустить леску в 2,1–2,8 м длины, то ее наворачивают на конец удилища и, пропустив последний между веток, разворачивают до тех пор, пока он будет висеть из верхней петельки колечка удилища. При этом способе, очевидно, нельзя давать ходу рыбе и надо держать ее возможно круче, опуская шнурок с катушки только в крайности, почему шнурок должен быть крепче обыкновенного. Вообще, чем течение ровнее и тише, тем хариус осторожнее, прихотливее и разборчивее на насадку.

Всего удобнее ловить на мушку в более или менее быстрых местах, на перекатах. Лучшие места – перед порогами, где вода еще имеет гладкую поверхность. Сюда к вечеру или вообще к падению мушки выходят все скрывавшиеся за ближними камнями хариусы. Они очень любят также держаться в чистых местах между травой, в так называемых коридорах, где вода бежит со значительной быстротой. Такие места особенно любят крупные хариусы, даже предпочитают их «боям». Хариус, подобно форели и многим другим рыбам, очень любит держаться там, где сливаются два течения, две струи, а потому надо закидывать немного повыше такого места. Кроме того, непременно следует забрасывать мушку впереди каждого камня, даже кола, на который наплыла трава, так как тут образуется небольшой водоворот, в котором стоит рыба, в защите от быстроты, и выжидает добычи.

Ужение на живых насекомых употребляется, только когда хариус, гоняясь за живыми насекомыми, не берет на искусственную мушку. Лучшими насадками считаются большой комар, затем поденки и желтая мошкара (*Phryganea*). Иногда крупный хариус берет только на мошку и ни за что не идет на большую. В Ивановском, на Неве, у порогов, восточным ветром иногда нагоняет с Ладожского озера мириады черных мушек (мошек), которые вызывают к берегам всех хариусов, обыкновенно стоящих здесь в порогах. Большой комар (вероятно, *Tipula*, комар-долгоножка) составляет одну из самых любимых насадок хариусов. Ловят его до солнца, когда он сидит смирно, на заборах и на листьях, в каком-то оцепенении. Когда взойдет солнце, комар отогревается и поймать его трудно. Насаживают его с головы на крючок № 9—10.

Вся трудность ловли на живых насекомых заключается в том, чтобы забросить насадку далеко, не сшибив ее. Поэтому нередко приходится прибегать к различным уловкам.

«Если по реке плывет крупное насекомое, напр. большой комар или желтая мушка, — говорит тот же Либери́х, — то советую вам на крючок № 10 или 11 насадить пару таких насекомых; забрасывая их, вы должны наблюдать, чтобы они непременно поплыли на поверхности; старайтесь становиться под ветер; против ветра даже не пробуйте. Если мушки затонули — ловите новых и насаживайте снова... Вся трудность заключается в забрасывании, особенно если нет ветра и надо бросить далеко; советую поступить так: вытяните лесы столько, сколько надо для достижения той точки, в которую хотите забросить мушку; воткнув удилице у самого берега, откуда будете забрасывать, отойдите назад в поле, имея крючок в руках; вытяните лесу, насадите насекомых и положите их на землю; возвратившись к удилице и взяв его в руку, ускоренным движением руки взмахните длинной лесой двумя кругами по воздуху, чтобы леса пришла в полное повиновение, и тогда забросьте. Когда леса станет тонуть, то спускайте удилице книзу, иначе плывущая мушка ваша затонет. Дав проплыть мушке сколько возможно (поддергивать нельзя) и видя, что она начинает поворачивать к берегу и тонуть, усиленным же движением вытяните леску из воды (причем мушка непременно окунется в воду) и опишите опять две или три дуги по воздуху, для того чтобы стряхнуть с мушки воду; во второй раз она непременно поплывет, в 3-й может быть, а в 4-й уже затонет. Тогда, вытащив ее тем же порядком из воды, откиньте мушку опять на поле, не делая никаких взмахов, воткните удилице и займитесь снова ловлей насекомых... Это делается в таком случае, если леса в два или три раза длиннее удилицы и если вы не можете, как при фальшивой мушке, выпускать ее понемногу, забрасывая прежде ближе, потом дальше, так как через это вы замочите живых мушек, прежде чем успеете забросить до избранного вами места».

«Вместо живой мушки я часто делаю то же самое с фальшивой, и сухая фальшивая мушка, попадая на воду, плывет долгое время, как живая; поэтому, если форма и цвет ее соответствуют живым, вы можете, покружив ее на воздухе или высушив, отступя в поле, действовать так, как описано для живой. Успех будет одинаковый, но замочшая фальшивая мушка требует более времени для просушки, чем поимка живых насекомых, если их много».

Что касается ужения хариуса на искусственную мушку, то оно очень мало отличается от ужения форели, к которому и отсылаем читателя. Надо заметить только, что для хариуса пригодны только мелкие мушки, в виде комара — любимого его насекомого. Мушек ярких и светлых цветов хариус не любит и предпочитает темные. Вообще при выборе мушки руководствуются величиной, цветом и формой падающих в воду насекомых. Любимые мушки хариуса самые мелкие черные, не очень пышные, такие же коричневые, а иногда серые. «Из долгого опыта, — говорит Либери́х, — я убедился, что с весны хариус любит мушку более темную, временами крупнее, к концу осени же он особенно жаден на мушку с оранжевым брюшком и светло-серо-желтыми крыльями; подобные живые мушки появляются иногда в конце августа и держатся до самых морозов».

Подсекать надо очень легко, особенно на быстрине; следует иметь в виду, что губы у хариуса очень нежны. Крупного хариуса необходимо прежде поводить, причем полезно даже спускаться вниз по реке. Такой хариус обыкновенно тянет ко дну, и потому в травянистых местах надо держать его круче, стараясь, чтобы он держался ближе к поверхности.

В больших реках, например в Неве, где его почти не ловят на удочку, так как он стоит здесь в порогах, хариус берет гораздо лучше и ужение его весьма просто. В Ивановском, напр., его ловят в большом количестве на так называемую *обшивку*. Это нечто вроде искусственной мушки, очень плохо сделанной из 2-х довольно длинных перьев, около 2,5 см длинной, прикрепленных к крючку № 5. Так как хариус подходит (как и на других больших реках) к берегам редко и только во время падения мушки, то ловят здесь на обшивку с лодки и плавом, отпуская довольно далеко от себя, т. е. эта ловля напоминает ловлю «на дорожку» (металлическую рыбку) хищной рыбы. На Свири, наконец, по словам Либериha, ловят хариусов особыми подпусками, без грузка, на которые насажено от 10 до 20 обшивок. Леса, привязанная к короткому удильнику, который держится в руке, вытягивается по течению вместе с обшивками. Ловля эта производится с лодки и на значительной быстрине. После этого понятно, почему на севере и северо-востоке России и во всей Сибири клев хариуса считается очень верным и эту рыбу зачастую ловят на удочку пудами.

Корюшка *Osmerus eperlanus* (L.)

Эта небольшая рыба, бесспорно, самая популярная в северо-западной России.

Корюшка и снеток принадлежат к особому роду (*Osmerus*) семейства лососевых, который отличается довольно большим ростом, более длинной нижней челюстью, многочисленными и большими зубами и очень нежной чешуей; спинной плавник начинается не впереди брюшных плавников, как у сига и хариуса, а позади; боковая линия неполная. Обе рыбы отличаются друг от друга почти только величиной, и последние исследования Кесслера доказали положительно, что они принадлежат к одному виду. Тщательно сличая между собой корюшек и т. н. снетков из очень многих озер, наш известный ихтиолог пришел к убеждению, что нет возможности удовлетворительно отличать их между собой. По мнению прежних исследователей, корюшка, кроме величины, отличается от снетка своими зубами, менее выдающейся нижней челюстью, менее сжатой головой, относительно меньшими глазами; но профессор Кесслер убедился, что признаки эти весьма изменчивы и непостоянны. Даже величина корюшки обуславливается величиной и глубиной бассейна, и в каждом озере эта рыба имеет свои особые, более или менее характерные приметы. Нет никакого сомнения, что снеток есть не что иное как выродившаяся корюшка – первоначально исключительно морская рыба, что доказывается ее наибольшим ростом в Финском заливе. Уже в Онежском озере корюшка мельче, чем в Ладожском, а в других озерах бывает еще мельче и часто называется снетком.

Рис. 65. Голова корюшки

Живая корюшка очень красива. Спина у нее буровато-зеленая, несколько просвечивающая, так как спинные чешуйки не выложены внутри серебристым пигментом, бока серебристые с голубым отливом сверху и снизу; эта серебристая полоса бывает то шире, то уже, то *более* или менее блестяща (смотря по местообитанию), начинается от жаберной крышки и, постепенно суживаясь, тянется до основания хвостового плавника; у молодых ее вовсе не бывает. Этот серебристый цвет боков туловища зависит от пигмента, отложенного в самой коже, под чешуями. Брюшная плева тоже серебристая, а на внутренней стороне жаберной крышки находится отложение черного пигмента в виде *более* или менее густых пятен. Плавники корюшки беловатые, но иногда бывают то светлее, то темнее. Самцы отличаются от самок *более* выдающейся нижней челюстью, а во время нереста – большим количеством бородавочек на голове и нижних парных плавниках.

Рис. 66. Корюшка

Величина этой рыбы незначительна: наичаще корюшка бывает ростом от 15 до 19 см и в редких случаях достигает длины 25 см.

Корюшка водится в северных морях старого света – Ледовитом, Белом, Балтийском и Немецком. Это главное ее местообитание, но, кроме того, она встречается в очень многих больших и глубоких озерах северо-западной России и Швеции. У нас она всего многочис-

леннее в Финском заливе, откуда весной входит в несметном множестве в Неву и Нарову. Затем, она весьма обыкновенна в Ладожском озере, где отличается от морской более темным цветом, в Онежском и весьма многих смежных с ним озерах, также в Чудском и Псковском озерах. Корюшка водится также и в некоторых озерах Курляндской губернии и заходит весной в р. Пернову Лифляндской. Кроме того, она держится в большом количестве в устьях Северной Двины.

Корюшка ходит всегда очень большими табунами. Обыкновенно она живет на глубоких песчаных местах моря или озера, но для метания икры вступает в реки, хотя редко поднимается по ним очень высоко и избегает быстрого течения. Пища ее состоит из различных мелких животных, исключительно небольших рачков – дафний, циприсов, циклопов, но крупная корюшка едва ли не кормится исключительно молодью других рыб или даже собственной; на хищность этой рыбы указывают и острые зубы ее. По Кесслеру, эта склонность крупных рыбок к пожиранию мелких рыбешек своего же племени замечается в особенности в таких озерах, где нет другой, более подходящей пищи, напр. в Валдайском озере. Корюшка весьма прожорлива, и случается находить в желудке 17,5-сантиметровой рыбы трехвершковую. Вероятно, корюшка питается весьма разнообразными животными; этому следует приписать то обстоятельство, что в редкой невской корюшке нельзя не найти в плавательном пузыре (сообщающемся с пищеводом) несколько штук, а иногда несколько десятков крупных глистов. Эти рыбки отличаются от всех видов сем. лососевых своею живучестью: будучи вынуты из воды, они остаются живыми по целым часам, вероятно от того, что над жабрами находятся две небольшие полости в виде мешочков, в которых может сохраняться вода.

В противоположность сигам, корюшка нерестится весной, в конце апреля или в мае, смотря по местности и погоде; в это время самцы покрываются сверху шероховатой белой пленкой. В северной Германии она поднимается в марте и апреле из глубины моря (Балтийского и Немецкого) в верхние слои и входит в реки, поднимаясь по ним довольно высоко – до среднего их течения. В Неву корюшка входит из Финского залива немедленно по вскрытии реки, не поднимаясь, однако, по ней очень далеко, и начинает метать икру, когда вода несколько потеплеет – в мае, иногда даже, при холодной погоде, в конце этого месяца. Вероятно, причиной сравнительно позднего нереста ее служит здесь низкая температура невской воды, обуславливаемая ходом ладожского льда. По ла Бланшеру, корюшка нерестится при температуре воды в 8—10 Цельсия. В Онежском озере ход корюшки в губы и устья рек начинается подо льдом, в конце апреля; в Вытегру, напр., она идет в течение 4–5 дней, или, вернее, ночей. Корюшка избегает быстрины, придерживается более песчаных берегов и, выметав здесь икру, вскоре возвращается обратно. За стадами корюшки идут хищные рыбы – щука, палья, налим, также сиги, хариус и особенно колюшка – истребители ее икры. Желтоватая икра эта, сравнительно с икрой сегов и лососей, очень мелка (в 1 мм) и многочисленна, так как в рыбе средней величины насчитывают около 50 000 икринок. По ла Бланшеру, последние прилипают к песку, и рыбки выклеваются через 5—10 дней; последнее вряд ли справедливо. Молодь держится в верхних слоях воды и растет очень быстро, так что в августе достигает 7,5 см. По Борне и Яреллю, молодая корюшка в это время скатывается вниз к устьям и держится здесь некоторое (?) время, то загоняемая в реку приливом, то отбрасываемая отливом в море.

Главная ловля корюшки производится во время весеннего ее хода: в Неве особыми сетями – мережами, в Онежском озере, в устьях рек, – большими неводами, а в реках сетями, растянутыми на ряде кольев, которые вбиваются, начиная от берега, не поперек реки, а под острым углом. В Ладожском озере, кроме весеннего лова в реках, после их вскрытия, корюшку ловят и летом (в северной части озера) большими неводами. В Белом море главная

ловля этой рыбы производится в начале зимы – до Нового года, около берегов, трехстенными сетями (длиной до 42 м и не более 1,4 м ширины), в которых она запутывается.

Кроме того, по берегам Белого моря значительное количество корюшки добывается ужением, которым занимаются здесь преимущественно женщины, старые и подростки. Удят корюшку по льду, почти в течение всей зимы, но главным образом в феврале и марте. К короткой (около 26 см) и узкой (4,5 см) дощечке (клещице), заменяющей удилище, с вырезками для наматывания лесы, привязана волосяная леса в 4,2–6,3 м длины с свинцовым грузилом длиной в 7 см и диаметром в 1,7 см. Сквозь нижний конец грузила продевается «перевесло» – проволока (или тонкая железная палочка) в 13 см длины, к концам которой привязаны на волосяных поводках (тоньках) в 13 см длины довольно большие крючки без загиба (т. е. жало и стержень в одной плоскости) и с жалом, отогнутым наружу. Иногда перевеслом служит само грузило, которому придана форма пологой дуги; в этой свинцовой дужке (привязываемой посредине) продельвается от 3 до 5 дырочек, в которые продеваются топьки с крючками. Насадкой служит небольшой кусок рыбы (наваги, корюшки, мелкой сельди, вьюна или сижка); наживленные крючки опускают через прорубь (до 35 см диаметром) так, чтобы они стояли в полводы (корюшка держится в далеком расстоянии от дна), и кладут клещицу поперек проруби или прижимают ее рогулькой, воткнутой в снег. Обыкновенно в одну прорубь спускаются по две лесы. Время от времени, подергивая за клещицу, рыболов узнает, попалась ли рыба; в последнем случае быстро вытаскивает леску и ударом маленькой палочки по голове или просто ударом об лед высвобождает крючок и снова опускает леску в прорубь. Таким же способом удят (с февраля) корюшку и в южных частях Ладожского озера (на куски корюшки же), но здесь только при хорошем лове удается поймать до 300 штук в день.

У нас охотники-рыболовы, кажется, нигде не занимаются ужением корюшки, вероятно по той причине, что ее можно ловить только в море. Но в Германии и в Англии, где корюшка дольше держится в реках и дальше заходит в них, ужение это довольно распространено, хотя, за свою легкость, не пользуется особым уважением. В устьях Темзы ее удят в большом количестве с плотов, доков, кораблей с середины июня до конца ноября, главным образом летом, на глубине не менее 2,1–2,4 м маленькой удочкой с поплавком и несколькими мелкими крючками (№ 8–9), привязанными к леске на коротких поводках в расстоянии 22,5 см. Насадкою служат черви, куски раков, крабов, морская мокрица (*Asellus aquaticus*), но лучше всего берет корюшка на кусочки угря, вырезанные с брюшной части. При поклевке поплавок ложится на воду, и в этот момент надо подсекать быстрым и резким движением. По Алькену, в Германии ловят корюшку (в море и речных устьях) с июля (по Борне – с июня) по декабрь, на короткие крепкие удилища с тяжелым поплавком и длинной бечевкой с грузилом на конце и 10–12 (и более) крючками, привязанными, как сказано выше, всего лучше, однако, на поводках из щетины. Грузило должно касаться дна. На крючки насаживаются преимущественно куски рыбы (угря, корюшки) величиной с ноготь, причем нет надобности закрывать крючок, так как корюшка берет очень жадно: при хорошем клеве иногда в несколько минут (?) выуживают 60–70 штук. Иногда удят корюшку без поплавка, беспрестанно опускающая и приподымающая леску, так как клева ее не слышно. По своей необыкновенной живучести корюшка служит превосходной насадкой для ловли всех хищных рыб.

Несмотря на то что количество корюшки, добываемой на севере и северо-западе России, весьма значительно, рыба эта далеко не имеет такого важного промыслового значения и такого обширного сбыта, как снеток. Большей частью она поступает в продажу свежей, и ценность ее сравнительно с ряпушкой весьма незначительна. Мясо ее очень нежно и вкусно, но имеет специфический запах, похожий на огуречный, который усиливается во время нереста и многим не нравится. Запах этот, однако, исчезает после копчения. Коптят корюшку,

впрочем, редко по причине ее дешевизны; большую часть летнего улова в северной части Ладожского озера сушат в печах, причем из 48 кг свежей выходит 16 кг сушеной рыбы.

Из всех лососевых рыб корюшка самая неприхотливая и легко может быть разведена во всяком значительном озере, имеющем достаточную глубину и довольно холодную воду. В Англии, по словам Борне, эту рыбу содержат даже в прудах (вероятно, ключевых), и там она очень хорошо и сильно размножается. Всего выгоднее было бы разведение корюшки в озерах центральной России, в которой она имеет сравнительно довольно значительную ценность.

Снеток *Osmerus eperlanus morpha spirinchus* Pall

Как уже было сказано выше, снеток отличается от корюшки почти единственно меньшим своим ростом. Обыкновенная его величина 7,5—10 см, очень редко 15 см, как напр. в Валдайском озере, — так что снеток, бесспорно, самая маленькая рыбка, имеющая промысловое значение. Это значение даже гораздо более, нежели значение корюшки: сушеный и мороженный снеток развозится по всей северной и средней России, и количество его надобно считать сотнями тысяч пудов.

Главное местопребывание снетка — озера северной Европы и то, впрочем, весьма немногие. Есть ли он в Сибири — достоверно неизвестно, хотя Паллас и утверждает, что снеток водится на Камчатке. Сколько известно, эта рыбка составляет исключительную принадлежность озер северо-западной России; на севере, по-видимому, она редка и б. ч. попадает в форма, составляющая переход к корюшке (напр., в Голодной губе, у устьев Печоры, где она называется *нагышом*). Из других местностей Европы снеток встречается во многих озерах Швеции, в некоторых местностях Пруссии и Бранденбурга, но уже довольно редко, и здесь он не имеет никакого промыслового значения и даже редко употребляется в пищу.

Даже в таких озерах, как Чудское и Псковское, где снетки составляют главную массу всей рыбы, они, по-видимому, годами почти совершенно исчезают на более или менее продолжительное время. Так, в 60-х годах, по Данилевскому, снетков вовсе не было в Чудском озере; он был снесен оттуда в Нарову и снова появился только в конце 60-х годов из Псковского озера, так что в зиму 1870—71 года ловился в гораздо большем количестве, чем в последнем. Точно так же и 1839 год был замечателен отсутствием снетков в Псковском озере, которые были угнаны ветром в Пейпус. Вообще снеток — рыба периодическая, и многочисленность ее в одни годы и малочисленность в другие зависит главным образом от состояния погоды в летнее время: сильные ветры и бури выгоняют снетков в другие озера, уничтожают икру, а дождливое и холодное лето имеет большое влияние на развитие их молоди, а также на прирост ее, потому годами снеток бывает крупнее и мельче. В теплое время в озерах образуется множество водорослей, наполняющих собой в виде зеленых шариков целые полосы воды. Эту органическую массу рыбаки называют снетковым кормом и при ловле всегда отыскивают места, где вода окрашена водорослями в зеленый цвет. Особенности удобства в этом отношении представляет Псковское озеро, которое как бы окаймлено обширной береговой песчаной террасой; здесь глубина воды не превышает 2,1 м, и во множестве растут *Potamogeton* и разные водоросли — приют и пища мелких ракообразных, главный корм снетков. Далее эта терраса круто обрывается, и дно озера представляет горизонтальную равнину без отмелей, где глубина воды равняется 5,3—6,3 м и где держится взрослая рыба. Весь снеток Псковского и Чудского озер все лето проводит в этом месте и только при ветреной и дурной погоде временно уходит на илистые места, в глубь озера, куда совершенно удаляется к осени, собравшись в огромные стаи. По Беру, снеток Псковского озера осенью постепенно переходил в северный отдел Пейпуса, оставался для метания икры до половины мая и затем снова возвращался в Псковское озеро; но, по свидетельству Васильева, снеток для метания икры попадает в Чудское озеро редкий год и загоняется в него ветрами или льдами, да и вообще последнее при чистоте дна и воды, а также по обилию хищных рыб не может представить тех удобств для размножения снетка, какие он имеет в Псковском. По этим причинам снеток, очевидно, должен быть гораздо малочисленнее в Пейпусе, хотя достигает в нем большого роста, а потому замечание Бера о ежегодных переходах снетков должно быть признано неверным. Вероятно, случайное было возведено им в общее. Напротив, основываясь на том, что после неурожайных годов (т. е. когда снеток для метания икры попадает

в Чудское озеро) в Псковском озере попадает снеток в большем против обыкновенного количестве, надо полагать, что значительная часть и коренного Чудского снетка уходит в Псковское озеро.

Нерестится снеток, так же как и корюшка, ранней весной, но обыкновенно после вскрытия озер или, по крайней мере, впадающих в эти озера рек. При ранней весне и благоприятных ветрах снеток мечет икру, кажется, на прибрежных отмелях озера, в противном случае массами входит в реки, так что его можно в это время черпать ковшом. В Псковском озере нерест (в озере и в устьях р. Вешкой) происходит в конце марта и в начале апреля, то же в оз. Селигер; в Чудском и Ильмене (в рр. Шелони и Ловати) несколько позднее; в Белоозере же, по Данилевскому, ход снетка (в устьях Ковжи и Кемы, особенно последней) продолжается с 22 апр. до 9 мая, причем, однако, главный лов (в самый разгар нереста) продолжается не более трех дней, вернее ночей, так как снеток идет и нерестится по ночам.

Икра выметывается им на песчаных или хрящеватых местах и плавает здесь такими массами, что при весенней ловле вытаскивается всегда в огромном количестве на берег. Хотя вместе со взрослым снетком ловится и мелкий годовалый, в 2,2 см величиной, но икры он не имеет, а потому надо принять, что эта порода становится способной к размножению только в конце второго года жизни, все-таки раньше всех других промысловых рыб, которые нерестятся обыкновенно по 3-му или 4-му году. Во время нереста снетки покрываются мелкими бородавочками. Васильев говорит, что икра снетка задерживается водорослями, покрывающими дно озера (Псковского), которые таким образом предохраняют ее от истребления другими рыбами, но это мнение не выдерживает критики, потому что в начале апреля может быть только прошлогодняя водная растительность, и водоросли, и водяные растения могут иметь значение для снетков не раньше мая, даже июня, доставляя убежище для взрослых рыб, а для молоди, кроме того, и пищу (водоросли). Молодь, впрочем, несомненно живет в более мелких местах и ближе к берегу, чем крупный снеток.

В Ильмени снетки, выметавшие икру, держатся некоторое время на мелкой прибрежной полосе (с песчаным дном) и уходят в глубокую и илистую часть озера еще в июне. В июле его начинает преследовать мелкий окунь-сеголеток, и стада молодых снетков до глубокой осени всегда бывают окаймлены мелким окунцом, следующим за ними всюду и находящим для себя постоянную пищу в отстающих и слабых; в середину стада окунец пробраться не может. По свидетельству того же Васильева, окунец оставляет снетка, когда последний перерастет своего преследователя. Для ловцов Псковского озера отсутствие между снетками окунца служит признаком их зрелости, и смешанные уловы ценятся очень низко. Вообще размножение снетков зависит как от весенних ветров, выбрасывающих на берег их икру, так едва ли не более от урожая окуней, который, как было сказано выше (см. окунь), бывает наибольшим при весенних ветрах. По наблюдениям Гримма, в годы обильного урожая острянчика совсем не ловится молодой снеток, так как весь он делается добычей окуньков, и сильно размножившиеся окуни могут даже совершенно истребить всех снетков в озере.

Ловля снетков производится, напр. в Белоозере, в течение всего года почти без перерыва, но в Чудском озере зимняя ловля незначительна, вероятно потому, что здесь снеток уходит на зимовку в самые глубокие места. В последнее время весенний лов практикуется уже далеко не повсеместно, так как даже сами рыбаки начинают приходить к тому убеждению, что ловля во время нереста уменьшает количество осенних и зимних уловов, дающих рыбу более ценную и с более обширным сбытом. Весенний лов производился прежде в Псковском озере, главным образом в устье Великой, неводами около 420 м длины с мотней до 10,5 м. Почти такими же неводами ловят во время нереста в устьях Шелони и Ловати, на озере Ильмене, Ковжи и Кемы, на Белоозере, но здесь, кроме того, вычерпывают большое количество рыбы частыми саками, вроде наметки. Летний лов начинается обыкновенно с 1 августа (Псковское озеро). Осенний лов считается с 8 сентября до замерзания, зимой —

с замерзания озера до его вскрытия. Наибольшее количество снетка добывается, конечно, зимой, а так как неводная ловля подо льдом производится совершенно иначе, чем летом и осенью, и известна весьма немногим, то я приведу здесь описание этого лова на Псковском озере, который в общем, кроме названий терминов, немногим лишь отличается от зимнего неводного лова в других русских озерах и реках.

Для ловли снетков употребляется в это время большой невод (запас), состоящий, как всегда, из двух крыльев и мотни (матки), только эти части невода имеют более частые ячей, чем для ловли другой рыбы.

В Псковском озере большая часть пойманного снетка продается скупщикам-прасолам и поступает на снетосушильные заводы, но в других местах он сушится только летом и осенью, а зимний снеток поступает в продажу мерзлым. Лучший сушеный снеток – талабский, желтоватого цвета, а из мороженных всего дороже ценится крупный и белый белозерский снеток. Сушится он в больших печах, нарочно для этого устраиваемых, и сушится в различной степени, смотря по тому, имеется ли в виду ближний или дальний сбыт.

Снеток, особенно сушеный, частью и мороженный, имеет весьма обширный сбыт и сравнительно очень высокую стоимость.

Это важное экономическое значение снетка объясняется как его многочисленностью и быстротой размножения, так еще более его высокими качествами. Обладая большим количеством жира, снеток дает дешевую и питательную пищу.

Более нежели вероятно, что со временем промысловое значение снетка значительно увеличится, так как не подлежит никакому сомнению, что он всего успешнее размножается там, где крупная рыба почти выловлена. Таким образом, очень многие озера ожидают участь Псковского озера, в котором с давних времен производится едва ли не самый интенсивный неводный лов, обусловливаемый удобствами этого лова. Можно даже сказать, что разведение снетка в сильно вылавливаемых озерах средней России было бы весьма желательно, во всяком случае более желательно, чем разведение, например, форели и сига – рыб несравненно более прихотливых и все-таки, несмотря на свою ценность, гораздо менее важных, чем снеток. В неглубоких (хотя и не особенно мелких) и кормных бассейнах снеток с выгодой мог бы занять место щуки, окуня, плотвы и других сравнительно дешевых озерных рыб, имеющих некоторую ценность только в свежем виде, тем более – место совершенно ничего не стоящей верховки. Снеток, подобно корюшке, очень живучая рыба и, если не помять и осторожно вынуть из невода, без сомнения, может выдержать более дальнюю перевозку, чем, напр., окунь и щука.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.